
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Андрей Новиков
(г. Липецк)

Первая серьезная публикация состоялась в журнале «Подъем» в 1984 году. Печатался в газетах «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Общеписательская литературная газета», во многих журналах СССР, России, Киргизии, Белоруссии, в альманахах «Паровозъ», «Истоки», «Поэзия», «День поэзии», «Академия поэзии», «Под часами», в коллективных сборниках «Турнир», «Дебют в «Современнике», «Молодая гвардия—85», «Тверской бульвар, 25». Автор 5 книг. Секретарь Союза писателей России.

КНИЖНЫЕ ЛЮДИ

После окончания культурно-просветительного училища Аня получила распределение на работу в большое село Подгорное. Она стояло в девяти километрах от райцентра. Комнату ей пообещали снять у сельской пенсионерки. Рейсовый автобус сломался на середине пути и Ане, единственной пассажирке, пришлось зимней ночью идти больше часа пешком. Ей даже показалось, что на пустынной дороге, огороженной деревянными снегозащитными щитами, она видела волка. В темноте из придорожных кустов горели два внимательных глаза. Она шла и боялась обернуться. Так и вошла она в темное село, нужный дом спросила у стоявшей у колонки женщины:

— Это вам к Елизавете Дымовой,— опустила оцинкованное ведро закутанная в теплый платок селянка,— вот тот дом, из красного кирпича возле склада, видите, окно горит?

Аня благодарно кивнула и пошла на слабый огонек за красной занавеской. Дом у пенсионерки Дымовой был небольшой, кирпичный, в одно окно, с пристроенным двором из самана. Весь двор был заполнен желтыми и оранжевыми тыквами, часть из них уже успела подгнить. Старушка Елизавета встретила Аню приветливо, быстро оценив, что новая библиотекарьша сильно продрогла.

— Автобус сломался,— виновато сказала Аня,— я полдороги пешком шла. Мне кажется, я волка видела, сильно испугалась.

— У нас такое бывает,— кивнула пенсионерка,— ты полезай-ка на печь, задницу греть, а я щи тебе разогрею.

Аня молча и с благодарностью влезла прямо в пальто на полати. Они пахли старыми валенками, шиповником и сухой глиной. Уже через полчаса она согрелась, а бабка Елизавета разогрела щи на электрической плите.

Она подала Ане щи прямо в помятой алюминиевой кастрюле, нарезав несколько пластиков сала и черного хлеба. Эта простая еда показалась Ане самой вкусной на свете. В это время бабка Елизавета, бурча себе под нос, перешла к разговору о личной жизни. На стене, в деревянной рамочке, висели старые, пожелтевшие семейные фотографии. Одна была самая крупная, с человеком в военной гимнастерке:

— Вот я с Петром Федоровичем тридцать лет прожила, умер десять лет назад от воспаления легких. Шестерых детей родили, трое померли, а остальных жизнь по всей стране развела. Редко приезжают, внуков всего два раза видела. Мужа всю жизнь по имени и отчеству звала, не так как теперь у вас принято, в строгости жили, даже ни разу не поцеловались.

Аня от неожиданности поперхнулась щами:

— Как это так, шестерых детей сделали и не поцеловались?

— А что я,— хитро улыбнулась бабка Елизавета,— спать лягу, он сзади пристроится и что-то там ворочается себе, а я вид делаю, что сплю. Так дети и получались, без всяких ваших поцелуев!

Библиотечные дни были похожи один на другой. В натопленном большой металлической печью зале стоял резкий запах типографской краски, книг, газет, журналов. Молодая библиотекарьша Аня откровенно скучала целыми днями, дожидаясь конца рабочего дня. Уже была прочитана вся периодика, а любимые книги, которые она перечитывала, вызывали теперь раздражение и равнодушие. Она часами смотрела на тихую сельскую улицу, на кладбище, примыкавшее к деревянному зданию библиотеки. Читателей не было. Изредка в библиотеке появлялся кто-то из школьников. Она до сих пор помнит своего первого читателя — смышленного белобрысого подростка, как его почему-то боялась и непонятно почему рекомендовала четырнадцатилетнему мальчишке рассказы Борхеса. Он принес книжку через день, разочарованно признавшись, «как скучно и куце пишет этот дядя».

Ученики просили книги из школьной программы, иногда забавно путая названия и авторов, не зная, что им вообще нужно. Или просили книжку про войну или приключенческую. Школьная программа ее все более настораживала, даже на привычные басни Крылова она стала смотреть с подозрением. Вот ведь пишет: «На ель ворона взгромоздись». Сколько же должна весить такая ворона, чтобы «взгромоздиться»? А стихотворение Некрасова о медведе, которого смотритель принял за генерала? Употребил классик неуклюжее сравнение «Мохнатый седачок»? Один из юных читателей и вовсе рассмешил, попросив стихотворение Пушкина «Я помню жуткое мгновение...» Иногда Аня делала обход по домам должников, книги возвращали в потрепанном виде, были и с коричневыми следами от тарелки с супом. Библиотекарша только вздыхала и пеняла нерадивым читателям, предупреждала, что книги больше не даст, однако покорно выдавала нужную литературу проштрафившимся читателям.

Путь к домам нескольких должников проходил прямо через кладбище, так было короче. По дороге Аня с интересом рассматривала припорошенные снегом, заросшие сухим бурьяном могилы, читала таблички с именами усопших. «Да здесь все библиографические данные!»,— невольно осенила ее лукавая мысль, она хорошо помнила, как пару дней назад в библиотеку наведальсь районное начальство и требовало увеличить количество читателей, грозили урезать финансирование или вовсе библиотеку закрыть.

— Что я сделаю, если нет читателей,— робко оправдывалась Аня,— кто на селе книги читает, кроме школьников?

— Вы плохо работаете,— с непроницаемым лицом отвечал ей молодой чиновник в модной финской дубленке,— ищите индивидуальный подход к сельскому труженнику. Объясните трактористу или доярке, что книга — источник знаний.

Библиотекарша слушала и покорно молчала, другой работы все равно не было. Но выход из положения она нашла и весьма необычный.

Так Аня завела в библиотеке новые формуляры с фамилиями покойников. Вначале она боялась, что обман может вскрыться, но отчеты проходили нужные инстанции и на них никто не обращал внимание. Есть новые читатели и есть. Иногда она, осторожно проходя по кладбищу, останавливалась у могилы потустороннего абонента и весело спрашивала:

— Ну, что Валерий Иванович Карпенко, новый роман Донцовой понравился?

Ей казалось, что могильный холмик с колеблющимися на ветру останками проволочных венков глухо отвечает:

— Да разве можно это читать?

Однажды, к концу рабочего дня, сидя за столом в библиотеке, Аня услышала, как тихо скрипнула входная дверь, и раздалась шаркающие шаги. Она привычно не подняла глаз и спросила:

— Вам какая книга нужна? У нас есть новые поступления.

Через секунду Аня подняла глаза, но перед ней никого не было, только в открытую сквозняком дверь, как ей показалась, метнулась длинная тень. Но ведь шаги она явно слышала? Более того, на полу остались большие мокрые следы. Аня не испугалась. Она стала ждать, что будет дальше. Но ничего больше в этот день не происходило. От безделья Аня даже сама попробовала написать книгу, но смогла только вывести черной авторучкой на салатовой клеенчатой обложке общей тетради название: «Село и люди».

— Какие люди? Какое село? — вслух невольно произнесла она,— мужики почти все спились и вымерли от суррогатного спирта, а бабы злые, молодежь разбежалась...

За Аней несколько дней пытался ухаживать местный парень. Он возил в село баллоны с газом. Алексей был мешковат, хотя ему было всего двадцать пять лет. Он считался завидным женихом на селе, работает газовиком, зарплата для села большая, и служебным грузовиком он пользовался, как личным. Начальство позволяло ему держать машину в заулке возле дома, Алексей ездил на ней в лес, на рыбалку, иногда калымил, была она и хорошим подспорьем в личном хозяйстве. Некоторое время он пристрастился к спиртному, но его властная мать Полина быстро пресекла слабость сына, отобрав у него пластиковую карточку, на которую начисляли зарплату. Он как-то пригласил Аню в местном клубе на танец, неуклюже обнимал, а после они смотрели польский фильм в этом же клубе, где, как ей показалось, Алексей смеялся в ненужных местах. Аня отчужденно смотрела на его профиль в темноте зала и думала, зачем у него на таком большом лице такой маленький нос? От бабки Елизаветы она недавно слышала, что чем больше у мужчины нос, тем больше его мужское достоинство. Рассуждение старухи тогда очень насмешило ее. «Может быть, поэтому Алексей до сих пор не женат»,— невольно подумала она.

Один раз она ужинала в доме Алексея, ее поразила властная мать, жидкая, темная похлебка с грибами, которую молча, как по команде, ели за столом. Полина расспрашивала Аню о родственниках, учебе в педучилище. А после высокомерно глядя на библиотекаршу сказала, что хотела бы для Алексея невесту из местных девушек.

Алексей отвел глаза и промолчал. Больше они не встречались.

В этот день Аня пришла в библиотеку за полчаса до ее открытия. Она просто спешила уйти из дома бабки Елизаветы, житье на квартире у старухи становилось невмоготу. Бабка постоянно заводила разговоры о повышении квартплаты, у Ани

стали исчезать ее продукты, мелкие деньги. Ранний час библиотеки был пустым и душным от печного отопления. Она с оторопью увидела, как к ее столу подошел мужчина в сером мешковатом костюме и заснеженных домашних тапочках. Лицо у мужчины было землистого цвета с тонкими синими губами.

— Я Вам, наконец, книгу принес, три года назад брал почитать Островского, да и забыл о ней. Вчера случайно в серванте нашел.

— Вы у меня ничего не брали,— пролепетала Аня странному абоненту,— Вам не холодно из дома было в костюме идти?

Мужчина ничего не ответил, медленно повернулся и вышел на улицу, унося с собой потрепанную книгу. Аня только обратила внимание на его неестественно прямую спину со следами больших черных ниток и мокрой земли на костюме, необычную шаркающую походку. Буквально через минуту раздался телефонный звонок. Районный начальник перешел к делу без ненужных вступлений:

— Как Вы посмели покойников в библиотеку записывать? — услышала она истеричный голос в трубке,— как до такой мерзости додумались? Вас впору под суд отдать!

— А что мне делать,— севшим голосом пролепетала библиотекарша,— Вы читателей требуете, а их нет...

— Приезжайте в район, пишите заявление об уходе, я как-нибудь утрясу скандал. Один из бывших жителей села увидел в Ваших отчетах своего давно умершего родственника и еще нескольких сельских покойников.

Собралась Аня быстро, с бабкой Елизаветой даже не попрощалась и уже через час была на автобусной остановке. Удивительно, на душе было почему-то не горько, а радостно и впереди озорно светило яркое февральское солнце, обещая новую жизнь.

МИША-ПИСТОЛЕТИК

Миша-пистолетик, будь он знаменит, давно бы посрамил книгу рекордов Гиннеса. Ибо вопреки известным постулатам медицины, выпивал он последние лет двадцать по пять бутылок водки в день. Причем, за очередной бутылкой ездил в сельский магазин на велосипеде и с двухколесного коня никогда не падал. Жил Миша-пистолетик всю жизнь в примаках в избе у тещи. Он, теща Маня и жена Шураня. Пил и жил вольготно, теща была пенсионеркой областного значения, отработала на ферме, хотите верьте, а хотите нет — 60 лет. С 15 лет до 75. Пенсия у орденосной тещи была даже по городским меркам огромная — 35 тысяч. Вот и лил Миша-пистолетик водку в луженую глотку, закусывая первоклассной бужениной. Женщинам мяса не давал, все съедал сам и приговаривал:

— У вас все равно, поганки, зубов нет.

А прозвали его Мишей-пистолетиком потому, что пугал он домочадцев в пьяном виде самодельным пистолетом, вроде пугача.

В такие опасные минуты теща Маня и жена Шураня тихо сидели на диване, а Миша-пистолетик, не выпуская пугача из рук, злобно наступал кошке на хвост. Жена толкала локтем тещу и та многозначительно издавала звук:

— Мяу!

А следом за тещей мяукала и жена. Любил Миша-пистолетик только своего петуха. Выйдет на крыльцо, и кричит:

— Петя, Петя, ко-ко-ко...

И кормил любимца кошачьим кормом.

К мясу у Миши-пистолетика было очень трогательное отношение.

Ел он мясо всю жизнь от пуза. Жена и теща держали всегда много скотины. Позвал он как-то сестру Лиду в гости. Не хотела она идти, да брат настоял:

— Пойдем, Лида, я тебе мясо покажу.

Зашла сестра в веранду, а там туша телянка и свиная туша лежат. Показывает Миша-пистолетик сестре на туши и кричит радостно:

— Гляди, Лида, сколько у нас мяса!

А тут жена Шураня в веранду с красными заплаканными глазами врывается и тоже кричит:

— Ты что, опоек, чужим мясом распоряжаешься, ты растил это мясо!

Тут уж сестра Лида перепугалась:

— Шура, да не нужно мне вашего мяса, у меня же муж на мясокомбинате работает, что мы — мяса не видели?

Конечно, пыталась Шураня алкоголизм мужа укоротить. Да что подделаешь? Коли на бутылку супругу не даст — Миша-пистолетик берет веревку и идет в баню вешаться. Однажды и в лес вешаться пошел, да веревку потерял. Даже спать с веревкой на шее ложился. А как такое допустить? В деревне злые языки обязательно скажут, дескать, что это за жена, если муж в доме повесился?

Вот и приходится ей в день несколько раз мужу на бутылку давать. Подойдет к ней муж, ущипнет за заднее место и кашляет в кулачек, а она ему денежку в ответ дает и только со слезами приговаривает:

— Когда же ты обопьешься, Юрьевский мерин!

Всю жизнь Миша-пистолетик от Шураня по бабам ходил. Но самая трогательная любовная история произошла на закате его мужской жизни, можно сказать, посетила его поздняя любовь. Набирает сестра Лида воду на колонке, а мимо Шураня на велосипеде проезжает, останавливается и говорит сквозь слезы:

— Лида, Миша пропал!

— Да как это пропал?

— Пошел в районную больницу шишечку на плече лечить и не вернулся.

— Да придет, куда он денется,— успокаивает ее Лида,— где-нибудь пьет.

— Нет его уже второй день, пойдем Мишу искать.

Райцентр был всего в полутора километрах от деревни, но Лида искать брата отказалась, была уверена, что Миша заночевал у собутыльников. А на третий день брат сам к сестре пожаловал и говорит:

— Лида, только никому не говори, я влюбился.

— Да ты что, тебя Шураня ищет.

— Пришел я на прием к врачу с шишечкой, народу в коридоре много, полно мужиков, а вот пришла женщина с палочкой и почему-то подседа ко мне. Я-то хорошо одет был, жена накануне новую замшевую куртку купила. Посидели, помолчали и она спрашивает:

— Вы местный? Что-то я Вас раньше не встречала.

— А вы?

— Я из-под Питера приехала, я актриса и сейчас пою в Доме Культуры.

— А вы не бывший военный?

— Я бывший офицер,— соврал Миша-пистолетик.

— А вы с чем? — допытывается новая знакомая.

— У меня шишечка на плече вскочила,— пожаловался Миша-пистолетик.

— А у меня на ноге.

— А вы с кем живете? — спрашивает женщина.

— Да с тещей поганкой и женой негодяйкой,— сетует Миша-пистолетик.

— И вы так живете?

— Да,— кивает головой Миша-пистолетик,— хотя я самый богатый в деревне человек, всю деревню могу купить, наследство в Питере получил — двухкомнатную квартиру, недавно ее продали.

— А меня зовут Надежда Сергеевна,— заулыбалась женщина,— так зачем вы мучаетесь, бросайте их и приходите ко мне жить, я живу в квартире, и без мужчины-помощника одной тяжело.

Когда в больнице процедуры закончились, они пошли под ручку на квартиру к актрисе, можно сказать, вместе свои шишечки лечить.

— Лида,— продолжал свой рассказ брат,— дверь она открыла, гляжу — на полу ковер, Лида, представляешь, туалет в квартире, я даже заблудился в ее хоромах.

Выпили они, закусили и сказала актриса: — Я вас никуда не отпущу, будем вместе жить, подавайте на развод.

Насчет богатого наследства Миша-пистолетик Надежде Сергеевне не соврал. Только получил его не он, а жена Шураня. Ушел Миша-пистолетик от сестры, в дом к жене и теще зашел и с порога заявил:

— Дайте мне, поганки, денег, я встретил женщину, она такая душистая, а вы обе навозом пахнете. Она даже утром и вечером меня дезодорантом обрабатывает.

Испугалась Шураня, скорее мужа посадила за стол. Съел он две миски крошки из сыворотки с бужениной, две сардельки, выпил бутылку водки и опять за свое:

— Ухожу от вас, поганки.

Так он ходил между двумя домами несколько дней, пока не получил Миша-пистолетик пенсию и не отдал ее актрисе. Повела его Надежда Сергеевна к юристу, совет брать, как развестись. Но тут выяснилось, что у Миши — пистолетика за душой ничего нет, и выпроводила его актриса, восвояси.

Но с тех пор Миша-пистолетик в образ бывшего офицера прочно вошел. В любой праздник форму шурина — прапорщика надевает, тещины ордена и медали на грудь вешает и давай женой и тещей командовать, и, как обычно, стращать пугачем:

— Я сказал, поганки, я командир и офицер! Теща, шаг влево, шаг вправо — расстреляю!

— Миша, да ведь это мои медали,— боязливо возражает теща.

— Молчи, мама,— уже защищает мужа Шураня,— пусть перебесится, может уснет побыстрей.

И права Шураня, ведь уже не раз Миша-пистолетик тещу на простыне через штатетник на улицу выбрасывал. Вызовет милицию Шураня, заберут мужа в вытрезвитель, а утром идет понуро в отделение за буйного супруга законный штраф платить.

Начальник вытрезвителя штраф примет и только пальцем у виска покрутит:

— Вас всех троих пора в сумасшедший дом отправлять.

Только вышел Миша-пистолетик из вытрезвителя и снова в чары любви попал. Вновь приходит он к сестре и говорит:

— Лида, я тебе такую историю расскажу. Повела меня Шураня из вытрезвителя на прием к окулисту, очки наконец-то выписать, а врач в меня влюбилась. Завела она меня в кабинет, свет выключила, навела лампу на глаза и приказала смотреть ей прямо в глаза. И сама мне смотрит в глаза. Тут меня и осенило — она в меня влюбилась.

— Миша, что ты, у окулиста так зрение проверяют,— возражает ему сестра.

— Да что ты, Лида, точно влюбилась!

Историю эту услышал его брат Коляня, большой шутник и тоже любитель выпить. Заходит он к Шуране и говорит:

— Передай брату, что его окулист на прием вызывает.

Это он так хотел Мишу на выпивку из дома выманить. А Миша-пистолетик, все

слышал, но не сообразил, зачем брат пришел, и огородами побежал в райцентр на прием к окулисту.

Возвращается очень расстроенный, к сестре заходит:

— Лида, не пойму я этого врача: вроде, Коля приходил и сказал Шуране, что она меня вызывает, вроде, влюбилась она в меня, а пришел на прием — из кабинета выгнала.

Промолчала сестра, знала она, что это Колянины проделки. На какие только выходы Коляня не шел, чтобы на выпивку денег добыть. Пришел в местную «Сельхозтехнику» к директору, где раньше Миша-пистолетик шофером работал, и говорит:

— Брат Миша умер, дайте деньги на похороны.

Собрали, сколько смогли, и Коляне вручили. Весть быстро по райцентру разнеслась. Стоит Шураня в очереди в магазине у винного прилавка — муж без водки и домой не пустит, а к ней знакомая с печальным видом прислоняется:

— Соболезную, Александра Ивановна, муж у Вас умер.

Испугалась Шураня, зарыдала:

— Как же так, я ведь утром уходила, Мишаня живой был, веселый, на гармошке играл.

Плохо стало Шуране, уж побежали скорую вызывать, да тут другая знакомая в магазин заходит, услышала разговор и кричит с порога:

— Что за чушь, да жив твой Миша, сейчас у пивного киоска с мужиками стоит, минуту назад его видела!

А брата Коляню за проделку милиция оштрафовала и деньги «похоронные» заставила в организацию вернуть до копейки. Только к мужниному брату Шураня претензий не предъявила. А все потому, что один раз решила Шураня мужу изменить, можно сказать, отомстить. Стал ее последнее время домовой одолевать. Пойдет на двор корову доить, только за вымя буренки потянет, а уж домовой ее сам рыжими руками облапает и давай сиськи мять. Какие уж тут удои? Одни убытки от такой напасти. Теща Маня на картах дочке гадала и все время бубновый король выпадал. Тут и догадалась теща Маня, всю правду карты открыли, и говорит дочке:

— Это не к добру, тебя в облике домового Мишанин брат домогает.

Купила Шураня четыре бутылки портвейна «три топора» и пошла к Коляне. Для храбрости еще по дороге вино выпила, оно и понятно, ведь любимому мужу никогда не изменяла, стало быть, большие нравственные муки испытывала. Так с недопитой бутылкой до сарая с сеном добралась. Как доползла — не помнит.

Рано утром проснулась обнаженной на свежескошенном сене, вокруг выпитые бутылки валялись. Пришел утром Коляня в сарай молодому бычку сена зацепить, да граблями голую Шураню и вытащил. Домой пришла Шураня, тут и почувствовала, что зубной протез потеряла.

Возвращается к Коляне и шамкает:

— Отдай, Коляня, мои зубы.

— Да на фиг мне твои зубы нужны,— возмутился Коляня,— где потеряла, там и ищи.

— На сеновале они у тебя, я больше нигде не была. Почесал затылок Коляня и говорит:

— Дашь сто рублей, может твои зубы и найду.— И ведь нашел за сто рублей, все сено в сарае переворошил, а зубной протез нашел!

А к своим похоронам Миша-пистолетик с большим юмором отнесся. Любит эту историю теще и жене вспоминать. Дескать, хорошая это примета — живого похоронить.

МАМКА ДА НЮНЬКА

Был в деревне мужик, который всю жизнь собственного мнения не имел, и принимать решения самостоятельно боялся. Звали его Миша Кудрявцев. Что бы у него ни спросили, помощи какой, например, прибежит сосед топор попросить, а Миша всегда отвечает:

— Да я не против, спрошу только, как мамка да Нюнька.

Нюнька — жена Миши, тетка Нюра Балда. Работала она на ферме дояркой, рыжая, конопатая. Характера очень мягкого, покладистого нрава была и мать Миши, бабка Катя. Почему же Миша так их слушался, никто понять не мог. Работал Миша продавцом в магазине, размещенном в бывшей часовне. Так и стоял сельмаг с куполом и крестом. Торговали бочковой селедкой, керосином, маргарином, папиросами, вином и водкой. Хлебом и крупами в послевоенное время еще не торговали, хлеб бабы пекли сами. Денег тоже не было, бабы копили яйца и меняли их на другие продукты. За десяток яиц могли дать две селедки. За двадцать яиц давали бутылку водки. Еще в магазине у Миши была соль. Ее привозили рассыпной на телеге и грузили лопатой в угол магазина. Часто подвыпившие мужики справляли малую нужду прямо в эту соль. Увидит баба, как муж в соль журчит, и стыдит:

— Да что ты, Егор, делаешь?

— Молчи, она все равно соленая.

А продавец Миша Кудрявцев на такие мелочи жизни вообще внимания не обращал. Другой соли в деревне все равно не было.

Придет баба домой, спохватится, что керосина в лампе нет, а магазин давно закрыт. Идет она к Мишиной избе и просит:

— Миша, открой магазин, керосина в доме нет, не хотим в потемках сидеть.

— Да я не против,— тихо отвечает Миша,— спрошу только, как мамка да Нюнька.

А потом Миша работу продавца потерял и еще прозвище получил — Копченый. Решил он проверить, сколько керосина в бочке осталось. Зажег спичку и в дырочку заглянул. Рвануло так, что Миша чудом спасся, сильно обгорел. В снегу горящий Миша катался и в райцентр на два месяца в больницу угодил. Мишу спасли, но лицо на всю жизнь коричневым осталось, будто прокопченным.

Пошел Миша в пастухи. А тут в колхозах зарплаты платить стали и пастухи в почет вошли. Купил Миша себе мотоцикл «Ковровец», стал в райцентр за покупками ездить. Просят бабы:

— Привези, Миша, баранки, пряники, соды.

— Да я не против,— смущается Миша,— спрошу только, как мамка да Нюнька.

Однако баранки привозил. Заказов было много, баранки висели у Миши на шее огромными связками. Пылит по проселку Миша на мотоцикле, весь увешан баранками. Только ругается, дескать, чуть шею баранками не сломал. А если мотоцикл не заводился, вокруг собиралась ребятня посмотреть, как Миша с техникой обращается. Миша в порыве гнева хватал кол и бежал к мотоциклу. А из дома выбегали мамка и жена Мишу уговаривать:

— Да не бей ты мотоцикл, Миша!

— Ладно, мамка да Нюнька.

Ходит задумчиво Миша вокруг мотоцикла:

— Мамка да Нюнька, можно я педали почищу?

— Да почисти, Миша.

Но один раз в жизни Миша мамку и Нюньку послушался. Поехал в соседнюю деревню пиво варить, пивовар он был отменный. Уже смеркалось, и Миша на мотоцикле упал с моста в реку, прямо в глубокий Леший омут. Вот как бывает, если мамку да Нюньку мужику не слушать.

ХОРЬ

Новогоднее настроение у Дмитрия Ивановича было безнадежно испорчено. Утром 31 января он вышел из избы на двор и, стоя на мостках, дыша крепким морозным воздухом, увидел, что вся выгородка, в которой находились семнадцать кур и петух, завалена тушками мертвых птиц. Дмитрий Иванович сразу понял, что на его дворе ночью разбойничал хорек. Он неожиданно равнодушно смотрел на разбросанные, испачканные кровью перья среди соломы и комков глины. Дмитрий Иванович нервно закурил, расстегнул воротник телогрейки, но сделав всего пару затяжек, смачно плюнул на ладонь, погасил папиросу, отправив ее обратно в пачку, и не спеша вернулся в избу. Жене Любе он ничего не сказал. Она пекла пироги, тушила мясо, резала овощи для салата «Оливье», словом готовила Новогодний стол. На праздник из города приехала дочь с внучкой, но они еще спали на теплой русской печке. В комнате, как показалось Дмитрию Ивановичу, стояла какая-то обвинительная тишина, жена Люба суетилась, не обращая на него внимание.

Пенсия у него была маленькая — едва на еду хватало. Потому куры были хорошим подспорьем, десяток яиц он приносил жене практически каждое утро. Каждую весну они закупали по сорок цыплят, подросших петушков рубили, как рубили плохо несущихся кур. Суп из домашней курицы разве с птицей их магазина сравнишь! Бульон прозрачный, золотистый, мясо сладкое! Молодых петушков и надо было рубить. Старый петух им все равно жизни не давал. Дмитрий Иванович как-то раз выпивал у сарая с племянником Вовкой принесенный самогон. На их глазах молодой петушок резво запрыгнул на курочку, но тут же был с позором согнан внимательным старым петухом.

— Гляди, дядя Митя, натурально прямо с бабы снял, вот запахло! — гоготал племянник, опорожив граненую стопку с мутной жидкостью, и захрустел огурцом.

Деревенская клчка у Вовки была «Мухомор». Дмитрий Иванович тоже засмеялся, но не над неудачной попыткой молодого петуха потоптать курочку, а над племянником. Вечно красное, с белыми пятнами, лицо Вовки, действительно, напоминало шляпку мухомора.

Днем пропажу кур обнаружила жена Люба, она сразу все поняла:

— Хорь?

— Он самый, — утвердительно кивнул головой Дмитрий Иванович.

— Что делать будем, старый?

— Ловить, — пожал плечами муж, хотя и не знал, удастся ли поймать пронырливого зверька.

Хозяйство у Дмитрия Ивановича было самое обыкновенное: потемневшая бревенчатая изба в три окна, построенная еще его родителями. Она была покрыта поверх старой дранки волнистым, замшелым шифером. Двор с житницей давно просели. В доме была беленая печь, стоял старый буфет, трехстворчатый платяной шкаф, пара железных, кованых деревенскими кузнецами кроватей, и скрипучий диван с неудобно выпирающими пружинами, дубовый, обитый клеенкой стол, советский цветной телевизор «Садко», завешанный пыльной салфеткой, но исправно работавший уже двадцать два года, засиженное мухами зеркало в темной деревянной раме, набор чешской хрустальной посуды, которую когда-то привезла в подарок дочь, побывав от профсоюза на курорте в Карловых Варах. На чешских хрустальных пузатых бокалах были почему-то русскими буквами вырезаны надписи «виски», «водка». Видимо, в те времена русские туристы были основными покупателями чешских хрустальных изделий. Дмитрий Ильич долго копался в кладовке, пока не нашел два старых капкана. Капканы чуть проржавели, но строжки исправно работали, остались чувствительны-

ми. Капканы он выварил в чугушке, в еловой хвое. Легко обнаружив на дворе звериный подкоп, поставил ловушки рядом с ним, предварительно вымазав капканы свежим навозом, чтобы напрочь отбить человеческий запах. В капканы он положил тушки убитых кур.

Удивительно, но обнаглевший хорек попался в капкан уже на следующую ночь. Во двор утром он вышел по малой нужде, но уже с мостков, в солнечном проеме, идущем от маленького оконца, увидел большого, размером со среднего кота, хорька — он блестел и переливался на солнце черным мехом, как норка! Хорька зажало в капкан поперек тела. Дмитрий Иванович понял, что зверек еще жив — его пасть розовая постоянно двигалась в безысходном оскале. Дмитрий Иванович, не веря такой удаче, деловито двинулся к животному и смело наступил на хорька литой калошей, пытаясь задушить хищника. Его удивило, когда калоша буквально расплющила животное, но его сердце яростно прыгало вокруг всей резиновой подошвы, словно самостоятельно боролось за жизнь и пыталось вырваться наружу.

— Какой живучий, — вслух поразился Дмитрий Иванович, но хорек умер под его подошвой также внезапно, как и боролся за жизнь. Он вынул хорька из капкана, сдернул с гвоздя сыромятный ремень и, выйдя со двора, деловито повесил животное за шею на бельевой перекладине напротив кухонного окна.

Когда он вернулся в избу, оказалось, что жена Люба уже все видела:

— Зачем ты, старый, эту гадину на сыромятине у меня под окном повесил? Какое в этом удовольствие?

Дмитрий Иванович только самодовольно хмыкнул в ответ и полез в буфет, где стояла четверть с первачом:

— Имею права, — гордо сказал он, тяжело опустившись с банкой на стул.

— Заслужил, — смягчилась Люба и стала накладывать мужу на закуску квашеную капусту.

Хорек болтался на сыромятине под окном неделю, покрылся инеем. Соседи приходили посмотреть на добычу Дмитрия Ивановича, одобрительно кивали головами, дескать, как ловко старик поймал куриного убийцу. Но победа над хорьком вскоре Дмитрию Ивановичу надоела и он выбросил зверька в помойную кучу.

Однако после этого происшествия жизнь старика перестала ладиться. Обострилась катаракта, и Дмитрий Иванович ощутил, что теряет зрение каждый день. Деньги на операцию он планировал накопить, лечь в областную больницу и оперировать хотя бы один глаз, а через некоторое время второй. Но деньги с нищенской пенсии никак не удавалось отложить. Он съездил в областной центр, но в больнице ему недвусмысленно дали понять, что лечить будут только платно. Грустный Дмитрий Иванович вернулся из большого города. Все пошло наперекосяк. Ближе к весне талая вода залила подпол, хотя такого за всю его долгую жизнь раньше не было. Возможно, от подтопления покосилась изба, просел двор, треснула печка и расшаталось крыльцо. Старик латал все полуслепыми глазами и тихо ругался про себя: «Прямо напасть какая!»

Несколько раз он бросал в сердцах своей жене:

— Если не сделаю операцию, ослепну, то повешусь сам на сыромятине, буду висеть под окном не хуже хорька!

Люба на эти жесткие слова только тихо перекрестилась, помочь мужу она ничем не могла, ее пенсия была еще меньше, чем у мужа.

Ночью была сильная буря, упала от ветра старая рябина, разбив окно. Дмитрий Иванович с трудом вставил новое стекло, он чувствовал себя неважно, ощущая в голове странную пустоту. Ему привиделось, будто он лежит на неудобном диване; рука его свесилась до холодного пола, и его беспомощные пальцы грызет наглый хорек.

Старик чмокнул губами и очнулся. Он лежал у незакрытого окна, а на улице светало. С дворов неслась петушина перекличка. У колодца звенели ведра, принимая студеную воду; глухо гремела колодезная цепь, и отрывисто взвизгивал несмазанный ворот. Но в этот тяжелый день Дмитрию Ильичу неожиданно принес на операцию деньги племянник. Вовка устроился на работу вахтовым методом от районной дорожной конторы на строительство федеральной трассы в далеком южном городе. Работали дорожники с утра до ночи целый месяц, месяц отдыхали дома. Вовка привез сумасшедшие по деревенским меркам деньги — 70 тысяч рублей. О дороге на юг он рассказывал старику смачно:

— Дядя Митя, тридцать восемь часов автобус ехал, не знаю, как вылез из него, жопа стала натурально квадратная!

— Когда тебе деньги отдать нужно будет? — перебил племянника Дмитрий Иванович, и, тяжело вздохнув, добавил, — я не знаю, как тебе их соберу...

— Забудь, дядя Митя, — махнул рукой Вовка, — тебе главное — зрение вернуть, с кем я еще на рыбалку поеду?

Племянник широким жестом вытер со лба пот и враскачку вышел за калитку.

Пребывание в больнице заняло три дня, а сама операция не больше двадцати минут. Дмитрию Ивановичу было удивительно, что все прошло без боли, необычными были ощущения, когда врач расковыривает тебе собственный хрусталик. Удивительно, но зрение вернулось уже на следующий день, причем, видел мир вокруг себя Дмитрий Иванович словно младенец.

Приехав домой, старик долго сидел у окна и с удивлением смотрел в холмистую даль. Так далеко и ясно он давно уже не видел. Скользнул его взгляд и на сыромятину, на которой висел убитый хорь. Дмитрий Иванович, вспомнив о зверьке и о том, что сам хотел свести счеты с жизнью из-за зрения, только ухмыльнулся. Мир казался ему открытым, свежим, ясным и простым.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

СКОМКАННОЕ ПИСЬМО

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, член Союза писателей России.

Ровно 100 лет назад — летом 1919 года — белоказаки под командованием генерала Мамонтова прорвали Южный фронт и совершили дерзкий рейд по тылам Красной армии, в ходе которого, захватили железнодорожную станцию Бабарыкино бывшего Ефремовского уезда Тульской губернии, а ныне Становлянского района Липецкой области. Об этой, одной из многих страниц Гражданской войны, я и попытался рассказать читателям в своем повествовании...

Бывшие помещицы Ефремовского уезда мать и дочь Рязановы — пятидесятилетняя Екатерина Михайловна и семнадцатилетняя Софья — из Ельца уезжали в субботу 30 августа 1919 года. Они взяли билет до Ефремова, где намеревались нанять извозчика до Птани.

Побывать в родных птанских местах, взглянуть на развалины своего дома и посетить могилку мужа на Никольском кладбище захотелось Екатерине Михайловне. Весной, в аккурат после Пасхи, она занедужила, стала быстро терять силы и к лету заметно похудела.

«Сонечка, я очень больна и мне, видимо, уже недолго осталось жить на этом свете, но прежде чем умереть, я хочу побывать на месте нашей усадьбы, постоять на том месте, где был наш дом, где мы с твоим отцом прожили счастливую жизнь, и где родились вы с Володей. И еще мне очень хочется побывать на могилке вашего отца. Прошу тебя, свози меня туда, одна я теперь уже не доеду — очень слаба. Прошу тебя ради Христа, Сонечка, не откажи мне», — обратилась Екатерина Михайловна к дочери, при этом часто и хрипло дыша то ли от болезни, то ли от внезапно нахлынувших на нее чувств.

Софья, как могла, отговаривала мать от этой поездки, но та в своем решении оставалась непреклонной. И Софья согласилась.

В дорогу Екатерина Михайловна надела траурную одежду, ту самую, в которой она была одета во время похорон мужа, — черное длинное по щиколотку платье, черные с острыми носами туфли и черную легкую шляпку. Только теперь ее поблеклые и высохшие глаза, худое и бледное, к тому же испещренное мелкими морщинами лицо, были сокрыты под спадавшей со шляпки черной вуалью. Из-под шляпки выбивались пряди седых волос. На руках у Екатерины Михайловны были одеты в мелкую сеточку легкие черные перчатки, а на безымянном пальце левой руки поверх перчатки блеснул серебряный с изумрудным камнем их фамильный перстень.

Софья была одета в коричневое ниже колен платье с белым узорчатым и стоячим под горло воротничком и такими же белыми узорчатыми манжетами на длинных рукавах. Платье гармонировало с коричневыми чулками, обута она была в цвета спелой вишни туфли на низком каблучке. Светлая соломенная шляпка ее была сдвинута на затылок и держалась на желтых ленточках, обвязанных вокруг шеи, под шляпкой длинные ниже плеч темно-русые волосы были собраны и заколоты заколкой.

Набрав с трудом денег на билеты, мать и дочь отправились в путь.

Невысокого роста худощавый средних лет кондуктор пассажирского вагона второго класса ефремовец Федор Ложкин, увидев болезненный вид Екатерины Михайловны, усадил ее у окна, Софья села рядом. Напротив Екатерины Михайловны сидел толстый мужчина, на вид которому было около сорока лет. Он был одет в темно-серый костюм, такого же цвета жакет. Под жакетом поверх кипельной белой рубашки был повязан узкий галстук темного цвета. Напротив Софьи сидел небольшого роста, худощавый с аккуратной седой бородкой-клинышком, одетый в светлый легкий костюм, светлую рубашку и светлую шляпу старик лет шестидесяти. В руках он держал небольшой дорожный саквояж. Рядом с ним — мужчина лет тридцати пяти, одетый в темный поношенный пиджак, такие же темные брюки и ботинки. Под пиджаком была рубашка синего цвета с расстегнутой верхней пуговицей. Он был лохмат. Его черные, как смоль, волосы спадали на лоб. Иронично улыбаясь в густую бороду и усы, он часто и с каким-то вожделием поглядывал на Софью цыганистыми глазами, отчего та смущалась, краснела и начинала растерянно моргать и переводить взгляд с одного предмета в вагоне на другой.

Отстукивая металлическими колесами версты на стыках рельс, поезд шел по расписанию, но на станции Становая надолго остановился. Уже прошло больше получаса как его должны были отправить в дальнейший путь, кондуктор Ложкин уже обилетил вошедших в вагон новых пассажиров, среди которых был подросток на вид лет четырнадцати, но поезд не отправляли. Подросток уселся на свободное место рядом с Софьей и начал с любопытством осматриваться вокруг. Его цвета спелой пшеницы волосы спадали на лоб, и он то и дело их закидывал рукой поверх головы. Одет он был в черные брюки, заправленные в большие не по размеру — видимо отцовские — сапоги, и светлую расшитую цветными нитками рубашку-косоворотку. В руках он держал небольшой узелок.

— Никогда еще не ездил по чугунке, — радостно проговорил он, обращаясь сразу ко всем, но на его слова никто не обратил никакого внимания, все с нетерпением ждали отправления поезда.

Тем временем кондуктор уже несколько раз выставлял в открытую дверь руку с флажком, сигнализируя о готовности вагона следовать дальше по маршруту, но стоявший на перроне дежурный по станции состав не отправлял. Он несколько раз уходил в станционное здание, затем возвращался, вновь подходил к колоколу, но не звонил в него. Паровоз продолжал стоять и мирно попыхивать отработанным паром.

— Раньше, при старом-то режиме, такого безобразия не было, поезда ходили по расписанию, а нынче и спросить не с кого, — не выдержав длительной остановки, недовольным тоном проговорил толстый мужчина. Расстегнув пуговицу на пиджаке, он извлек серебряные на цепочке часы и со щелчком открыл крышку. — Однако уже больше получаса стоим. Когда же поедем? — задался он вопросом, обведя взглядом присутствующих. — Однако, однако, — покачал он головой, вновь щелкнул крышкой часов, закрывая их и убирая в карман.

— Ничего удивительного — время перемен. Оно никогда не проходит безболезненно. К тому же — война! — ответил толстяку сидевший рядом с ним старик.

— И когда же все это безобразие закончится?! — вздохнул толстяк и, достав из

кармана брюк белый накрахмаленный платок, снял шляпу и вытер этим платком вспотевшую затылочную часть.

— Ничего, господин хороший, вот разобьем вражескую гадину, тогда наведем порядок. Тогда поезда по чугунке будут ходить без опозданий,— неожиданно для всех вступил в разговор двух взрослых людей вошедший в вагон подросток.

— А что же это вы говорите: разобьем вражескую гадину, а сами не на фронте? Такие же, как и вы, парни уже давно воюют в рядах красной армии, а вы, наверно, собираетесь воевать с гадиной здесь в тылу? — после небольшой паузы, спросил у подростка сидевший напротив него черноволосый лохматый мужчина и засмеялся.

— Почему же это в тылу?! Еду в Ефремов поступать на службу в красную армию. Вот, пожалуйста, глядите,— при этих словах подросток расстегнул ворот рубашки и извлек из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги.— Брат мой, Колька, письмо прислал.— Он разгладил бумажный лист, разложил его у себя на коленях и, водя по нему пальцем, начал медленно и по слогам читать: *Здравствуйте мои дорогие батя, маманя, сестричка Оленька и брат Акимка. С огромным красноармейским приветом к вам ваш сын и брат Николай. Спешу сообщить вам, што я жив и здоров, што и вам желаю. Недавно меня повысили, назначили командиром взвода. Вот так-то! Знаю, што вам щас дюже тяжело и жить не на што. Высылаю вам здесь в конверте немножко денег из моего командирского жалования. А штобы вам было немного полегше, хочу предложить вам отправить ко мне Акимку. Посадите его на Становой в поезд, а я его тут встрену. Определю его к себе во взвод, будет он у меня помощником пулеметчика...*— при этих словах Акимка оторвал взгляд от письма и обвел всех присутствующих радостным и гордым взглядом ярко голубых глаз, его покрытое конопушками лицо светилось улыбкой.— Из пулемета буду стрелять! — с гордостью в голосе, произнес он. Затем продолжил читать письмо: *... будем вместе с Акимкой вражескую гадину до конца добивать. Ну, писать боле нечего. Опосля победы над гадиной возвратимся с Акимкой домой, вот тогда и наговоримся обо всем. С поклоном к вам, ваш сын и брат, красный командир Николай Кондратьев Скворцов.*— Аким вновь аккуратно сложил бумажный лист вчетверо и убрал за пазуху.— Ждет меня Колька. Скоро вместе с ним будем до победного конца гадину бить! — при этих словах он потряс кулаком.

Сидящие рядом с Акимкой пассажиры переглянулись друг с другом и улыбнулись.

— Однако, как долго стоим,— после недолгого молчания вновь заговорил толстый мужчина, всматриваясь в окно.— Нужно бы к кондуктору сходить и узнать, в чем дело?

— Давайте я схожу и узнаю, а то никак не дождусь с братом повидаться,— произнес Акимка и, не дожидаясь ничего разрешения, вскочил с места и направился к кондуктору.

— Вот из-за таких глупых людей, как этот мальчик, в России никогда не наступит мир... из пулемета он, видите ли, стрелять будет,— тихим голосом проговорил толстяк, после того, как Аким ушел к кондуктору.

— Он, как вы изволили выразиться,— глуп, потому что молод еще. Повзрослеет — поумнеет,— произнес старик.

— Да, у него сейчас в голове — кавардак,— продолжил разговор черноволосый.— Главное не в этом, главное в том, что он настроен на решительную борьбу с ненавистным ему режимом,— улыбнулся он.

— Я полагаю, что он в свои-то годы еще не успел возненавидеть существовавший до семнадцатого года режим. Плохо то, что у него, как вы любезнейший, изволили выразиться, кавардак не в голове, а и в душе. А это гораздо хуже и страшнее. Люди с таким душевным настроением не успокоятся даже после своей победы. Они так

и будут разжигать войны и им без разницы с кем воевать, лишь бы воевать. И будут воевать до тех пор, пока сами где-нибудь не сложат свою голову,— тихим голосом проговорил старик.

— А вы, похоже, знаток человеческих душ. Уж не поп ли вы? — иронично и с ухмылкой спросил у старика черноволосый.

Их разговор прервал возвратившийся Аким, следом подошел кондуктор Ложкин.

— Нету телеграфной связи с Бабарыкино, не могут туда направить депешу о следовании поезда, потому и стоим,— доложил кондуктор.

— Так может, где на линии провод оборвался, что же теперь, так и будем здесь стоять? — возмутился толстяк.

— Нет-нет, сейчас нас отправят без депеши,— сказал кондуктор, и в подтверждение его слов с улицы донесся удар в колокол дежурного по станции.— Вот, слышали? Я же говорю, что сейчас нас отправят,— произнес он, указывая пальцем в сторону окна, после чего поспешно пошел к двери.

Машинист дал длинный свисток, паровоз громко зафыркал и состав, лязгнув вагонными сцепками, двинулся в путь. Вначале шел медленно, но как только закончилась граница станции, стал набирать ход.

— Да нет, любезнейший, я не поп, как вы выразились,— вновь завел прерванный разговор старик.— А вы что же, против попов будете?

— Да, я против попов,— ответил черноволосый.

— Вы, любезнейший, наверное, не нашей веры, не православной? Наверное, вы веры — иудейской? Не так ли?

— Дело не в том, какой я веры. Дело в том, что любая вера, будь то христианская или иудейская, она от власти...

— А вот в Писании сказано, что всякая вера от Бога,— перебил черноволосого старик.

— Это так в Писании сказано. Но ведь наши-то попы, которые в церквях молятся, они-то власть церковную не от Бога получили, а от царя. Значит, они представители не божественной власти, а царской, а потому являются такими же, как и сам царь, угнетателями трудового народа,— сделал вывод черноволосый.— Нет, все-таки вы точно — поп. И в портфеле своем, наверно, везете какие-нибудь золотые кресты или перстни. Потому-то вы всю дорогу от самого Ельца и прижимаете свой портфель к груди, из рук его не выпускаете,— сделал он предположение, указав рукой на саквояж старика, при этом злорадно ухмыльнулся.

— Да нет, любезнейший, к сожалению, я не священник,— вздохнул старик и еще сильнее прижал к себе саквояж.

— Стоит ли сожалеть о том? — не унимался черноволосый.— Церковь не выполнила свою главную функцию; она не смогла внести в умы и, как вы говорите, в души, доброту и любовь! Германская война переросла в войну внутреннюю, пошел брат на брата! И где же та доброта вместе с любовью, о которых молились в церквях?!

— А моя мамка тоже всегда Богу молится,— вновь встрял в разговор взрослых Акимка.— Батяка говорит, что Бога нету, раз он допустил войну, а мамка говорит, что это он нас так наказал, но за что наказал, не сказывала.

— Правильно твой батяка говорит, что Бога нет,— повернувшись к Акиме, сказал черноволосый.

— А я, представьте себе, сожалею, что в свое время не стал поступать на учебу в духовную семинарию, а поступил учиться на врача,— не обращая внимания на слова черноволосого об отсутствии Бога, вновь заговорил старик.— Сейчас я как врач фактически не практикую, а занимаюсь научной работой по изучению человеческой души.

— Как можно изучать то, чего нет?! — перебил его черноволосый и засмеялся.

— Ну, хорошо, давайте я вам скажу по-другому: я изучаю состояние человека при воздействии на него факторов, способных вызвать душевные волнения различной степени.

— Это как?! — изумился Акимка.

— Да скажите попроще, чтобы всем было понятно,— попросил старика толстяк.

— Ну, чтобы всем было понятно, тогда скажу так: почему один и тот же человек при воздействии на него различных внешних или внутренних факторов становится добрым или злым? Почему, имея даденный ему Богом разум, он совершает не только богоугодные поступки, но и противозаконные, например,— убийство?

— С внешними факторами мне более или менее все понятно, а что вы относите к факторам внутренним? — спросил у старика толстяк.

— Например — настроение. Оно может возникнуть у человека даже от увиденного им сна.

— А что бы изменилось в вашем учении, если бы вы были не врачом, а священником?

— О-о-о! У священника по отношению к врачу в этом вопросе есть большое преимущество.

— Это что же за преимущество такое? — неподдельно удивился толстяк.

— Исповедь! Вот что имеют священники в своем запасе в отличие от нас — психиатров. Исповедь — это нечто иное, нежели врачебная констатация заболеваемости душевнобольного человека. Исповедь — это, если хотите, суд собственной совести над греховностью собственной души. Принимающий исповедь священник получает огромный материал, раскрывающий характер того или иного грешника. Он познает состояние его души при совершении им каких-либо противозаконных или даже низменных проступков.

После сказанного стариком наступила тишина. Поезд тем временем, постукивая колесами на стыках рельс, издавал короткие свистки и приближался к станции Бабырыкино. Вагон слегка покачивало, за окном сквозь паровозный дым, словно в мареве, мелькали поля, овраги и перелески.

— Я, господа, сейчас еду в Москву, там произошел уникальный случай: девка легкого поведения убила своего на много старше себя мужа только за то, что тот на склоне своих лет стал слюнчав и соплив. Меня пригласил мой знакомый врач, в прошлом мой ученик, который давал суду врачебное заключение по ее психическому состоянию, и он в ее поведении нашел очень интересные моменты, которые для моей научной работы могут иметь большое значение. Очень жаль, что у исповедовавшего ее священника мне не удастся узнать то, о чем она ему рассказала — тайна исповеди!

— Полноте вам! Она же, видимо, просто сумасшедшая, о чем можно говорить с сумасшедшим человеком,— махнул рукой толстяк.

— Тем и интереснее мне было бы узнать все то, о чем она рассказала священнику,— вздохнул старик. Затем взглянул на Екатерину Михайловну.

— А вы, любезнейшая барыня, как считаете, можно ли изучить человеческую душу, или такое человеку не под силу? — обратился он к ней.

— Насколько я поняла из вашего разговора, вы любите разговаривать с людьми в той или иной степени страдающими душевной болезнью. И, видимо, ко мне вы обратились только лишь потому, что полагаете, что и я тоже страдаю таким же недугом. Не так ли? — неожиданно для старика-доктора вопросом на вопрос ответила Екатерина Михайловна.

— Ну почему же вы так решили? — смутился тот.

— Только лишь потому, что надеть на себя все черное в такую жару может только человек сумасшедший.

— Видите ли, в чем дело...— начал было объяснять старик-доктор, но его перебил кондуктор.

— Станция Бабарыкино! Повторяю — станция Бабарыкино, подъезжаем! — громко объявлял он, неспешно проходя по коридору вагона.— Станция Бабарыкино! Готовьтесь к выходу, не забывайте свои вещи, станция Бабарыкино! — повторял он.

Поезд стал заметно сбавлять скорость и за окном стали проплывать пристанционные постройки, а вскоре справа по ходу поезда появилось и само здание станции.

— Бабарыкино. Осталось еще немного потерпеть эту вагонную духоту, скоро — Ефремов,— вполголоса произнес смотревший в окно изнывающий от жары и вспотевший толстяк. Он снял с себя шляпу и словно веером обмахивался ею. Вдруг он неожиданно вскочил с дивана и начал внимательно что-то рассматривать за окном. Поезд в это время плавно подошел к перрону и остановился.

— Господа, на станции военные! — громко и взволнованно произнес он.

— Чего это вы, любезнейший, так встрепнулись? В том, что на станции военные, нет ничего удивительного, ведь идет же война,— спокойно ответил ему старик-доктор.

— Да нет же, это настоящие военные, в погонах,— уточнил толстяк и с удивлением всех оглядел.— Взгляните сами, вот же они,— он указал рукой за окно.

Все без исключения прильнули к окну. У станции к коновязи было привязано не менее десятка ухоженных и добротных с седлами лошадей. Рядом с лошадьми и на перроне стояло много военных, они вглядывались в окна вагонов. На соседнем запасном пути стоял грузовой состав. Раздвижные двери его вагонов были раскрыты настежь, и в вагонах хозяйничали военные. Они выбрасывали из вагонов грузы. На улицу летела солдатская форменная одежда, лошадиные седла, хомуты, сбруи, винтовки и ящики с патронами. Другая часть военных подбирала выброшенное из вагонов имущество. Некоторые из них, примерив на себе новые сапоги, тут же надевали их, а старые здесь же бросали, другие перевязывали сапоги попарно и закидывали их себе за плечи, винтовки и ящики с патронами складывали отдельно. С улицы доносились отдаленные выкрики и выстрелы.

— Казаки! — воскликнул черноволосый мужчина и, как показалось Софье, в его глазах промелькнули искорки страха.

— Да, действительно, казаки,— подтвердил толстяк. В отличие от черноволосого, он был спокоен.— Откуда же здесь взялись казаки?! Ведь фронт находится в нескольких сотнях верст отсюда?! — удивился он.

Казаки тем временем, переговариваясь друг с другом, собирали выброшенное из вагонов имущество и несли его к станции, где аккуратно укладывали в повозки. Другая группа казаков направилась к подошедшему пассажирскому поезду. Загремели железные дверные засовы, шумно открылись двери вагонов. Сразу стали отчетливо слышны доносившиеся с улицы крики, плачь, ругательства, звон битых стекол, выстрелы. В вагон вошли казаки и медленно двинулись по коридору, внимательно вглядываясь в лица пассажиров. Следом за ними семенил перепуганный кондуктор Ложкин. Пассажиры молчали. Екатерина Михайловна незаметно для всех сняла с пальца перстень, сунула его в перчатку и зажала в кулаке, казаки не заметили этого и прошли дальше по вагону, однако двое из них остановились напротив. Один из казаков был по возрасту около тридцати лет, с черной густой бородой и усами. Другой, около двадцати лет, без бороды, рыжеволосый и с такими же рыжими усами. Фуражки их были заломлены набекрень, оголив чубы.

— Коммунист? Комиссар? — рыжеусый казак в упор взглянул на черноволосого.

— Никак нет, господин офицер, я — рабочий,— заметно побледнев, ответил тот.

— Петро,— обратился рыжеусый к бородатому казаку,— как ты думаешь, этот

комиссар или нет? Какой-то он дюже подозрительный,— спросил он, указывая ногой на черноволосого.

— А пес его душу знает — комиссар он али не комиссар.

— Да не комиссар я, господа офицеры, не комиссар,— взмолился черноволосый мужчина.

— А вот мы зараз проверим, комиссар ты али нет?! — ухмыляясь в усы, проговорил рыжий казак.— А ну живо на выход, а то, неровен час, пристрелю! — казак сорвал с плеча винтовку и стал подталкивать его черноволосого к выходу.

Увидев такое обращение казаков с пассажирами, Софья впала в шоковое состояние. Она прижала руки к груди, добела сцепив пальцы, лицо ее покраснело, дыхание участилось. «Мама!» — тихо вскрикнула она в тот момент, когда казак сорвал с плеча винтовку. Екатерина Михайловна взяла дочь за руку и сжала ее.

— Не бойся, Сонечка, господа военные нас не тронут,— произнесла она, затем взглянула на казаков: — Господа, вы испугали мою дочь!

— А вы, барышня, шибко не пужайтесь. Что до нас, то мы ищем комиссаров и коммунистов. Ежели вы ни к какой такой категории не относитесь, то и пужаться вам нечего,— нахмурив брови, ответил Екатерине Михайловне бородатый казак.

В вагоне в это время было шумно. Казаки ходили по коридору взад и вперед. Слышались крики, женский и детский плач, ругательства. С улицы также доносились голоса; кто-то кому-то отдавал приказания, ржали лошади, в соседних со станцией дворах неистово лаяли собаки, где-то вновь началась стрельба. К стоявшим напротив Екатерины Михайловны казакам подошли еще несколько казаков во главе с офицером.

— Ну что тут у вас, вахмистр? — спросил офицер у бородатого казака.

— Да вот, господин есаул, никак не пойдем — ентот комиссар али нет? — ответил тот, указывая на черноволосого.

— С чего вы взяли, Петро, что он комиссар? У него на лбу не написано! — удивился есаул.

— Да вот Семен гутарит, шо он дюже подозрительный какой-то.

— В чем заключается твоя подозрительность, Семен? — есаул взглянул на рыжего казака.

— Что-то он, ваше благородие, шибко глазами зыркает в разные стороны, словно нас испужался, наверняка — комиссар.

Есаул ухмыльнулся.

— Ну, коли он у тебя вызвал подозрительность, то выводите его на улицу, там разберемся. Да смотри, чтобы он с поезда не сиганул да не утек! Головой за него отвечаешь! — приказал есаул и с группой казаков пошел дальше по вагону.

— Господа, это недоразумение! Я рабочий с оружейного завода, возвращаюсь в Тулу из Ельца от родителей, а фамилия моя — Иванов,— черноволосый мужчина, назвавшийся Ивановым, начал объясняться перед казаками, смотря на них и окружающих его пассажиров растерянным взглядом.

— Рабочий с ружейного заводу, гутаришь? — недоверчиво переспросил у него вахмистр.— А ну-ка покаж свои руки,— потребовал он. Иванов выставил перед вахмистром руки, и тот стал их внимательно со всех сторон рассматривать.— Брешешь, собака! — злорадно ухмыльнулся он в бороду.— У ружейных рабочих руки маслом с мазутом перепачканные, а у тебя белые, как у бухгактера. Провести меня захотел?! — грозным голосом спросил он.— А ну-ка, двигай до выхода! — вахмистр и рыжеусый казак стали прикладами подталкивать Иванова в сторону двери.— Ах ты мразь подзаборная, хотел провести нас... рабочий он с ружейного заводу! Знаем мы, какие вы рабочие! Вот погоди, возьмем Ефремов, а там, глядишь, и Тулу с ружейным

заводом у вас, комиссаров краснопузых, отобьем,— произнес вахмистр, продолжая подталкивать прикладом черноволосого мужчину.

Уведя с собой Иванова, казаки ушли. Пережившие минуты страха пассажиры молчали. Екатерина Михайловна продолжала держать Софью за руку, старик еще крепче прижал к себе саквояж, его лицо от волнения покрылось красными пятнами. Толстяк носовым платком вытирал вспотевшее лицо и шею. Затем достал часы, откинул крышку и взглянул на циферблат.

— Однако! — воскликнул он, ни к кому не обращаясь.

В это время по вагонному коридору возвращались казаки во главе с есаулом.

— Господин есаул! — обратился к нему толстяк, убирая часы в карман пиджака, но есаул не услышал его и прошел мимо. Пропустив перед собой шедших следом за есаулом казаков, толстяк направился вслед за ними.

После того, как казаки покинули вагон, все прильнули к окну, наблюдая за тем, что происходило на улице. Софья тоже начала всматриваться сквозь стекло, она уже пришла в себя и высвободила свою руку из материнской руки. На перроне тем временем казаки собрали в одну группу всех снятых с поезда пассажиров. Среди них был и Иванов, он растерянным взглядом смотрел на казаков. В это время Софья увидела, как от поезда по перрону в сторону казаков прошел толстяк. Он подошел к есаулу и стал ему что-то говорить, едва заметно указывая рукой в сторону поезда. Тот внимательно выслушал толстяка, взглянул в указываемую им сторону и с несколькими казаками быстрым шагом вновь направился к вагону, толстяк при этом остался на перроне. Войдя в вагон, казаки прошли по коридору и остановились напротив Акимки.

— А ну-ка, подойди сюда! — приказал ему есаул и поманил пальцем. Акимка подошел и есаул с силой рванул на его груди рубаху, сунул руку за пазуху и вытащил письмо от брата красноармейца, начал бегом читать его, а прочтя, смял письмо и бросил на пол.— Взять! — приказал он казакам, указав на Акима.

Казаки схватили Акима за шиворот и потащили к выходу.

— Дяденьки! Не надо, дяденьки! Я домой поеду, меня там мамка с батькой ждут, дяденьки! Простите меня, я домой поеду! — запричитал тот, с ужасом взирая на казаков.

— Пш-ш-шел! — прикрикнул на Акима один из казаков и поддал ему коленом под зад.

— Дяденьки! Простите меня, Христа ради, дяденьки! Я домой поеду! — со слезами на глазах взмолился Акимка, но казаки не слушали его. Тогда он сначала присел, а затем вовсе упал на спину и начал взбрыкивать ногами, надеясь таким образом отбиться от казаков.

— Ах ты, щенок! Ты еще лягаться вздумал?! — закричал на Акима один из казаков и перепоясал его нагайкой. Тот взвыл от боли и начал, словно уж, извиваться на полу.

— Господин офицер, неужели вы не видите, что это еще ребенок, к тому же он видимо... недоумок! — обратилась Екатерина Михайловна к есаулу.— Прошу вас, отпустите его, не берите грех на душу! — попросила она.

— Ребенок?! Недоумок?! Завтра этот недоумок, этот ребенок, эта рвань краснопузая будет в нас из пулемета палить! — резко со злостью в голосе ответил Екатерине Михайловне есаул и сдвинул брови к переносице.— Увести! — нервно дернув уголок уса, вновь приказал он казакам, остановившимся в нерешительности после просьбы Екатерины Михайловны. Затем повернулся к стоявшему рядом с ним рыжему казаку с усами.— А ну-ка, Семен, посмотри, что там у этого старика в портфеле? — приказал он, указав на доктора.

— А ну сказывай, шо там у тебя в сумке? — спросил Семен и, не дождавшись ответа, выхватил саквояж из рук доктора.— Нету тут никакого золота, все нам набрехал ентот жирный мужик, надоть его, господин есаул, выпороть, чтоб боле нам не брехал,— проговорил он, продолжая рыться в саквояже старика.— Вот, господин есаул, только писанина какая-то,— удивился Семен, доставая из саквояжа исписанные листы бумаги и передавая их есаулу.

Тот взял листы и начал их читать. Затем оторвался от чтения и взглянул на старика.

— Что это у вас за письменность? — спросил он, потрясая листами.

— Это, господин офицер, моя научная работа,— ответил старик-доктор, пытаясь забрать у есаула листы, но тот их не отдал.— Осторожно, прошу вас,— это труд всей моей жизни,— жалобным голосом попросил он есаула.

— Труд всей жизни, гутаришь? Зараз мы поглядим, что это за труд такой? — ухмыльнулся есаул, и вновь начал вчитываться в написанное.

— Неужто он и впрямь в ентих бумагах всю свою жизнь расписал? — удивился рыжий казак Семен, переводя взгляд с бумажных листов на старика, а затем на есаула.

— Господин есаул, а может в етих листах написана шифра какая? — к есаулу обратился стоявший до этого молча бородатый казак Петро.— Вот помнится мне, еще до германской, служил я в Петербурге, и довелось нам как-то разгонять уличную демонстрацию. Так вот мы тогда у одного зачинщика ентотой самой демонстрации нашли шифру. То же вроде бы как писанина какая, а оказалось — шифра. От етих комиссаров шо хошь можно ожидать.

— А я почем знаю? Может это и шифра, а может старик и вправду ученый какой. Ты вот что, Петро, отведите-ка его до их высокоблагородия, пушай он сам эту письменность поглядит. Да гляди мне, за старика отвечаешь головой,— распорядился есаул.

— Слушаюсь! — ответил казак и повернулся к доктору.— Пошли, старик, с атаманом нашим погутаришь.

Доктор покивал головой, затем закрыл саквояж и со вздохом поднялся с дивана.

— Ну что же, пойдете, поговорим с вашим атаманом. Только прошу вас, господа, не растеряйте по дороге мои листы,— попросил он и направился с казаками к выходу.

После их ухода Софья увидела на полу среди другого разного мусора скомканное и брошенное есаулом отобранное у Акима письмо. Сама не зная зачем, она наклонилась и быстро подняла его и, чтобы не увидела Екатерина Михайловна, спрятала в манжету рукава платья, затем отвернулась и стала смотреть в окно.

В это время на перрон на вороном коне и в сопровождении нескольких офицеров въехал бородатый казак. В отличие от других казаков, на его погонах были карандашом нарисованы зигзаги, что означало генеральский чин. Это был командующий дивизией Донского корпуса Мамонтова генерал Постовский Владимир Иванович.

К нему подвели старика-доктора и передали бумажные листы. Прежде чем приступить к чтению листов, Постовский внимательно взглянул на старика, а затем начал читать. Прочтя, а больше просто бегло просмотрев листы, он вернул их старику, затем спешился и, передав поводья ординарцу, в сопровождении нескольких казаков направился к поезду. Есаул, увидев его, опрометью выскочил из вагона и, подбежав к нему, взял под козырек.

— Ваше превосходительство, по вашему приказанию станции нанесено максимальное разорение — взорвана водокачка, разбита телефонно-телеграфная и селекторная аппаратура. В селе уже выявлено несколько партийных руководителей, но

рейд по куреням для поиска коммунистов и комсомольцев продолжается. Захвачен шедший в Елец товарный поезд с оружием и обмундированием для красной армии, взяты в плен двое сопровождавших поезд красноармейцев, сейчас их допрашивают в здании станции. С пассажирского поезда снято несколько человек, среди которых, по нашему разумению, есть красноармейцы, коммунисты и комсомольцы.

— Почему с поезда снято только несколько человек?! — возмутился генерал. — С поезда высадить всех пассажиров... всех без исключения... и старых и малых... и построить их в шеренгу вот здесь, вдоль стены, — он указал рукой в сторону здания станции. — Кто будет оказывать сопротивление или попытается сбежать, расстрелять на месте.

Получив приказание, казаки бегом побежали к поезду и под выкрики и ругань начали силой выгонять людей из вагонов, сгоняя их к станционному зданию. Екатерина Михайловна медленно поднялась с места и, придерживаемая Софьей, с трудом направилась к выходу. Еще труднее она спустилась по порожкам из вагона на перрон. Вскоре люди плечом к плечу выстроились в шеренгу у стены станционного здания. Перепуганная Софья с трудом удерживала под руку обессилившую мать, и стоявший рядом с ними кондуктор Ложкин подхватил Екатерину Михайловну под другую руку, также стал удерживать ее. Генерал Постовский постоял немного, выждал, пока в шеренге смолкли голоса, и медленной походкой направился вдоль людей, внимательно глядя в их лица. За ним последовали казаки.

— Коммунистам, комиссарам и комсомольцам выйти из строя, — приказал он, но никто не вышел. Генерал остановился, вновь, словно нехотя, обвел всех взглядом и продолжил: — Если кому-то известно, что среди находящихся здесь людей есть красноармейцы, комиссары, коммунисты и комсомольцы, прошу указать на них.

Кондуктор Федор Ложкин уже больше года состоял в ефремовской партийной ячейке и, услышав требование генерала о выдаче коммунистов, не на шутку перепугался, так как в шеренге стояли знавшие его ефремовцы, но его никто не выдал. — Ну что же, тогда поступим так, — генерал вновь медленно побрел вдоль шеренги. — Ты, выходи, — указал он на среднего возраста плотного телосложения мужчину. — Ты, тоже выходи, — приказал он следующему мужчине, высокорослому и широкоплечему. — Ты... ты... и ты, — последним он указал на кондуктора Ложкина. Они вышли. — Вам приказываю оборвать телеграфные провода на столбах, а сами столбы повалить на землю. — Затем повернулся к есаулу. — Машинистов ко мне, с обоих поездов, и стрелочника, — распорядился он. Вскоре к нему подвели двух машинистов и станционного стрелочника. Постовский довольно-таки долго и пристально глядел в перепачканные лица машинистов, а затем произнес: — Разогнать паровозы навстречу друг другу и врезаться ими друг другу в лоб, да чтобы паровозы были с вагонами и на полном ходу, узнаю, что ход замедлили, расстреляю. — Затем повернулся и взглянул на стрелочника. — Как только паровозы разъедутся, немедленно перевести стрелки на один путь и дать сигнал машинистам для начала движения.

— Слушаюсь! — перепуганный стрелочник вытянулся перед Постовским навывтяжку.

— А вы, есаул, — генерал повернулся к есаулу, — выделите казаков для догляда, чтобы ни машинисты, ни стрелочник не сбежали и в точности выполнили мое приказание. Подозреваемых в причастности к советской власти отвести в сторону и взять под караул, всех остальных отпустить, — приказал генерал и направился в сторону станционного здания.

— Снятых с поезда коммунистов, комиссаров и комсомольцев отвести в сторону посадки и окарауливать, — продублировал есаул приказание генерала, указывая нагайкой в сторону росших вдоль железнодорожного полотна деревьев, — а осталь-

ные — свободны! — громко и торжественно объявил он, но люди продолжали стоять. — Свободны, свободны! — вновь повторил есаул, и только после этого стоявшая шеренга людей зашевелилась, загудела, заговорила сначала тихо, а потом все громче и громче, и начала расходиться в разные стороны, натываясь друг на друга и мешая друг другу. Многие стали выкрикивать имена потерявшихся родных, друзей или просто знакомых.

Софья и Екатерина Михайловна в числе многих других людей направились от станции в сторону дороги, ведущей на Ефремов. Екатерина Михайловна хотя и с трудом, но шла сама, изредка придерживаемая дочерью. Что им нужно было делать дальше и как поступить, они не знали. Пройдя несколько метров, Софья увидела, как от мужиков, рвавших со столбов телеграфные провода и валивших на землю столбы, отделился кондуктор Ложкин и незаметно вышел на дорогу, где смешался с людьми. Пошел быстро по дороге, обгоняя основную массу людей, и вскоре побежал во всю прыть в сторону Ефремова. Пройдя несколько метров, Екатерина Михайловна тяжело задышала и остановилась.

— Погоди, Сонечка, давай постоим немножко, дай отдышусь, — произнесла она.

Осмотревшись по сторонам, Софья недалеко от себя увидела лежавшее вдоль дороги бревно, и, осторожно придерживая Екатерину Михайловну под локоть, препроводила ее к этому бревну и обе присели на него. Екатерина Михайловна тяжело перевела дух, склонила голову и стала смотреть на землю, обе молчали, говорить ни о чем не хотелось.

Мимо них в сторону Ефремова, поднимая ногами пыль, шли снятые с поезда люди, им не было никакого дела до сидевших на бревне двух женщин. Тем временем день уже перевалил на вторую половину, и было жарко. В придорожных травах пели кузнечики, гудели и не давали покоя шмели и осы. Со стороны железнодорожного полотна слышались звуки грохотавших вагонов, поезда на большой скорости неслись навстречу друг другу. Софья смотрела на них, и в этот момент вдруг увидела, как из дверей станционного здания казаки вывели ее знакомых Сашку Тихонова и Никиту Платонова. Они были босы, лица их были избиты в кровь, гимнастерки испачканы и разорваны, руки их были связаны за спиной. Казаки периодически подстегивали их нагайками и, наезжая лошаадьми, повели в сторону группы снятых с поезда пассажиров.

— Мама, там Сашка и Никита! — воскликнула Софья.

Екатерина Михайловна подняла голову, и в этот момент со стороны станции раздался оглушительный силы грохот. Поезда на полном ходу врезались друг в друга, послышался лязг и скрежет металла, треск наезжавших друг на друга и разваливающихся на ходу вагонов, возгласы остановившихся и устремивших свои взгляды на происходящее людей. В ту же минуту все отчетливо увидели, как стоявший вместе с другими задержанными людьми Акимка, воспользовавшись замешательством охранявших его казаков, рванул с места и стал убегать от них по полю. Один из казаков что-то стал кричать ему вслед, второй, пришпорив коня, погнался за ним, и в ту же секунду третий казак привстал на стременах, вскинул ружье и выстрелил в Акима. Тот словно споткнулся обо что-то, как-то неестественно взмахнул руками и упал, уткнувшись лицом в землю. Подскакавший к нему гнавшийся за ним казак мельком взглянул на лежавшего Акимку, затем потянул на себя поводья, задрал лошади голову и, развернувшись, поскакал обратно. Подскакав к стрелявшему казаку, он махнул рукой. Увидев это, Софья закричала каким-то чужим диким голосом, затем закатила под лоб глаза и, потеряв сознание, начала валиться на землю.

— Сонечка! Доченька! — вскрикнула Екатерина Михайловна и бросилась к дочери, пытаясь удержать ее от падения. Софья упала навзничь и затихла. — Доченька,

что с тобой?! — Екатерина Михайловна от растерянности, не зная, что нужно делать в такой ситуации, начала тормозить Софью. — Помогите! На помощь! — кричала она. — Господи, помоги, спаси и сохрани! — взмолилась она.

Шедшие по дороге люди остановились, стали смотреть на лежавшую на земле Софью и кричавшую Екатерину Михайловну, но никто не оказывал им никакой помощи. Вдруг сквозь стоявших на дороге людей протиснулся доктор-старик. Он сунул в руки Екатерины Михайловны свой саквояж и бросился к Софье. Стал ладонями хлестать ее по щекам, массажировать ей мочки ушей, мять мизинец на левой руке. Наконец она пришла в себя и, открыв глаза, стала обводить всех удивленным, ничего не понимающим взглядом.

— Все, пришла в себя, — тихо проговорил доктор. — Скажите, милая барышня, как вас зовут? — спросил он громким голосом, обращаясь к Софье.

— Софья.

— А где вы сейчас находитесь? — вновь задал вопрос доктор.

— На дороге рядом со станцией.

— А вы знаете, кто это? — доктор указал на перепуганную Екатерину Михайловну. — Как ее зовут?

— Да, знаю. Это моя мама, а зовут ее Екатерина Михайловна, — ответила Софья.

— Ну, слава богу! С вашей дочерью все в порядке, просто у нее был сильный испуг и нервный стресс, спровоцировавший временную потерю сознания, — произнес доктор, обращаясь к Екатерине Михайловне. — А вы сами-то, барыня, как себя чувствуете? — спросил у нее доктор.

— Спасибо, я в порядке, — тяжело дыша, ответила Екатерина Михайловна. — Сонечка, милая, скажи, как ты себя чувствуешь? — обратилась она к дочери.

— Хорошо, мама, — тихим голосом ответила Софья.

Стоявшие вокруг них люди подняли Софью с земли и усадили на бревно, Екатерина Михайловна села рядом. Она прижала Софью к себе и начала качать ее словно маленького ребенка.

— Доченька, миленькая моя, я так сильно за тебя испугалась, — зашептала она Софье на ухо. — Идет война, и возможно такие страшные моменты тебе в жизни еще придется увидеть не раз, будь к этому готова.

— Мама, как можно быть готовым видеть, как одни люди убивают других?!

— Я тебя понимаю, — согласилась с дочерью Екатерина Михайловна. — Как ты себя чувствуешь? Ты в порядке? — вновь поинтересовалась она состоянием дочери, забеспокоившись ее долгим молчанием.

— Я в порядке, со мной все хорошо. Мама, за что они убили Акимку? — спросила она, всматриваясь в ту сторону, где лежал на земле Аким, и где рядом с ним собрались казаки и какие-то люди, одетые в гражданскую одежду.

— Наверное, за то, что он стал убежать от них, — вздохнув глубоко, неопределенно ответила Екатерина Михайловна и с испугом взглянула на доктора. — Можно ли разговаривать с нею на эту тему?

— Все хорошо, не переживайте, разговаривайте с ней обо всем и, пожалуйста, пойдете отсюда поскорее, — сказал доктор.

Пережив страх из-за потери Софьей сознания, Екатерина Михайловна, несмотря на плохое самочувствие, пошла быстрым и уверенным шагом, обняв Софью за спину, она начала подталкивать ее, надеясь, таким образом, быстрее покинуть это страшное место. Доктор последовал за ними.

— Спасибо вам огромное, если бы не вы, я даже не знаю, что могло бы случиться! — поблагодарила его Екатерина Михайловна. Доктор кивнул головой. — Кстати, вам вернули вашу научную работу? — спросила она.

— Да полноте вам, барыня, все это пустое,— махнул тот рукой.

Какое-то время шли молча. Отойдя от станции некоторое расстояние, Софья вновь заговорила.

— Там среди них Сашка Тихонов и Никита Платонов, я их узнала,— произнесла Софья.— Неужели их тоже убьют? — тихо спросила она.

— Кто они такие? Откуда ты их знаешь? — спросила у Софьи Екатерина Михайловна.

— Они из деревни Ордынка, часто приходили к нам в наше имение, и мы вместе играли в мяч, а старший брат Никиты служил у нас конюхом.

— Это какой брат? Прохор, что ли?

— Да, по-моему, его звали — Прохор.

— Погоди-ка. А не тот ли это Сашка Тихонов, которого по приказу нашего папеньки этот самый Прохор кнутом высек за то, что он тебя поцеловал?

— Да, тот,— ответила Софья и покрылась румянцем то ли от волнения, то ли от напоминания матери о ее первом в жизни детском, а потому самым дорогим и запомнившимся на всю жизнь поцелуе.

— Погоди, Софья, так значит, это они сожгли наш дом?! Так значит, это они виновны в смерти твоего отца?! — тихим голосом, перешедшим в злое шепот, спросила Екатерина Михайловна. Она даже остановилась и вновь тяжело задышала.— Не жалей их! Не жалей их! — дважды, словно заклинание, повторила она.— Бог их наказал,— подытожила она сказанное и, нахмутив брови, замолчала.

— Мама, Сашка Тихонов не сжигал наш дом, его не было среди тех людей. Это он предупредил нас о погроме и советовал нам убежать, разве ты не помнишь этого? — спросила у матери Софья.

Екатерина Михайловна промолчала. Она решила прекратить этот разговор и, отвернувшись от Софьи, медленно побрела по дороге. Невольно ей вспомнилась произошедшая с их семьей трагедия...

* * *

...В сентябре 1917 года проходивший в Ефремове съезд крестьянских депутатов выдвинул требование: всем без исключения помещикам свои частновладельческие хозяйства передать местным земельным комитетам, состоявшим из крестьянских сообществ. Однако помещики отказались выполнить волю крестьян и уже в конце месяца начались крестьянские выступления против помещиков, сопровождавшиеся погромами и поджогами их имений.

Помещики Рязановы каждый вечер с ужасом и тревогой наблюдали, как где-то там, за горизонтом, в тех местах, где находились помещичьи усадьбы, небо периодически покрывалось багряным заревом пожарищ. А в одну из темных октябрьских ночей в их доме раздался громкий стук в окно. Стучали очень настойчиво, а потому хозяин поместья Серафим Аркадьевич вышел в одном нижнем белье. Чуть позже, одев на себя теплые одежды, вслед за ним вышли Екатерина Михайловна и Софья. На улице верхом на лошади сидел Сашка Тихонов.

— Собирайтесь живо! Берите с собой все самое необходимое и ценное и бегите отсюда! Мужики наши с дубинами, вилами, а кто и с ружьями сюда собираются идти, вас громить. Бабы с керосином на телеги составили, ваш дом жечь будут! Пьяные они, бегите, пока не поздно! — тяжело дыша, проговорил Сашка, искоса взглянув на Софью.

— Спасибо тебе, братец, что предупредил нас, спасибо! — придя в себя через некоторое время после услышанного, сглотнув от волнения слюну, произнес Серафим Аркадьевич.— Век не забуду, в церкви за тебя свечку поставлю и в поминальной записке напишу о здравии. Как звать-то тебя, братец? — спросил он.

— А мне от вас, барин, ничего не надобно,— со злостью в голосе перебил его Сашка.— Ни свечек ваших, ни заздравных записок. Вы мне уже оставили свою расписку, следы от нее у меня на спине на всю жизнь сохранились, после того, как конюх ваш Прохор-хромой по вашему приказанию на конюшне с меня кнутом кожу сдирал. Вспомнили меня? Да и не о вас я пекуся, а о дочке вашей — Софье. Кабы не она, сам бы лично ваш дом спалил! — неожиданно для всех проговорил Сашка и исподлобья взглянул на Софью. Екатерина Михайловна перехватила его взгляд и взглянула на дочь. Скорее не увидела, а материнским чутьем угадала, как Софья залилась румянцем.

— Сонечка, уйди в дом и быстро собери для себя все самое необходимое на дорогу, мы уходим,— распорядилась она, легонько подталкивая дочь в дом и закрывая за ней дверь.

Войдя в дом, Софья прижала холодные ладони к пылающему лицу, спиной прижалась к двери и прикрыла глаза. Увидев на улице Тихонова Сашку, она внезапно испытала нахлынувшее на нее чувство сильного душевного волнения и теперь никак не могла справиться с ним. Она почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце, молоточками застучала в висках кровь, поднимая грудь, участилось дыхание. Софья давно испытывала к Сашке теплые и нежные чувства. Испытывала с того самого момента, когда они в детстве, убежав под овраг к пруду за укатившимся туда мячом, неумело и по-детски поцеловались. На их беду это увидел поивший в пруду лошадей хромой конюх Прохор Платонов. Притаившись за кустами, он стал наблюдать за ними. Злорадно улыбаясь, увидел, как после поцелуя Софья покраснела от стыда и она еще странилась от Сашки, а затем вдруг сама прильнула к нему, обняла его и они еще несколько раз поцеловались. Это были их первые в жизни поцелуи. Затем Софья оттолкнула от себя Сашку и, смеясь, побежала к дому. Проводив Софью взглядом, тяжело дышавший от нежных чувств Сашка закатал до колен штанины, зашел в пруд, взял мяч и направился следом за убежавшей Софьей. Прохор напоил лошадей, а затем, припадая на хромую ногу, пришел к Серафиму Аркадьевичу и рассказал ему об увиденном. Взбешенный этим известием Серафим Аркадьевич велел выпороть Сашку, после чего запретил ему появляться в их имении, а дочь запер в доме и несколько дней не выпускал на улицу.

После этого Софья долго не виделась с Сашкой. Увиделись они спустя год случайно на станции Птань, откуда Софья вместе с матерью уезжала в город Елец погостить у дяди. Сашка в это время с отцом грузил на телегу мешки с мукой. Увидев его, обсыпанного с головы до ног белой мучной пылью, Софья прыснула от смеха, а Сашка бросил работать, уселся на эти мешки и стал смотреть на нее, боясь оторвать от нее взгляда, боясь подойти к ней и боясь заговорить с ней. Лишь смотрел на нее и улыбался, и прежде чем Софья вошла в вагон, незаметно для Екатерины Михайловны помахал ей рукой. Тогда Софья, как и сейчас, при виде Сашки тоже испытала сильное волнение, больше они не виделись. И вот теперь Сашка ночью прискакал на лошади, чтобы предупредить о надвигающейся опасности — ее предупредить.

А Сашка, тем временем, еще раз смерив Серафима Аркадьевича и Екатерину Михайловну недобрый взглядом, стеганул лошадь и скрылся в ночной темноте.

— Однако, Серафимушка, нам нужно поторапливаться. С минуту на минуту могут появиться погромщики, нужно уходить,— сказала Екатерина Михайловна, обращаясь к мужу, но тот, постояв какое-то время в раздумье, возразил ей.

— Нет, милая, не нужно куда уходить, я думаю, они не посмеют нас тронуть.

— Почему ты так уверен в этом? Других-то трогают, а нас они почему должны пожалеть? Я не верю этому, нужно уходить,— возразила мужу Екатерина Михайловна.

— Нет, нет. Не надо никуда уходить, давайте останемся дома. Я никому из крестьян никогда не делал ничего плохого, всегда старался им в чем-то помочь, к тому же все требования съезда крестьянских депутатов я выполнил,— произнес Серафим Аркадьевич, и Екатерина Михайловна, несмотря на дурные предчувствия, согласилась с мнением мужа.

Вошли в дом, на всякий случай собрали необходимые для дороги вещи, спрятали в одежды документы, деньги и драгоценности, а затем, словно перед дальней дорогой, присели на стулья и стали ждать погромщиков.

Через полчаса с улицы донесся конский топот, тележные дребезжания, и на территорию усадьбы въехало несколько крестьянских подвод. Стали раздаваться приглушенные голоса людей, тихое ржание лошадей. Почуввав недоброе, во дворе завyla помещицы собака. Вскоре громко и настойчиво забарабанили в дверь. Серафим Аркадьевич поднялся со стула и, подойдя к двери, открыл ее. Запустив свежий осенний воздух, в дом вошли несколько крестьян.

— Ну, здравствуйте вам, барин Серафим Ркадич,— поздоровался с Серафимом Аркадьевичем небольшого роста бородатый старик и по привычке снял шапку, но тут же замешкался, не зная, куда ее деть, наконец, засунул за подпоясину старого поношенного тулупа. Серафим Аркадьевич как ни старался вспомнить этого старика, так и не смог этого сделать; ни имени его не вспомнил, ни фамилии, ни из какой он деревни.— Вот, стало быть, дела нынче такие, Серафим Ркадич... вот, стало быть, приехали мы к вам... стало быть...— от волнения старик никак не мог сформулировать свою речь и объясниться с Серафимом Аркадьевичем.

На помощь старику пришел стоявший рядом с ним средних лет мужик, одетый в солдатскую шинель, но без погон. На солдатской фуражке темным овальным пятном с дыркой выделялся след, оставшийся от солдатской кокарды.

— Значит так, барин,— дыхнул он на Серафима Аркадьевича из-под усов водочными парами,— я, как председатель комитета бедноты, заявляю вам, что вы не подчинились съезду крестьянских депутатов и не отдали свои земли земельному комитету, а потому мы созвали сельский сход, на котором постановили следующее,— он замолчал на некоторое время, достал из кармана шинели потертый лист бумаги, развернул его и, прокашлявшись в кулак, начал читать: — Все ваши земли передать в земельный комитет, с предоставлением права земельному комитету самим определять порядок обработки, обсеменения, уборки полей и укоса трав. Так же реквизировать все ваши запасы, скотину и другое имущество. Самых же вас, как враждебный класс трудовому крестьянству, изгнать с нашей земли, а дом — спалить. Вот такое будет вам наше сельское решение,— мужик взглянул на стоявших и словно онемевших Серафима Аркадьевича и Екатерину Михайловну, затем перевел взгляд на перепуганную Софью.— А вы, барышня, ушли бы куда с глаз долой, спрятались бы где от греха подальше, а то, неровен час, кабы вас тут кто не обидел,— сказал он, косо глядя на нее, но Софья продолжала стоять рядом с родителями. Екатерина Михайловна взяла Софью за руку и прижала к себе. Председатель комитета бедноты покряхтел, вновь кашлянул в кулак и разгладил рукой усы.— Ну, дело ваше — барское. Попрошу покинуть дом,— распорядился он, указывая рукой в сторону двери. Рязановы подчинились и вышли на улицу, стали во дворе, не зная, что им делать, как поступить в сложившейся ситуации и куда идти. Следом вышел и председатель комитета бедноты.— А вы чего стоите? Берите все, что вам нужно, сбивайте замки на амбарах, забирайте зерно и выводите скот,— приказал он, обращаясь к стоявшим крестьянам, и сам одним из первых направился к амбару. Вслед за ним, с шумом и возгласами, ринулись мужики и бабы.

Серафим Аркадьевич узнал председателя комитета бедноты — это был дезерти-

ровавший с германской войны средний сын Платонова Василия Захар из деревни Ордынка.

К Серафиму Аркадьевичу вновь подошел небольшого роста бородатый старик, тот самый, что не смог с ним объясниться в доме.

— Помнитца, барин, вы как-то сказывали нам: ежели кому будет худо, ежели кому будет чаво не хватать, то приходите ко мне и возьмите, я вам все дам. Вот, стало быть, теперча и пришли. Так что, не обессудьте. А мне бы, Серафим Ркадич, чаво из скотинки, стало быть, телка там какова, али свинку, а боле ничаво и не надоть, только из скотинки чаво,— сказал он, улыбаясь в бороду.— Дык я, стало быть, пойду в хлев-то, возьму там свинку-то? А, Серафим Ркадич, возьму, стало быть? — спросил он разрешения у Серафима Аркадьевича и, не дождавшись ответа, надел на голову шапку и направился в хлев.— Нюрка! Чаво сидишь? Вылазь из телеги, пошли, можа какую скотинку себе возьмем,— позвал он за собой жену.

— Братцы! Не губите, братцы! — наконец-то пришел в себя Серафим Аркадьевич.— Я же выполнил все требования съезда, всю землю вам отдал, себе немного оставил, чтобы с голоду не помереть, а остальное все вам отдал! Вспомните, братцы, я же еще до съезда и цену за земельную аренду снизил, и продажу земли отменил, и большую часть урожая в этом году вам отдал. Братцы, помилуйте! — запричитал он, но неуправляемая толпа мужиков и баб уже не слышала и не слушала слов помещика. Они бесцеремонно отодвинули в сторону хозяев. Со всех сторон стали доноситься выкрики, споры, ругань, рев скотины, звуки разбиваемой в доме мебели. Разграбление продолжалось около часа и все это время Рязановы, прижавшись друг к другу, стояли на улице.

— Все из дома вынесли или еще что-то осталось? — громко спросил у погромщиков Захар Платонов — Если вынесли все, то обливайте комнаты керосином и закаливайте! — приказал он.

— Братцы! Не сжигайте дом, братцы! Заберите все, только не сжигайте дом! Прошу вас, ради Христа, помилуйте! Захар Васильевич, не губи, помилуй! — вскричал Серафим Аркадьевич и упал перед Захаром на колени, обхватил руками полы шинели, сполз еще ниже к грязным солдатским сапогам. Вмиг осунувшийся, с растрепанными волосами и со слезами на глазах, взирал на Захара снизу вверх.— Помилуй, Захар Васильевич! Не губи, ради господа бога прошу, помилуй! — кричал он, хватая руками политую осенними дождями и истоптанную крестьянскими сапогами грязную землю. Увидев это, Екатерина Михайловна и Софья зашлись в громком плаче.

— Палите дом, чего ждете? — высвобождаясь от рук Серафима Аркадьевича, злобно крикнул Захар застывшим в нерешительности крестьянам, державшим в руках бадьи с керосином, и почти в тот же миг запольхал дом. Пламя с треском пожирало пол, стены, потолок, разбросанные вещи и разбитую мебель, охватило чердачное перекрытие. Оно пожирало все нажитое годами богатство, пожирало прошлую, некогда счастливую и беззаботную, помещичью жизнь.

А погромщики, погрузив в подводы награбленное имущество и привязав к ним барскую скотину, отправились по домам. Серафим Аркадьевич от бессилия что-либо сделать смотрел на горящий дом, плакал, хватал горстями землю и в ярости бил по ней кулаками. Вдруг он резко схватился руками за грудь и, захрипев, повалился на землю, уткнувшись лицом в грязь. Екатерина Михайловна с Софьей бросились к нему, перевернули на спину, начали вытирать от грязи лицо.

— Серафим! Серафим! Что с тобой?! — кричала Екатерина Михайловна, тряся мужа за плечи.

— Папа! — вскричала перепуганная Софья и прижала руки к груди.

— Серафим, дорогой, любимый, ну скажи что-нибудь! Не молчи, Серафим! — кричала Екатерина Михайловна, продолжая тормошить мужа за плечи, расстегивая пальто, костюм, разрывая рубаху. Затем припала ухом к его груди и замолчала на некоторое время. Не услышав биения сердца, медленно оторвала голову от мужниной груди и взглянула на его неподвижное лицо. В ту же секунду закричала душевраздирающе и упала на мертвое тело.

— За что, Господи?! За что так наказал нас, Господи?! За что?! Серафим, любимый, зачем же ты так поступил?! На кого ты нас оставил?! Как же мы теперь без тебя будем жить, Серафим?! — крича в голос, запричитала она.

Поняв, что произошло страшное горе, Софья тоже закричала, опустилась на колени и тоже припала к телу отца. От их рыданий тело Серафима Аркадьевича сотрясалось, согнутые в локтях руки с налипшей на ладонях грязью под такт тела подрагивали, приоткрытый рот перекосялся, отчего казалось, что Серафим Аркадьевич, лежа на спине, смеется, но открытые глаза с неподвижными зрачками мертвенно отражали пламя адского пожарища. Пытаясь убежать от огня, извивалась на цепи и громко выла собака.

От мертвого тела Серафима Аркадьевича Екатерину Михайловну и Софью оторвали управляющий их имением птанский крестьянин Гордей Никифорович Фролов и его жена Марфа Антоновна. Они от погромщиков спрятались в близлежащем лесу, и вот теперь вышли из своего укрытия. Подошли к Екатерине Михайловне и Софье, взглянули на мертвого Серафима Аркадьевича, перекрестились.

— Будя вам, барыня, будя,— тихо произнес Гордей Никифорович, чуть ли не волоком оттаскивая кричащую Екатерину Михайловну от мертвого мужниного тела.— Девку, девку уведи отсюда, что стоишь-то, как укопанная?! — прикрикнул он на жену, увидев, что та словно онемевшая стоит рядом с барынями. Придя в себя от окрика мужа, Марфа Антоновна подошла к Софье, помогла ей подняться с земли и увела ее в ночную темень.

Затем Гордей Никифорович, оставив на попечение жены плачущих барынь, вернулся обратно и с трудом перетащил тело Серафима Аркадьевича в хлев — единственное строение, оставшееся нетронутым огнем. Закрыв ему глаза, подвязал нижнюю челюсть, сложил на груди руки и прикрыл лицо найденной здесь же тряпкой, которой Марфа насухо вытирала после помывки и перед дойкой коровам вымя. Закрыв хлев, Гордей вернулся к ожидавшим его жене и барыням и увел оглушенных горем мать и дочь Рязановых к себе домой. После похорон Серафима Аркадьевича Екатерина Михайловна с Софьей уехали в Елец, где жили в доме брата Екатерины Михайловны, отставного штабс-капитана Сергея Михайловича Богданова...

(Продолжение следует)

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ГОВОРУХА

Наш постоянный автор.

Десятки, сотни, а может, и тысячи лет в дали дальние торопится речка Говоруха. Словно по крутой лестнице стекает. Полотно — перекааты, полотно — ступени, и снова ровное полотно, потом опять зашумела на перекатах, а тут попала в тесные берега и взревела, заторопилась, стараясь вырваться из каменного плена. Вырвалась и постепенно успокаивается, чтобы потом опять взбунтоваться. Характер своенравный у реки. Пройдут дожди в верховьях — она вздувается, вскипает, а вырвется на равнину, успокаивается и несет воды в дали неизвестные. Серьезная речка, кто с ней незнаком. Но для Семеныча она говорливая, своя. И будет речка бормотать и нашептывать, пока он ловит пескаришек да плотвичек. А бывает, путники с ночевьем останавливаются, тогда всю ночь речка шепчет и убаюкивает всех, кто оказался на берегу.

Уже много лет прошло с тех пор, когда Владимир Семеныч впервые приехал сюда. По нраву пришлись ему эти места. Каждый раз, когда выпадало свободное время, он торопился на берег. Приезжал, чтобы посидеть, поговорить с речкой. И она разговаривала с ним, рассказывала о том, что произошло в деревне, пока его не было. Обо всем нашептывала, кто и чем занимался, кто в деревню перебрался жить, а кто махнул рукой и укатил в город. У каждого человека своя тропка. Одни ищут легкий путь, а другие живут и не гонятся за призрачным счастьем, потому что они уже счастливы на своей земле, возле своей речки.

Много лет Семеныч ездил к реке, а потом решил перебраться из города в деревню. Надоела суетная жизнь, ничего не держало его в городе: ни семьи, ни детей. Один, как перст, не сложилась личная жизнь. Стогвал небольшой, но добротный домик в деревушке, что была разбросана по склонам холмов вдоль реки. Правда, бывал наездами, все не решался окончательно перебраться. Понимал, что жизнь придет-ся заново начинать, с чистого листа, как говорят. И тянул с переездом. Прикатит в деревню, посидит в доме, а потом подхватится и уходит к реке. Там ему было лучше. Он привык к одиночеству...

В один из дней, когда Семеныч приехал в деревню, к нему в гости зашли соседи: Анисим и Фаина Алешкины. Лето в разгаре. Анисим зашел, скинул глубокие галоши возле порога. Ноги грязные, разводья от края галош. Он пошевелил пальцами, дрыгнул, сгоняя ползущую по ноге муху, поправил кургузый пиджак с разодранным боковым карманом. Поддернул штаны неопределенного цвета. Наверное, сам давно забыл, какими они были. Снял шапку (в жару-то!), лицо коричневое, а лысина белая и пушочек кудрявится. Шагнул, мотнул головой и протянул кирзовую, ороговевшую, по-другому не скажешь, ладонь.

— Это... — он почесал седую небритую щеку и ткнул себя в грудь. — Я Анисим, твой сосед, а это моя жинка Файка.

— Здравсте вам! — она поклонилась. — Я Фаина, баба его. Вот зашли познакомиться. А то приезжаешь и живешь отшельником, так сказать.

Улыбнулась, прикрыв широкой ладонью рот, где отсутствовали передние зубы. Застеснялась.

Фаина ростом была под стать мужу. Высокая. Правда, фигура какая-то грушевидная, с большим оплывшим животом, плоское лицо в россыпи не рыжих, а огненно-коричневых веснушках, которые сплошь покрывали лицо, остренький носик спрятался между щеками, маленькие глазки под выбившимися рыжими волосами. Даже пальцы были усыпаны веснушками. На округлых плечах съехавшая косынка. Откинет волосы, в ухе заметна простенькая сережка с зелененьким камушком. Сарафан с коротким рукавом, а под ним шерстяная кофта с продранными локтями.

— Здравьте,— сказал Владимир и обвел рукой горницу.— А я Владимир Семеныч. Вот, домик купил. Правда, наездами бываю.

— И правильно сделал, что купил, Семеныч! — замотала головой Фаина и, оттолкнув мужика, заглянула в горницу.— Хорошая изба, а уж люди какие хорошие живут в деревне, таких больше нигде не встретишь. Душевные — страсть! — и запнулась.— Ничего, что по-простому, так сказать?

Владимир пожал плечами.

— Зовите, как хотите.

— А, это хорошо,— опять закивала Файка.— А мы с разведкой зашли, узнать, что за человек поселился. Услышали, что избу бабки Маньки сторговали, вот и решили заглянуть на огонек, пока опять на речку не сбежал, так сказать. Бабка Манька в город подалась к младшей дочери. А что тебя из города занесло в нашу глухомань, а?

— Речка позвала к себе,— сказал Владимир Семеныч и заметил, как заухмылялся сосед, поглаживая белую лысину.— Говорливая она. Понравилась. И природа красивая. Вот и приезжаю к ней, разговариваю. Если соберусь с духом, в деревню переберусь насовсем.

— Так у нашей речки и название подходящее — Говоруха,— захекал Анисим, поглаживая лысину, и подтолкнул жену.— Вот и я когда-то в молодости уговорил Файку на бережку. Правда, давно это было, но до сей поры живем. Можно сказать, многие там уговариваются, на бережку-то, а потом свадьбы играют.

— Эть, язык без костей! — всплеснула руками Файка и звонко шлепнула по крутым бедрам.— Уговорил... Еще неизвестно, кто кого заломал на том бережку, так сказать.

И засмеялась тоненько, весело, и заколыхалась, сморщившись, и без того маленькие глазки спрятались где-то между щеками среди коричневых веснушек.

— Ага, скажи еще, на себе женила,— заворчал сосед, а потом не выдержал и вслед за женой засмеялся.— Может и правда, что женила. Вон какая рыжая! А рыжие — бесстыжие, как мой батя говорил, хотя сам такой же был, да у нас почти вся деревня — рыжие да конопатые. Все словно под одну гребенку деланы...

Сказал, хохотнул и затоптался, поглядывая на соседа.

Владимир смотрел на неожиданных соседей и, к своему удивлению, радовался, что к нему пришли гости, но в то же время растерялся, не зная, что делать. Привык за долгие годы к одиночеству. Посмотрел, нахмурился, морщинки пробежали по крутому шишкастому лбу, и заторопился на кухню.

— Проходите, не стойте возле порога. Давайте по стопке выпьем за мой приезд,— сказал он и стал греметь в сумках посудой, разыскивая стопки.— Присаживайтесь.

Анисим громыхнул расшатанной табуреткой и уселся в уголок возле стола, шапку положил на колени. Увидев бутылку, причмокнул в предвкушении.

— О, глянь, Файка, какая прозрачная,— Анисим выхватил налитую стопку и поднял, рассматривая на свет.— Редко такую употребляем, больше к нашенской привыкли, а она — ух, вонючая да крепкая! Глянь, от этой даже запаха никакого,— он

шумно втянул воздух, пригубил и снова почмокал толстыми губищами.— Как вода, даже не обжигает.

Едва дождавшись, когда Семеныч поднял рюмку, опрокинул одним глотком, замер, прислушиваясь, что внутри творилось, а потом выдохнул и заулыбался таким же беззубым, как и у Файки, ртом.

— Ох, мягко пошла, словно елеем по сердцу мазнули,— он почмокал и погладил по груди.— Все на пользу, если в меру. А для мужика мера — это ведро.

И засмеялся.

Файка пригубила. Сморщилась. Ладонью помахала перед ртом. Двумя пальцами подхватила кружочек колбасы. Посидела, дождалась, когда Владимир выпьет, а потом выпила свою рюмку, сунула кусочек колбасы в рот и замычала, закатывая маленькие глазки. Понравилось.

— Сладкая,— сказала Файка, правда, было непонятно, что сладкая — колбаса или водка. Потом взглянула на мужика и погрозила пальцем.— Симка, не балуй! Ишь, мера ведро. Опять придется тебя тащить,— и виновато посмотрела на соседа.— Слабый он, Симка-то. С виду крепкий мужик, а две-три рюмахи пропустит и, как куль, валится. Организма такая. Не принимает градусы, так сказать.

Владимир опять наполнил рюмки. Колбасу потолще накромял. Хлеб нарезал. И кивнул.

— Давайте еще по одной опрокинем,— сказал он, поднимая рюмку.— За то, чтобы жилось хорошо...

— О, за это давай,— закивал Анисим и потер белую лысину.— Хорошо жить — это хорошо!

Он подхватил рюмку, медленно выпил, сразу глаза заблестели, похорошело на душе, занял кусочком хлеба, вытащил из пиджачка мягкую пачку, достал папироску.

— Куришь, сосед? — он взглянул на Семеныча.— Пошли, подымим...

— Отстань от человека,— заворчала Файка и широкой ладонью беззлобно вцепилась затрещину.— Может, он не курит. Иди и дыми на крыльце, а в избе не смей, так сказать.

Анисим послушно поднялся, потирая лысину, и протопал к двери, оглянувшись, хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел.

Поправляя платок, Файка, словно невзначай, окинула взглядом кухню, где, кроме стола, табуреток и кастрюль, ничего не было. Поднялась, колыхнув большим животом, похлопала ладонью по обшарпанной печи. Открыла кран, вода была проведена в дом, удовлетворенно покачала головой. Заглянула в горницу: на полу несколько узлов, в углу кровать с тонким матрасом, в другом углу стол, на котором стоял небольшой телевизор, а рядом старое радио и несколько книжек вперемежку с пожелтевшими газетами.

— Печку подмажем, побелим, так сказать, порядочек наведем, а вот мебелишки негусто,— она наморщила лоб, светлые бровки удивленно поднялись.— Что-то добра маловато, Семеныч. Видать, не нажил...

— Мне хватит,— пожимая плечами, сказал Владимир.— Кровать есть, радио тоже, печка с кастрюлями есть, а что еще нужно?

— Ну...— Файка задумалась, подняла голову, поглядывая на щелястый потолок.— Ну, это... Цыпляток заведи, свинку, так сказать...

— А чем кормить? — пожал плечами Владимир.— У меня за душой ничего нет, живность-то передохнет. Молочка, картошку да яйца могу в деревне купить. А остальное...

— Пора бы определиться в жизни, на одном месте осесть, а не мотаться. Вот приехал и обживайся. У нас люди хорошие, душевные. Помогут...— и, прислушавшись, она замолчала и оглянулась.

С грохотом распахнулась дверь. В избу ввалился Анисим. Шатаясь, подошел к столу. Долго смотрел на бутылку. Словно соглашаясь, кивнул головой. Налил в рюмку. Выпил. Повернулся к ним. Хотел что-то сказать, поднял руку, покачался, пытаясь удержаться за дверной косяк, и, как стоял с поднятой рукой, так и грохнулся на пол. Шапка отлетела в сторону. Заелозил на полу, а потом захрапел — густо, протяжно, громко.

— Ну не зараза ли, — всплеснула руками Файка, шагнула к мужу, пнула в бок грязной ногой. — Пробку нюхнул и все — расписался. От заразы такая! — потом взглянула на соседа. — Ладно, пусть Анисим валяется. Ничего с ним не случится. Проснется, не похмеляй его, сразу выгоняй. Ладно, Семеныч? А я побегу, хозяйство, так сказать.

Вихляя из стороны в сторону своим необъятным животом, она поправила сбившийся платок и затопала к выходу.

Так Владимир познакомился с соседями и впервые остался ночевать в своем доме...

Прежде он редко бывал в деревне. Наткнулся на нее, когда бродил по реке. И про речку-то узнал случайно. А когда узнал, решил на нее взглянуть. Приехал, побродил по берегу, посидел, послушал, как бормочут перекаты и рыба плавится на поверхности. Взглянул и остался. А потом на деревню набрел. Маленькая деревушка, если не сказать крошечная. Всего десятка три дворов, которые разбросаны по заросшим холмам, словно рассыпавшиеся кубики, а несколько домов у самой речки. Деревенские жили своим хозяйством. Правда, коров осталось не более пяти на всю деревню, но свиней да всякую птицу держали многие. А еще возле каждого дома были огороды. И каждую весну и осень соседи помогали друг другу: сажали, окучивали, выкапывали и закладывали на зиму. Речка рядом, рыбы много, а рыбаков маловато — раз-два и обчелся. Ловили помногу, но всю раздавали, едва возвращались домой. Да еще заготавливали рыбу на зиму. В бочках солили и держали на ледниках, а когда нужно было, доставали, споласкивали под водой, чтобы лишняя соль ушла и готовили.

Семеныч, бывая в деревне, заходил за продуктами, которые привозили на машине раз в неделю, если была дорога, а потом отправлялся на речку. Старался подальше уйти от людей, от жилья. Ставил палатку или шалаш, притаскивал охапку душистого сена или травы, неподалеку забивал рогатульки для котелка, приволакивал побольше дров, и несколько дней был в одиночестве, если это можно так назвать. Бывало, наловит пескариков или плотвичек, сварганит ушицу, похлебает, а потом уляжется в шалаше или в палатке и лежит, слушает бормотание Говорухи. Смотрел на воду и думал, что жизнь человека и его характер похожи на речку. Вся жизнь состоит из порогов да перекатов, из стремнины и спокойной воды, и пока идут годы, река человека тоже меняется. Ближе к порогу, что свыше отпущено, становится спокойной и широкой, словно устье речное. И характер человека такой же, как сама речка. Так оно и есть...

Иной раз, бывало, забредал пастух. Присаживался возле костра, что-нибудь спрашивал, а больше молчал. И тоже все смотрел на воду. Может речку слушал, может о жизни думал: люди, характеры, судьбы — это реки...

Когда Семеныч появлялся в деревне, его часто останавливали местные жители и начинали разговор — вроде издалека, с мелочей. Владимир присядет на лавку, они рядышком пристроятся и начинают расспрашивать про городскую жизнь и работу с зарплатой, про себя и соседей рассказывали, но чаще семьей Семеныча интересовались. А что говорить-то про семью? Дважды женился, но не получилось притереться друг к другу. Первый раз женился после техникума. Оба из детдома. Казалось бы, родственные души. Такая любовь закрутилась, хоть романы пиши. Но исчезла эта любовь, когда столкнулись с семейными проблемами. Квартиру обещали, а потом забыли. Года два-три по съемным квартирам мыкались. Он, как молодой специалист, с работы не вылезал, а когда возвращался, бывало, что за столом засыпал — так вы-

матывался. Жене не нравилось. Правильно, какой бабе понравится, если замуж вышла, а мужа не видит? Маленькие ссоры и обиды, большие ссоры и скандалы, которые все чаще и чаще возникали, казалось бы, на пустом месте. Потом у жены появились подруги. Все с ними гуляла, в кино ходила или на концерты, а потом к одной подружке на дачу поехала, к другой... Не успел Владимир оглянуться, как она уже и замену нашла ему. Собрала вещички и укатила с новым мужем. Вот и вся любовь...

Он очень сильно расстраивался, когда жена сбежала. И с бабами крутил, и водку пил, чтобы эту боль заглушить. Советовали, будто от водки полегче станет. Нет, не стало. Но в бутылку все чаще стал заглядывать. Может, так бы и скатился на самое дно, но случайно оказался на берегу речки. Пьяный уснул. А проснулся, почти весь день просидел на берегу. На воду смотрел, слушал ее, как журчит, как шепчет, бормочет и показалось ему, что она живая, эта речка. И мог он ей все рассказать: про работу, про себя, жену и эту самую любовь, которая вспыхнула быстро, а погасла еще быстрее.

Потом собрался и уехал в дальние края. Всю страну исколесил. На многих великих реках побывал. Много разных людей встречал. И вторую жену там нашел — на набережной стояла, на реку смотрела. Познакомились. Гуляли. Казалось, понимала его с полуслова. Долго не решался жениться и все же женился. Хотел, чтобы семья крепкая была, чтобы жена любила и детей семеро по лавкам. Добрая девка, красивая. С работы ждала. А потом тащила его на концерты, на выставки, где знакомила с нужными людьми, которые в жизни пригодятся, как она говорила. Потом ехали в ресторан, и мужики заглядывались на нее, на ее фигуру. Действительно, хороша она была: идет по улице, и не захочешь, а оглянешься. Несколько лет прожили, а детишек не было. Она не хотела. Говорила, что не готова стать матерью, не хотела фигуру портить. И тыкала пальцем в соседок, смеялась, что, если родит, станет такой же толстой и неухоженной. Владимир предлагал съездить в детдом, усыновить ребенка, знал, как ребятишки ждут отцов и матерей. Но она отказывалась: мол, не нужна эта обуза. И Владимир не выдержал. Уехал. И опять стал колесить по стране — может, счастье искал, а может себя хотел найти. Не успел оглянуться, уже полжизни как не бывало. Работа, общага, снова работа, переезды в другие города и опять работа: и так каждый день, месяцы, годы... Мотался, пока не наткнулся на деревню, где, как ни удивительно, его всегда ждали. Радовались, когда он приезжал. И он радовался. Здесь и речку нашел, о которой мечтал. Понял Семеныч: это и есть место, какое искал долгие годы, где всегда ему рады, где душа отдыхает...

— О, Семеныч прикатил! — всплескивая руками, говорила Файка, хлопая по необъятным бокам, и тут же толкала мужика.— Я же говорила, Симка, что сегодня появится, а ты — брешешь да брешешь... Здорово, Семеныч!

Поднималась. Колыхаясь животом, протягивала широкую крепкую ладонь. Здоровалась.

— Здорово, Семеныч! — вслед за ней вторил Анисим, поднимаясь, и тоже совал свою кирзовую ладонь.— Опять приехал к своей Говорухе? Хе-х! — и мелко закатывался, снимал шапку и вытирал мокрую лысину.— К бабам нужно ездить, а не к речке. Речка холодная, а баба теплая и мягкая, вот, как моя Файка, к примеру.

И хватал Файку за необъятный бок.

Утробно рявкнув, Файка разворачивалась и звонко шлепала по его лысине.

А Семеныч смотрел на них, смеялся и радовался, что его ждали и всегда ждут — души родственные.

— Что сидите? — Семеныч кивал.— Как дела в деревне?

— Говорю же, тебя ждем. Утром поднялась и толкаю своего, что ты приедешь, а он отбрыкивается — не может быть, не может быть... А у меня вот тут свербит,— она похлопала по большой груди.— Вот чую, должен появиться — и все тут! Что говоришь, Семеныч? А-аа, да какие дела в деревне? Работаем, так сказать. Ага... Утром

поднимешься и не знаешь, когда до постели доберешься, а улягешься, думки одолевают: что сделали, что не сделали, что нужно сделать. И так каждый день... — потом встрепенулась. — Да, Семеныч, мы твой огород вспахали, картоху посадили для тебя. Ага... Вон несколько грядок лука, морковки... Да еще всякую мелочь... Зимой пригодится, все уйдет, так сказать.

— Зачем? — удивленно посмотрел Владимир. — Я бы купил два-три мешка, и мне на всю зиму хватит.

— Купило — притупило, — опять затрясла ладонью Файка. — Нечего деньгами сорить, ежли свое есть. И свое — вкуснее. Да, Анисим?

И толкнула мужика, который курил папироску и о чем-то перекикивался с соседом на противоположной стороне улицы.

— Что говоришь? — Анисим, не дослушав, кивнул. — А, твоя правда! Из магазинного может быть вкусной водка, а остальное — дрянь. Кстати, Семеныч, а ты привез пузырек, а? Посевную обмыли бы. Это наши бабы с мужиками постарались. Глянь, как твоя картоха всходит. Загляденье!

Он лукаво взглянул на соседа.

— Как же, обязательно обмоем посевную, — засмеялся Владимир и кивнул. — Заходите. Посидим за столом, поговорим...

Владимир всегда удивлялся, как они успевают все переделать по хозяйству. А ведь еще работа! Анисим, к примеру, мотается за десять километров в лесхоз, там на станках что-то делает. А Файка с Валькой Леоновой затемно перебираются на другую сторону речки и топают в любую погоду три километра по лесной просеке к свиначнику, где возятся до самого вечера. Вернутся и опять впрягаются в работу. И так почти вся деревня. Пять стариков да три старухи никуда не торопятся, но и то, едва начинает светать, они кружатся по хозяйству: козы, куры, гуси, огороды. А как же без хозяйства в деревне? Пропадешь!

Файка вроде бы нескладная, но сноровистая баба, шустрая. Не успели мужики вылезти из-за стола, а она уже разыскала ведро, тряпку и принялась сметать паутину из углов, со стен, окна помыла, мебель протерла, а потом выгнала мужиков, подоткнула свой неизменный сарафан, завернула рукава кофты и, несмотря на необъятную фигуру, ловко принялась мыть полы. Это в городе развозят грязь швабрами, а в деревне принято мыть руками. И Файка, вихляясь из стороны в сторону, ловко шваркала мокрой тряпкой по широким половицам. Потом согнала мужиков с крыльца, отправив на скамеечку возле двора, а сама разыскала косырь, отскоблила полы, промыла, насухо протерла. Спустилась к лужайке, нарвала травы, связала пучками и разложила по углам. Вкусно, духмяно.

Потом вышла на улицу, уселась на крыльцо, расставив толстенные ноги, вытерла вспотевший лоб и стала обмахиваться косынкой. Устала.

— Умаялась, Файка? — выглянув из-за забора, участливо сказал Анисим. — Аж пот в три ручья льется.

— Это же не рюмку поднимать, — не удержалась, съязвила Файка, а потом хотнула и веснушки побежали по лицу.

К мужикам подошел дед Нестор.

— Дед Нестор, здоров был! Помогать пришел, да? Показать, где банка с первачком стоит?

Дед Нестор — маленький, высохший старичок, лицо с кулачок, в пиджаке с подвернутыми рукавами, на котором блестел какой-то значок, из-под застегнутого пиджака видна рубашка навыпуск, штаны заправлены в шерстяные носки и в галошах, а на голове военная фуражка с козырьком. Старик приложил ладонь к уху, прислушиваясь, взглянул на Файку, потом на мужиков.

— Слышь, Анисим, когда свою бабу образумишь? — нахмурил кустистые брови

громко сказал он и погрозил пальцем.— Ишь, совсем распустилась! Вот уж, гляди у меня, ежели родной мужик не может приструнить, тогда я возьму кнут и задам тебе перца!

Владимир посмотрел на них, словно спрашивал, что произошло.

— Ай,— Файка хохотнула и махнула рукой.— Осенью, когда убрали картоху, дед Нестор пришел помогать, так сказать. Покрутился возле нас, потоптался, а помощник-то плохой: ни лопату взять, ни ведро принести... Когда сели передохнуть, говорю ему: мол, принеси банку с перваком, я приготовила, да на столе забыла. Отправила. Ждем-пождем, а деда нет и нет. Захожу, а дед Нестор лежит на полу в обнимку с банкой и храпит, аж стены трясутся. Зараза, отпил и тут же упал! А первак у меня — ух, какой, быка свалит! Видать, лишку хлебнул. И свалился. Ладно, хорошо хоть банку не разбил. Обхватил ее, как клещ вцепился, едва смогла забрать. Сам падай, а банку спасай, так сказать.

И засмеялась тоненько, визгливо, протяжно.

— Вот, говорю же, не баба, а язва первостатейная! — дед Нестор ткнул пальцем.— Никакого покоя от нее. Как повстречает, так и тычет, так и напоминает. Да я выпил-то глоточек, решил пробу снять, так сказать, даже вкуса не успел почуять, как ноги ослабли и я свалился. Видать, организма слабая стала, а раньше, бывало, ух как принимал на грудь, а сейчас...— он махнул рукой, а потом ткнул в Файку.— А она до сей поры житья не дает. Совсем загрызла из-за одного глоточка. Все бабы такие, все! Ты, Володька, правильно сделал, что не женился. Это не бабы... Это чудища заморские с клыками! Я и бабку свою так называю — чудо-юдо. Ага, вот...

И запыхтел, рассердившись.

А Файка еще громче закатилась, зашлепала по толстым ляжкам.

— Ладно, дедка, не серчай,— махнула рукой Файка.— Я ж не со зла, а так просто, чтобы настроение поднялось, так сказать. Вон Семеныч приехал — это же хорошо. Посидим, поговорим, и душа радуется. Да, Анисим?

— Что говоришь? — Анисим вытянул шею.— А, да, правда твоя! Слышь, Семеныч, а что не переезжаешь-то, а? Домик взял, а сам туда-сюда катаешься, только деньги зазря переводишь. Ты же говорил, что один живешь. Ни семьи, ни детей... Болтаешься по жизни, как коровья лепешка в проруби...

— Ну, сказанул! — повысила голос Файка и звонко, привычно вцепила затрепещину.— Дед Нестор, что говорю-то, вон Семеныча уговариваем в деревню перебраться. Дом купил, а сам в городе пропадает. Определился бы, так сказать...

— Что? — морщинистое лицо старика еще сильнее сморщилось, он приложил ладонь к уху и опять взглянул на Файку.— Что болтаешь, а?

— Что-что... глухая тетеря,— буркнула Файка и повторила громко: — Семеныча уговариваем, чтобы к нам переехал.

— Так у вас же изба маленькая,— ткнул пальцем старик.— И семеро по лавкам. Пусть ко мне перебирается. Я же вдвоем с бабкой живу. Всем места хватит. И веселее будет...

— Эть, глухарь,— отмахнулась Файка и повернулась к соседу.— Что скажешь, Семеныч?

Владимир оглянулся, посмотрел на деревню. Красивая она. Небольшая. Домики на холмах словно игрушечные. Возле каждого огорода — ровные, зеленые, ухоженные. И лес. На другом берегу сосны — огромные, толстенные, красивые. Стоят, вытянувшись, речку стерегут. А здесь разрослись дубы да березки. Дубы кряжистые, будто мужики заматерелые. Раскинули свои кроны. Ни солнце, ни дождь не пробивается сквозь листву. Всегда прохладно, всегда полумрак, лишь ветер шумит в кронах. А березки светлые, чистые, прозрачные. Растут, словно девчонки хороводы водят. Одна за другую цепляется и ведут, уводят по склонам холмов и ярко в них, зелено и про-

зрачно. И речка-говорунья. Сама чистая да стремительная. С весны, едва лед сойдет, и до осени, до ледостава бормочет, звенит на стремнине да перекатах и ласково нашептывает в заводях и на плесах. Там и сям кустятся заросли по берегам, есть мелководье, где каждый камушек заметен под спокойной и чистой водой, где мальки-сеголетки греются под солнцем и тут же скрываются, если сюда забредет щука-хищница.

Но есть и темные бездонные омута, где до дна не достанешь, и живут в них преогромные рыбыны, и даже, как говорят, видели русалку. По вечерам, когда солнце скроется за Егорьевскими холмами, там лучше не купаться, а то русалка может утащить в глубину. Опутает она, закружит и пропадешь. А пониже деревни начинаются перекаты. Вода бурлит, бормочет, но за дальними поворотами успокаивается, вширь раздается, затопляя низкие места, и становится медлительной, степенной и неторопливо журчит, а если ветер потянет, белые барашки гуляют по реке. Дальше берега вновь сужаются, становятся обрывистыми и снова речка, словно с цепи срывается, показывая путнику свой нрав...

И люди в деревне живут не такие, как в городе, а проще и чище, и души у них светлые, грязью не запятнаны. Они привыкли жить для других, а не для себя. Они поделятся всем, что у них есть, придут на помощь всегда, когда нужно, и помогают легко, словно так и должно быть. А может и правда, человек так и должен жить? Жить и творить добро прежде не для себя, а для других, как принято здесь, в этой деревне. Принято не ими, а предками, теми, кого уж давно нет и имена забыты, а внутри, в душе заложено сочувствие к близкому.

Семеныч вздохнул. Посмотрел на соседей. По пригорку протарахтел мотоцикл. Это Андрейка Демушкин помчался в соседнее село. Видать, мать отправила. Вон, рюкзак за плечами. Наверное, в магазин... К скамейке подошел старик. Это Иван Мелентьев. Жену похоронили, так и живет один. Дети звали к себе, отказался. Негоже покидать места, где родился и вырос, где отцы и матери похоронены. И старик остался, чтобы докуковать свой век. Дед Иван стоял и тоже смотрел на Семеныча. Наверное, соседи рассказали, а может, уже давно разговор был в деревне, чтобы Семеныч сюда перебрался. Кто его знает...

— Думаю, пора переезжать,— после долгого молчания подытожил Владимир.— Пора новую жизнь начинать. Правду говорите, меня ничего в городе не держит. И никто. Сюда приезжаю, и душа отдыхает, радуется. Договорюсь с шофером, и вещи перевезу. Правда, пока не знаю, чем буду заниматься.

И посмотрел на соседей.

— Был бы человек, а дело всегда найдется,— сказал старик Мелентьев.— Вон будешь рыбу ловить, к зиме дрова готовить. Зимы суровые, долгие. Дров много нужно. Рыбу умеешь солить, как мы заметили. Вот и станешь помогать, а остальным делам научим. Бабы с огородом помогут. Ну, там, прополоть, окучить... Осенью на помощь придем, выкопаем, да в погреб уложим. А захочешь работать, можешь в лесхоз пойти. Будешь вместе с Анисимом доски тягать да за станками стоять. Без работы не останешься. Она сама тебя найдет.

— Ай молодец, Семеныч! — всплеснула руками Файка.— Вот уж наши обрадуются! Ты, Семеныч, не беспокойся, мы всегда рядышком, всегда поможем. В любое время придем, позови, и мы придем, так сказать. Да, Анисим?

И толкнула мужика.

— Что говоришь? — встрепенулся Анисим и стащил с головы потертую шапку — сразу бросилось в глаза его темное лицо и белая, даже какая-то голубоватая лысина.— А, правда, Файка, истинная правда! Танька Ерохина наемни тобой интересовалась. К чему бы, а? По деревне слух прошел, будто вас видели на берегу. Что там делали, а? Таньку уговаривал, да? — посмеиваясь, он покосился на Семеныча.— И Серовы с Нилиными спрашивают, и бабка Матрена. А дед Кислота вообще прохо-

ду не дает. Как встретит, так начинает про тебя расспрашивать. Видать, по нраву пришелся. Все нам рассказывает, как его от смерти спас, всю свою кровушку до последней капельки отдал и последнюю рубаху с себя снял. А мы, будто растерялись, заохали-заохали и палец о палец не ударили, чтобы деда Кислоту спасти. Ну, ему трудно угодить, не зря же прозвали так: Кислота, он и есть — Кислота...

Деда Митрича в деревне все называли Кислотой за его беспокойный, вредный и ехидный характер, за то, что влезал везде, где не нужно, что чихвостил любого, кто под руку попадется и все с ехидцей. Все норовил носом ткнуть да по сильнее и по глубже, а если вставишь слово поперек, жизни не даст, днем и ночью покоя не будет. Наверное, таких, как дед Кислота, в каждой деревне можно встретить. Семеныч познакомился с ним на речке, когда сидел в шалаше, а дед Митрич неподалеку траву косил. Видать умаялся на жаре, солнце башку напекло. Ну и того, крутнулась коса в руках, и располосовал ногу почти до колена. Заблажил на весь берег, заматерился. Такие этажи выстраивал! Откуда слова находил! А Семеныч сидел в шалаше и не мог понять, что произошло. Думал, старик косу поломал, ну, в крайнем случае, ногу подвернул или руку потянул, махая косой-то. Но потом почудилось, что дед Митрич голосом ослабел. Семеныч подошел. Глядит, старик на траве валяется. Вокруг кровящи — ужас! Ну, Семеныч выдернул ремень, потуже перетянул ногу ему, рубаху разорвал, перемотал, а потом на спину взгромоздил старика и пустился в деревню. Пока добрался, тот уже в беспамятстве был. Машину подогнали, старика загрузили, и Семеныч стал подгонять шофера, чтобы быстрее мчался. Добрались до больницы, дед совсем заплохел, еле дышал. И опять его подхватил на руки и быстрее к врачам. Да еще пришлось кровь сдавать. Семеныч вышел из больницы и не удержался, прямо возле дверей в бессилии на землю так и сел. Голова закружилась. Потом врачи сказали: еще бы чуточку позже приехали — и все, старика бы не спасли.

С той поры дед Кислота называл Семеныча своим спасителем. Всем говорил, как тот его на горбе аж до самой больницы ташил, и отрезанную ногу в руках держал, и не отходил от него ни на шаг, дневал и ночевал на половичке возле кровати. И кормил его всякими фруктами заморскими, и даже заморское вино приносил, чтобы кровь быстрее по жилам побегала. Семеныч хмыкал, слушая историю старика, обросшую небывалыми подробностями. Ладно, пусть говорит, что хочет, главное — успели спасти...

С той поры дед зачастил к нему. Так, словно случайно мимо проходил, заглянет, покурит на крылечке, невзначай забудет десяток яиц, баночку сметанки, а то шматок сала принесет, а однажды приволок живого гуся, чтобы Семеныч его в город забрал, а там уж оприходовал. Хороший старик, душевный, только с виду ершистый.

— И бабу тебе найдем,— тоненько засмеялась Файка, шлепая по своим бедрам. Потом посерьезнела.— Вон Танька Ерохина по тебе сохнет. Ага, так и стреляет глазками, когда приезжаешь. Хорошая баба, душевная, а живет без мужика — это не годится. У каждой бабы должен быть мужик. Ага... Не бойсь, Семеныч, сосватаем! Ты же еще не старый, так сказать. Вон, какой здоровущий! Не дело, когда без семьи. Детишки нужны. Состряпаете. Состаришься, будет кому стакан воды подать, а то живешь непонятно для чего. Слышь, Семеныч, а почему детей не народил? Здесь все свои люди,— так, словно невзначай, спросила Файка.— Признайся, может у тебя того...— она кивнула на него и неопределенно махнула.— Ну, бывает же всякое в жизни, так сказать...

— Дура, что болтаешь-то! — рявкнул Анисим.— Постыдилась бы...

— А что тут такого? — Файка округлила маленькие глазки.— Это жизнь. Вспомни, как с тобой в бане мылись,— она хохотнула, толкнула мужа, а потом взглянула на Семеныча.— В баню пошли с ним. Попарились, уже мыться стали да ополаскиваться, Анисим протягивает ковшик и говорит: «Плесни!» А мне почудилось — сплосни. Я посмотрела на него. Удивилась: сам что ли не может ополоснуться. Лодырь! Ну и того... Взяла ковш, а воду не потрогала и плеснула, а там кипяток оказался. Не

целила, а попала туда... Куда-куда... Прямо туда! Анисим рывкнул, а потом сиганул из баньки, аж дверь с петель снес. И, как был голышом, так и помчался к речке. А там наши бабы постирушки устроили. Он мимо них пролетел, блажит дурным голосом. Сиганул в речку, только задница мелькнула. Все бабы в лежку лежали, а бабка Дарья клялась-божилась, что успела его хозяйство на лету разглядеть, когда через нее прыгнул. Говорит, хороший мужик, крепкий,— и Файка закатилась, хлопая по толстым ляжкам.— Не жалуясь, мужик-то хороший, а там, куда кипятком попала, все пузырьками покрылось. Думала, отвалится. Долго лечила. Всякими мазями мазала да примочки ставила, да его жалела, обнимала да голубила. Видать, понравилось. Едва болячки прошли, Симкино хозяйство заработало. Да так, словно молодость вернулась! Ну и того... На старости лет последышка, младшенькую доченьку выстругали, так сказать. Хорошая девчонка растет, смышленная. В нас пошла. Видишь, как в жизни-то бывает. Может, Семеныч, и тебе плеснули? Поэтому и ребятишек не народил. Ты уж скажи...

И Файка заколыхалась, тоненько засмеялась.

— Не баба, а настоящая язва! — рывкнул Анисим, потом взглянул на мужиков.— А я думаю, дома нужно с бабами спать, а не шляться по белу свету. Мотался по жизни — ни себе, ни людям,— ткнув корявым пальцем вверх, громко сказал Анисим.— Вон, глянь по деревне, в каждой семье пять, семь ребятенков, а у некоторых еще больше. И знаешь, почему? Да потому, что бабу от себя ни на шаг не отпускаем. Вон сколько настрогали. И все живут! Никто с голоду не помер, наоборот, одна польза для семьи. Вот вырастишь детишек, они уедут куда-нибудь, а потом прикатят в гости, и такую гулянку устраиваешь — дым коромыслом!

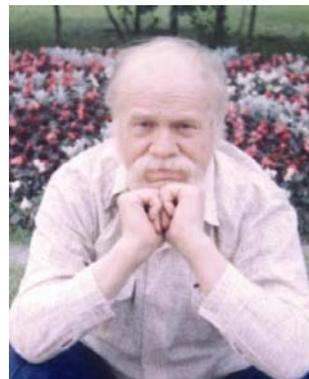
— Да уж, правду говоришь,— вступил в разговор дед Митрич.— Вон к Петряйкиным сынок приезжал, так гуляли, так кутили целую неделю, аж всю живность, какая у них была, всю сожрали. Даже косточек не осталось. А соленья-варенье — это без счета. Все припасы под метелку. Ага... А сколько выпили — ужас, я подсчитал: можно было целых два года каждый день по стаканчику опрокидывать и еще бы осталось. А они угощали всех, кто в избу заходил или мимо проходил. Хорошие люди, душевные... Вот это гуляли, мы понимаем! А сынок укатил, Петряйкины зубы на полку. Всей деревней помогали до нового урожая дожить. Зато как встретили, на всю жизньюшку память останется. Что говоришь, Семеныч? Нет, ты ошибаешься, в нашей деревне не пьют. У нас гулять любят.

— Что ни говори, мужики, а у нас хорошие люди живут в деревне, душевные. И жизнь хорошая была и есть,— сказал старик Мелентьев.— Если взять меня, я никогда не жаловался на свою жизнь. Войну прошел, голод и холод, все повидал, все испытал. Всякое в жизни бывало, а не жаловался. И вот дожил до старости, смотрю на всех, и душа радуется, что вокруг меня люди хорошие. Ага... Вот взять тебя, Файку с Анисимом, даже взглянуть на нашего деда Кислоту — он ведь только с виду вредный. Вот подумайте, сколько всего у вас было в жизни, через какие препятствия прошли, что видели, с чем столкнулись, а сейчас сидите и радуетесь жизни. А почему? Да потому что вокруг люди хорошие, которые всегда на помощь придут. Ага...— он махнул рукой, обводя деревню, а потом ткнул пальцем вверх.— Придет наше время, порог переступим и уйдем туда, где нас ждут мамки с папками и дедки с бабками. И такая дорога у всех. Ага... Жизнь похожа на нашу речку Говоруху: вода течет, и наши годы идут,— старик Мелентьев посмотрел на Семеныча, словно в душу заглянул.— От истока до устья вода прошла и состарилась, а на ее месте уже новая течет. Так было всегда. Каждый день, каждую неделю, месяцы, годы — без конца.

Старик Мелентьев замолчал. Смотрел куда-то вдаль. И все сидели и молчали. Наверное, думали о своем, сокровенном, о судьбах, сплетающихся в один жизненный круг. И о речке Говорухе, которая пережила многих. И скольких еще переживет...

Анатолий Санжаровский
(г. Москва)

В БАТУМ К ОТЦУ
(главы из романа)

Московский писатель Анатолий Никифорович Санжаровский родился в селе Ковда на Кольском полуострове; окончил факультет журналистики Ростовского университета. В газетах и журналах проработал четверть века. Из них три года был редактором в центральном аппарате Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС).

Автор тетралогии «Наши в ТАССе» (в десяти книгах) и нескольких романов. Роман «Оренбургский платок», высоко оцененный Виктором Астафьевым, вышел в Дели и в Софии отдельными книгами в переводе на хинди и на болгарский. Член Союза писателей Москвы.

*Погибшие за нас не уходят от нас.
Отец славен сыновьями.*

Русская пословица

1

*Кто как хочет, а я по-своему.
Стреми свой ум к добру.*

Русская пословица

А мне и самому в полное удивление теперь, ну как это мы вот так, с ничего, совсем с ничего, совсем вдруг попали тогда в Батум, хотя прямо и не скажи того,— не так-то вовсе вдруг, это только на первые глаза так оно кажется...

На твоих глазах — а надо сказать, прескверная у меня мода говорить с самим собой, как с кем другим,— на твоих ведь видах я все клячил ма отпустить меня в мореходку. Да ты ж знаешь! «А кто кукурузу станет сеять? А кто будет пособлять деньжонки Митьке на техникум зарабатывать? Ты ж старший в доме мужчина, первейшина, хозяин!» Оно видишь, под что клинья бьются? Понимаешь, к чему все ладится? Кому раз, кому два, а кому и нет ничего. Все я куда-то, все я кому-то, а когда же мне? Лета молодые уйдут, потом мне не надо. Потом поздно уже, как в старость въедешь.

Всякое ученье призваньем хорошо — у меня его нету.

В дневнике в моем все великомученицы-тройки, редко когда-никогда шалой какой волной прибьет к берегу к моему четверку, так этой птахе, и то сказать, так одиноко и вчуже все тут, что другим разом она и во весь месяц не случится снова.

Зато физик через неделю да во всякую неделю с немецкой аккуратностью под-

пускал мне лебедей. Бывало, нарисует невсех в пол-листа своего лебеда, полюбуется с ухмылочкой, протянет назад дневник:

— Два!

Под венец четверти весь урок тебя до смерти гоняет, а наскребет-таки на изумление мне со всех моих закоулков под шапкой сору на троечку, да и не отдаст с миром, а непременно попрекнет, мол, не за знания — за усердие жалую. А обиды что! Я ж ночами, как есть полными ночами, от света до света, долбил ту физику, только проку ни на ноготь срезанный. Таких в классе и на завод нету, если меня мимо счета пустить, один я такой пустоколосый.

Отчего? Или у нас дома, в Насакирали, в кринице вода такая?

Что ж тут напридумашь? Что ж тут его поделаешь? Раз тупо сковано — не нато-чишь.

Одним бычьим упрямством справного аттестата не взять. Тогда уж лучше в мореходку, покуда не вышли роскошные года мои.

А и там, конечно, не мед ложкой, так зато там у меня козырь вон какой: я при месте, при главном при месте своем.

На мореходку меня хватит. Подналягу, упрусь, никуда не денусь. Кончу!

И где? В самом Батуме!

В этом для меня было все.

2

Ретивое сердце живет без покоя.

С Вязанкой, с этим припаянным Николкой, мы жили тогда в соседях в безымянном поселушке в одну улочку.

К нам на пятый район чайного совхоза Вязанки приехали из Одессы года так за три до описываемых событий.

От Николы (мы ходили в один класс) я узнал, что его отец, старый матрос, нажил какую-то страшную морскую болезнь. Отца списали на берег. Отец возненавидел и море, и Одессу, отчего и затерялся по вербовке к нам в глушь, в горы.

Перед отъездом отец велел матери отнести в букинистический магазин всю свою морскую библиотеку. Но мать... тайком упаковала ее в багаж.

Держали книжки на новом месте подалее от отцовских глаз, на чердаке в картонных ящиках.

Всякий раз после уроков, когда не было дома отца, мы с Николой забирались читать «запрещенную литературу», пьяняще-сладкая власть которой день ото дня росла над нами.

Каждое утро мы вышагивали по восемь километров в сам Махарадзе, по-кавказски веселый районный городишко, весь какой-то всегда празднично нарядный и ликующий.

В том местечке на взгорке у болтливого притока речонки Бжужи сиротливо печалилась наша барачная русская школушка.

В девятом мы за одной партой сидели с Николой.

Никола выделялся, пожалуй, даже блистал какой-то диковинной усидчивостью и основательностью, в благодарность чему он в классах трех, мало — в двух чистосердечно канителился по два года сполна.

А возьми так, по-за школой, парень вовсе и непромах. У этого в зубах не застрянет!

Ну пускай звезд с неба не брал, ну опять же пороку не выдумывал, а вместе с тем

был невесть какой верткий, ходовой, хваткий, да вдобавку — по мне, это уже и ни к чему совсем — да вдобавку был еще на руку под случай мелкий плут.

Когда Вязанку-старшего спрашивали, почему за такое мало отделявал сынка, спроста отвечал:

«А! Больше не стóит».

Так вот, заикнулся я было Николе про море...

Чудо я гороховое! Да он мне сам еще прошлым летом, как восьминарию закончили, смехом говорил про мореходку, а я взаправду и не прими. Ну какое же серьезное дело замешивается под хаханьки?

А то была всего лишь маска. Мол, не примет намек — со смеха взятки гладки. Теперь же, на поверку, вижу, у него та же хворь, только он молчал все, знай не терял, не шелушил понапрасну досужих толков про свое, про заветное.

Глянул на мои слова Вязанка этаким орлом раз, глянул два, а там махом сгреб с парты все причиндалы наши в сумку к себе и толк, толк это меня локтиной в бок, шлет глазами к двери.

— Хватит тут этих клопов дразнить! — Самый длинный в классе Вязанка не без яда навеличивал мальчишек всех не иначе как клопами, за что те поглядывали на него искоса, и мудрено было понять, чего в тех взорах плескалось больше, злого попрека или зависти.— Трогай!

— Вот так и сразу?

С удивления вытаращил я глаза; рот, похоже, распахнул до неприличия широко, раз Никола сказал:

— Закрой свой супохлеб, а то горло простудишь. Ну, чего ложки вывалил? Не видал, что ли? Тро-о-гай, крендель!

— Ты что? В самом деле срываешься с физики да с химии? С целых двух!

— С целых,— рассудительно подтвердил Вязанка и в нетерпении выдал сквозь зубы: — Или у тебя фляга свистит? Да глохни ты, чумородина, с этими уроками. Глохни!

— Так сразу? За этот французский отпуск* нас по головке не погладят. Дело ж к концу четверти... Может... физик спросит. Может, щупленькую двойку исправишь на кол потверже!

— Не-е. На колу меня не проведешь,— держу я свой интерес.— Я сплю и тройбанчик вижу... А ну-ка мне бы его еще да и наяву в дневничок заполучить, самую ма-а-ахонькую, са-мую сла-а-аабенькую, а только удочку и никаких твердых твоих заменителей не надо. Троюшка все-таки тоже уважаемая международная отметка.

— Эхе-хе-хе-хе-е, ну и так далее. Слушаю я тебя, шурик, и вот про что думаю... Тебе да мне к концу четверти уж честней куда будет — пристраивайся под дверь у серпентария** и как вывернулся кто из преподавательского генералитета, вались на колени, ладошку ковшиком, да рыдай: «Троечку... Подайте Христа ради троечку... Пожалейте, люди добрые, несчастного... Да подайте же троечку!» Со стороны так глянуть, думаешь, ответы наши у доски не жалобней этого романа побирошки? Не тошно ли вымогать призрачные тройки? А? Не пора ли взрослеть, вьюноша?

3

Кто не рискует, тот не выигрывает.

Со звонком на физику мы с достоинством дипломатов отбыли из школы. Ласково-торжественно взглядывая на хорошо уже грешнее майское солнце, на

---

* *Французский отпуск* — прогул занятий.

** *Серпентарий* — учительская.

долго не пропадавшую из вида поднебесно высокую заводскую трубу с сизой гривой из дыма, мы в совершенном, каком-то просветленном молчании дошли до речки, что неожиданно радостно блеснула широкой полосой из-за поворота крутого.

— Завтра в ноль часов ноль минут ноль секунд по времени столицы нашей Родины Москвы начинаем новую, самую расправильную жизнь! — театрально-дурашливо прокричал с низких перил грабовых мостков Никола, и мы, без сговора обнявшись за плечи крепче некуда, в чем были и что с нами было, шатнулись стоймя в реку.

Воды в Натанеби по грудки.

Вязанка нырнул раз, нырнул и два, а выцарапал из дна таки камень в два сложенных кулака, впихнул в полотняную сумку с книжками-тетрадками.

— Смотри у меня, без штучек чтоб! — погрозил пальцем камню.— Ну на фига матросу фантик? Держи от нас эти премудрости на дне!

Вязанка поднял над головой сумку и, подпрыгнув, в брезгливости швырнул ее.

Сильное течение сердито было подхватило сумку, пронесло всего с аршин какой, после чего едва не отвесно пошла полотняночка книзу.

Солнце насквозь просвечивало воду, было помилуй как хорошо видно: достигнув плоского твердого дна, самого низа воды, сумка покатила, повинувшись власти течения, покатила медленно, как в замедленной съемке.

Дорога выпала ей короткая, всего-то до поперечной расщелины, откуда уже никакая сила воды не могла вызволить полотнянушку.

Я не заметил, как из нее вырвались, вылетели три белые птицы, три лощеных чистых тетрадных листа, что лежали в сумке поверх учебников.

Листы поднялись на верх воды и, то теряясь за беляками, пенистыми гребешками, то снова появляясь, суматошно понеслись прочь.

К морю.

4

Не испытывай, не узнаешь.

Читал, да и в кино видал, не переваривает море кисляев.

— А давай на пробу,— говорю Николе,— посмотрим, насколько по нраву мы морю, посмотрим, какие мы морячки.

— Смотрим!

Выплыли вразмашечку на середину, на самую в гнече ревущую быстрину. Бегучей, скорой воды мы не боимся. Черти-то вьют гнезда в тихой!

Вязанка — взгляд дерзкий, самоуверенный — диктует условия:

— Засовываем руки в карманы... Стоп, стоп, стоп! Слушай-ка, коржик... А что это у тебя там на подбородке чернеет?

— Может, свежая родинка на счастье?

— Ну-ка, ну-ка, что за штука! — Вязанка ловит меня за скулы и щечкой, пронесимой мимо водой, что-то сковыривает с подбородка (по крайней мере, мне так кажется). И с омерзением бросает щечку себе за спину.

— Что там?

— Всего лишь автограф мухи. Хоть отмоешься теперь.

— Не сочиняй... Авто-о-ограф!

— Разговорчики в струю! Ну-ка, живо мне руки в карманы! Плыдем по течению. Работать одними ножками. Вытащил кто до поры руки — операция «Море» отменяется. Да какой же ты моряк, раз станешь пускать пузыри в Натанеби? Тут пану воробью по лодыжку!

Мы поплыли на спинках.
А и с норовом эта Натанебка!
Камешки что тебе стоячие айсберги! Несет тебя и только хлобысь, хлобысь об те горы то головой, то плечом, то спиной. Благо одно: примочек не надо.
Удары с у д ь б ы мы сносили без ропота.

5

Мир вам, и мы к вам!

Ровно в полночь, под бой кремлевских курантов, что благословлял из уличного репродуктора притихлый поселушек на покой до молодого солнца, мы, никому из домашних не скажи и слова, тайком подались в Махарадзе, на вокзал.

А на дворе темнешенько, как под землей. Ничуть не светлей, чем у негра в желудке.

Хоть глаз и не камушек, а совсем не видать даже того Вязанку. Прямо нарочно подгадал: вырядился во все черное. За ним иду, иду да и пощупаю, тут ли мой Николашенька.

Вот тебе и Махарадзе. Вот тебе и вокзалик.

Прочесали состав — ни одного проводника, чтоб хоть шевельнулось желание напроситься в зайцы. Кругом все огромного роста полусонные, угрюмые дядьки. Кто только и подбирал этот букетик? Кулачищи с твою голову, в глазах ненависть к нашему брату-безбилетнику, метелочные усы топорщатся грозно, как у сомов.

Подлетаем к концевому вагону — бабка на курьих лапках!

— Здрасьте, пожалста!

На всякий случай кланяемся и с бегу хоп на подножку.

Авось, шевелим прямыми извилинами, наскоком чисто возьмем на пушку этот божий обдуванчик.

Ан нетушки. Не выгорело.

— Этак в рифму не входят, птенчики милые. Ваше здрастьте еще не билет! — Старая ехидна ловит меня — я мчался первым — за рукав, и мы деликатненько так откатываемся на нулевые исходные позиции.

— Бабуня,— говорю не то чтобы совсем уязвленно, но вместе с тем и учтиво, обходительно,— мы ж на учебу. За светом! Вы хоть подумали, кого дернули? Может, самого Ломоносова!

— А коли ты Ломоносов, так подмазывай пятки салом да пехом!

— За кем? Между прочим, у Ломоносова был стимул. Ломоносов шел за рыбным обозом. Дадите — и мы пойдем,— предъявил ультиматум Николайка.

Насколько мы поняли, рыбный обоз у старушки не находился. Старушка махнула рукой вдоль зеленой скобки поезда.

— С Богом!

— Лучше с вами!! — быстро сориентировался Вязанка.

— Вы выше Бога! — сказал я у как решительно: припомнил к случаю присказку про то, что «женское сердце признает одну верительную грамоту — лесть».

— И мы рады вам служить,— набивался в работнички Колоколя.

Я шел дальше.

— Мы согласны на любую египетскую работу...

— Мы не в Египет... Мы в Бату-ум едем.— Старинушка посмотрела на меня значительно хмурыми глазами.— Ловкий молотить языком. Такое сплел, что ну! Лучше застегни роток на все пуговики.

С благодарным лицом выслушал я в благоговейном молчании старушку, опять это веду мосток к своим прерванным посулам.

— Мы,— говорю,— не будем пускать к вам зайцев. Разнесем чай... А в самом Батуме в блеск вымоем вагон!

— Никак работающий народ? – пристально, серьезно и вроде как уважительно глянула на нас старунышка.

— Угу, работающий,— сиротски подтвердил Николая.

— Ну, коли так, милости прошу к нашему шалашу,— и шлет ласковыми глазами к приступочкам, и улыбается так хорошо.

Поклонились мы обстоятельно и степенно, не спеша, даже с какой-то важной медлительностью поднялись в тамбур.

— Забывайтесь в какую щель поглуше, чая не выглядывайте,— предупредила бабунюшка.

Торопливо-небрежно взгромоздились мы на верховку, на полки под потолком.

Я в головы кулак — высокогато. На палец сбавил — нормально. Колюня тоже под головы кулак, а под бока и так. Посмеивается:

— А на что мягко стелить? Вредная блажь... Да! — спохватывается.— Не спать. Совсем не спать! А то в поездах, слышал, всегда что да угонят. На голях останемся еще.

— А что ж, интересно, воровать?.. В карманах пустота, в одном смеркается, в другом заря занимается: денежек ни на показ, бумаг в цене никаких...

— Не беспокойся, мазурики найдут что шпионерить.

— Пускай им повезет!

— Потери ни к чему. У нас и так ничего нету. Соображай!

— Соображаю. От ничего взять ничего будет ничего. Ничего страшного!

В полусвете, что падал из окна от вагонного ночника, слева по ходу темнел прямой, гладкий скальный срез, темнел дивно так близко, что, казалось, протяни только вот руку,— достанешь. Каменная стена еще и так высока, сколько мы ни задирай головы в приспущенное, присаженное окно, а увидеть-таки верха стены и не увидали.

На стрелках вагон вздрагивал, как-то по-особенному тяжело и угрожающе стучали колеса; порываясь, мы прилипали лицами к стеклу — ужас застилал глаза: казалось, именно вот сейчас наступает именно та минута, которую выжидали горы, чтоб внезапно ухнуть на сонный поезд наш.

А справа предсветный час не спеша расстилал тяжелую синеву моря. Безоглядное, неохватное, кроткое, оно улыбалось со сна и где-то там, внизу, не под нами ли, вздыхая, глухо целовало холодные и желтые ноги скалам.

Море нам в радость, в радость вот такое, некиношное, заправдашнее.

— Гля,— тычу пальцем в низ окна,— чайки ловят рыбу!

— А во, гля. Нырок!

— А во парочка купается!.. Мостик сделал!

— А во-о теплоходина!

— У-у! Здоровый какой!

Тихо море, пока сам на берегу. С берега хорошо оно. Что ему? По рыбе не тужит, а по нас и подавно.

Уже совсем развиднелось, когда это гляжу — глазенки у моего у Вязанки соловеют, соловеют и все. Спит!

Сон, что богатство. Больше спишь — больше хочется.

Похоже, нам столького всхотелось, что ух да ну! Пожалуй, и пушечной пальбы не услышали бы, точно говорю. На какой же манер тогда обелить то, что мы не слы-

шали — вот и здравствуйте, что приключилось! — не слышали, как поезд пришел на конечную станцию, в Батум, не слышали, как выходил-высыпался горохом из вагона народ, не слышали, как уже в тупике убиралась проводница, доброта — душа наша.

Прокинулся я, тормошу Вязанку.

Колчак сразу поднялся на локти. Вроде и не спал вовсе, а так лежал, травил перекур с дремотой.

— Ты чего, лучик света в трупном царстве?

— Коко, подхвались, что видел.

Колюта с глубокомысленной озабоченностью перекрестил зевающий до хруста в челюстях рот, лыбится себе на уме.

— А ты?

— Щи по-флотски. Толстые щи. В таких ложка будет стоять... Жаль, ложки не было...

— Ложился бы с ложкой.

— А где ты раньше был?

Вязанка не нашелся, что ответить.

Разговор сам собой скомкался.

Легла мертвая тишина.

С недобрим предчувствием глянул я на Вязанку.

Коляй по привычке приставил ладонь к уху, и чем сосредоточенней вслушивался он в тишину, тем заметней все угасала веселость на его лице, все отчетливей проступало выражение тревожного любопытства, смешанного с недоумением.

— А слышь,— совсем почти без голоса заговорил Кольчик,— слышь, а чего это так тихо, как у меня под мышкой? А чего это мы стоим? Пришвартовались? Уже?

Вязанка уронил спрашивающий взгляд на луговину, что поднялась перед окном богатой золотой шапкой из одуванчиков в цвету.

— Да побей меня боцман, не может того быть! Вот что, долговязик,— по росту тебе и сан,— спустись в народ, подразведай, где мы, что там и как. Да живо мне! Не тяни резину! Порвешь!

— Одной ногой я уже на приеме у проводницы в купе.

— Скажешь, как и другой будешь там.

И снова пала тишина.

Неизъяснимое предчувствие беды ветром сняло меня с полки. Я сюда зырк, я туда зырк — ни души! Не на ком и глазу споткнуться.

Кинулся я даже в рундуки заглядывать. А ну, люди, туда попрятались? А ну сговорились так пасквильно подшутить над нами?

А то как же!..

Рванул я по пустому вагону к двери. Дерг, дерг за ручку. Заперта!

Бегом назад.

— Колич! — ору с перепугу.— Да мы одни на весь вагонище!

— Ну-у-у! Ложились, в кармане ни хрусталика, а к утру — собственный вагонишко!

Вязанка слез с полки, припал щекой к оконному стеклу; увидел перед головой изогнутого дугой поезда круто заломленные кверху рельсы со шпалой поперек и красными фонариками по бокам, отчаянно присвистнул:

— Глухо дело, пан Грициан... Ситуация, я тебе скажу...— Вязанка замолчал, подбирая нужное слово, но, так и не подобрав, махнул рукой, заговорил врасстяжку: — Со своим не-движимым в данный момент имуществом мы изволим пребывать в классическом тупике.— Подумал. Улыбнулся.— А хорошо, что дальше Батума не ходят поезда.

— Хорошо-то хорошо...

Вязанка перебил меня:

— А Колик желает к одуванчикам.

Вязанка — он был в темной рубашке с закатанными до самых плеч рукавами — осторожно, как бы примериваясь, положил ладони на ребро чуть приспущенного стекла и с такой силой давнул, что мускулы задышали, и стекло, повинувшись, подалось вниз скрипя, будто дразнясь и на всякий случай прячась в свое укрытие.

Наконец все стекло ушло.

Вязанка вывалился по пояс из окна.

Глянул влево, глянул вправо.

— Ба! Солнце на самой макушке,— сказал он.— Ну и задали мы храповицкого! Ну да ладно. Что было, то сплыло. А теперь, мальчик, ногу в стремя! Пока нами не увлеклась с пристрастием любознательная милиция, давай-ка лапки в охапки да и ходу отсюда. Вот так! — И он, пружиня на крепких руках, изящно скользнул в пустой квадрат окна.

Я за ним. Куда коза, туда и козленок.

— У нас ничего не увели? — охлопал себя Коляй.

— У меня ничего.

— А ты хорошо посмотрел?

— Сказал же.

— Странно даже...

Яков Шафран
(г. Тула)

НА СЛУЖБЕ У ОЛИГАРХА

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

Переходя утром улицу, он заметил, что собаки, прижившиеся у автосалона, сегодня почему-то не лают, как обычно, а, подбежав, виляют хвостами и делают вид, будто ищут что-то на земле. «Как это понимать?» И тут вспомнил — три дня назад, реагируя на злобный лай, подумал грешным делом: «А не позвонить ли в службу, чтобы их забрали?» Однако через несколько мгновений спохватился, представив, что будет с этими бедными тварями, и сжалился над ними, решив тогда ничего подобного не предпринимать. «Ишь ты, почувствовали, значит...»

...Днем дежурство прошло без происшествий. Наступил летний вечер, и небо на юго-западе, не скрытое за городскими зданиями, пылало всем великолепием заката, в котором низко над линией горизонта плыла яркая красавица Венера. К северо-востоку небесные краски уже плавно переходили в пурпурные и далее к горизонту в темно-голубые. Легкий ветерок, которого совсем не чувствовалось в течение жаркого дня, давал небольшую прохладу и чуть шевелил листву высоких ив, готовившихся к ночной дреме по обочинам проходившей невдалеке дороги. С возвышенности почти весь город был виден, как на ладони. Сразу же внимание Кости привлекла недавно возведенная высокая, с золотым шпилем и крестом, колокольня Успенского собора в Кремле. От нее на юг шла линия проспекта Ленина. Хорошо были видны основные храмы, а стоявшие тут и там высотки делали городской пейзаж современным. Работавшие во многих местах огромные башенные краны говорили о вновь возводимых высотных зданиях. Хорошо просматривался громадный зеленый остров Центрального парка, дальние районы города, а близлежащие кварталы живописной панорамой раскинулись перед взором Константина. Уже начали зажигаться огни освещения и реклам на городских улицах и площадях. Красиво — глаз не оторвать!

Здесь же, в черте уже ставшего большим — после присоединения, как это сейчас водится, земель окрестного района — города строится огромное здание торгово-развлекательного комплекса «Гипергалактика» с большущей прилегающей к нему территорией. И Константин с недавнего времени работает охранником в строительном городке, где располагалась администрация стройки, все подрядчики, разные службы, склады и вагончики рабочих. Его функции заключаются в открытии и закрытии ворот, чтобы посторонняя машина и человек без пропуска не проникли на территорию, а также в досмотре выезжающего транспорта, не принадлежащего работникам стройгородка. Следует сказать, что работу такую, как говорится, «непыльную», он выбрал, чтобы писать...

А писательская жилка, она ведь такая: бьется, бьется, «как ключ подо льдом», и

ничем ее не уймешь, хотя бы на время, кроме как написанным рассказом или главой повести, а то и романа. Правда, Константин еще ни на что серьезное пока не замахивался, да и не догадывался о долгом и упорном труде для рождения чего-либо серьезного... Но, наглядявшись на жизнь строительных рабочих, вдохновился он написать о них и о их жизни. Ведь, кроме этой самой жилки, имел в душе — хорошо это или плохо, еще не понял, — обостренное чувство справедливости, неприятие явлений, не имеющих, как он ощущал, права существовать.

И писать было о чем. Достаточно увидеть толпы людей, которых привозили из общежития, находящегося порой за десятки километров от стройки, ранним утром понуро бредущих в вагончики, больше напоминающие сараи, где они переодеваются и где некоторые из рабочих, не получившие пока регистрацию или которым не хватило места в общежитии, даже живут. Потом люди так же уныло бредут на стройку. А отчего их настроение должно быть хорошим, если трудовой день начинается в семь утра и заканчивается в двадцать вечера, то есть, длится тринадцать часов кряду? И это все, до возведения корпуса, — под солнцем, дождем и ветром, а зимой и на морозе, и за двадцать — двадцать пять тысяч рублей, то есть, примерно за шестьдесят пять рублей в час. А тут еще охрана на нервы действует: по несколько раз в день проверяет пропуски. Перерыв на обед есть, но разве можно назвать обедом еду всухомятку? В лучшем случае есть возможность вскипятить воду на чай. А бытовые условия? — Уличные, редко моющиеся биотуалеты, отсутствие душевой и, зачастую, умывальников и возможности высушить промокшую рабочую одежду, которую в течение всего строительства не стирают. Да и когда этим и всеми другими бытовыми вопросами заниматься, если рабочая неделя длится шесть дней, а к концу каждого цикла и всего строительства они и в единственный выходной, и на ночь остаются. Приедет «домой» такой работник, умоется под умывальником, ибо в общий душ на этаже очередь, поужинает, полчаса посмотрит «зомбящик» и под воздействием одолевающего от усталости сна беспробудно заснет до пяти утра. А далее все снова по заведенному порядку...

А тут еще недавно по причине нарушения правил техники безопасности со стороны подрядчика один рабочий упал с лесов и разбился насмерть... Ведь риска для жизни и здоровья на стройке предостаточно, ибо подрядчики зачастую не видят или просто не хотят видеть недостатков в обеспечении безопасности работы гастарбайтеров.

Добрая же и совестливая душа Константина не могла без содрогания и сострадания видеть положение таких людей. И начал он писать рассказ. Нужно заметить, что писал Костя урывками: между поглядыванием на ворота и на номера машин, проверкой пропусков и досмотром автомобилей, выдачей и приемом ключей и после обхода территории. Да и прятать листы приходилось от чужих глаз и от проверяющих со стороны ЧОП-а — частного охранного предприятия, — ибо не одобряется таковая деятельность на посту. Но так или иначе, а рассказ был написан, и его опубликовали в журнале...

Как всегда, после окончания работы над производением, наступала в творчестве пауза. И случилось так, что в это время, глядя на строящийся гипермаркет, задумался Константин о том, сколько же таких заведений в городе, а ведь еще в разных его районах новые все строятся и строятся... Подсчитывал в уме, на сколько же душ населения будет приходиться один супер- или гипермаркет с учетом их всех... А еще задавался он вопросом: сколько же покупателей в день будет в одном таком крупном магазине? Выбрал такой объект и даже в тройку своих выходных время нашел — часок утром, часок днем и часок вечером, — чтобы посчитать. Сидя на лавочке, в теничке...

Получалось, что много этих заведений на душу, а покупателей в день немного... Вот и появились у него мысли — зачем это нужно? Долго они не оставляли его в покое. И вдруг... как пробило: «Не для "отмывки" ли — через якобы продажу товара и

затем якобы поставку "нового-старого" товара — все это делается?.. А также — еще на уровне строительства,— когда деньги криминальных "общаков" инвестируются через покупку стройматериалов за "нал", и далее — перепродажа объекта другим "собственникам"... Ведь не для сдачи в аренду они строятся?» Видимо, не только писательская, но и прокурорская жилка «билась» в Константине. Но, как говорится, на всякого мудреца довольно простоты...

Вот надо же было такому случиться, взял да поделился он своими догадками с коллегой по работе с другого поста, от скуки зашедшему после сдачи смены,— мол, по пути ехать домой... И в один из вечеров услышал Костя разговор по радиации между хозяином и главным механиком. «Что это за информация ходит, Володя? Нельзя ли поподробнее узнать?..» — «А как?» — «Да надавить!..» — «Не... Я так не могу...» — «Мг... А зря! Ну, значит, придется другим путем...». Интересный разговор, но Косте и невдомек, что это про его озвученные догадки... Только потом, после всего случившегося, Константин понял, что коллега, видимо, донес кому следует из хозяев сети «Галактика»... Без лицензии работал, там что-то с законами у него не в порядке было... Потому метил, наверное, каким-то боком остаться в супермаркете после его сдачи...

На следующее дежурство Кости раздался звонок его начальника охраны: «Там из Москвы, из «Галактики», приехал какой-то проверяющий. Будь наготове, не подкачай!..»

Ночью проверяющий — мужчина лет сорока пяти, среднего роста, с залысынами — вывел из корпуса возводящегося здания строителей-гастарбайтеров и выстроил их на площадке у городка. До сдачи объекта оставалось немного времени, и работы велись круглые сутки. Огни реклам издали переливались разными цветами в ночном городе, кое-кто в это время развлекался в барах, встречался с друзьями или наслаждался дома новой серией любимого фильма, а тут только началась «вторая» смена. Да наши строители и думать, наверное, забыли о развлечениях от такой жизни роботов. Вот и сейчас они, молча и послушно, выполняли все требования «начальника», как-то: построиться по росту, выровняться по прямой линии, «руки по швам!», «отвечать только на мои вопросы!» и так далее. И тут начался интересный диалог, который и диалогом-то назвать было нельзя. На первый вопрос: «Довольны ли вы бытовыми условиями в стройгородке?» — раздалось недружное мычание. «Так довольны или нет?!» — «Да, да»,— ответили двое. «А не тяжело работать с семи до двадцати?» — «Нет»,— понуро отвечали те же голоса, скорее всего, принадлежавшие знающим русский язык. «Зарплатой довольны?» ...Проверяющий ходил перед строем, и вопросы следовали один за другим. После вопроса он останавливался, немного, чуть пошатываясь, прогибался, словно прислушиваясь, вперед и, получив однозначный ответ «да» или «нет», в зависимости от смысла спрашиваемого, продолжал свое движение, которое, к слову сказать, было не совсем по прямой.

Когда опрос, за исчерпанием тем, был окончен, он велел гастарбайтерам вернуться в здание и продолжить работы, а Косте — связаться по радиации с охранником из здания и поменяться с ним местами, после чего повел его в корпус... Стояла ясная ночь, небо завораживало своей притягательной глубиной, казалось, у него нет ни конца и ни начала, и если бы никого не было рядом, то на него можно было просто смотреть и не думать ни о каких делах, отрешившись ото всего. Между стройгородком и зданием, где они шли, не было освещения, и звезд в небе виднелось очень много, непривычно много для глаза городского жителя, так как мегаполис своими огнями делает незримой их вечную красоту. Как эта звездная ночь вдохновляет Константина! Эх, если бы не этот проверяющий...

В корпусе было пыльно, так как, кроме монтажных работ, чернорабочие занимались уборкой мусора, накопившегося за день. Вот один из них подошел к воротам с большой тачкой, полной отходов от строительных работ.

— Ты залез в карман к олигарху!.. — закричал проверяющий Константину (сеть таких гипермаркетов работала по всей стране), и окриком: — А ну стой! — остановил рабочего.

Лицо «начальника» было злым — глаза его сузились, губы сжались в узкую полоску, кончик носа заострился и стал похож на небольшой клюв, этому образу способствовало то, что он полусогнулся и вытянул голову на тонкой шее вперед. Быстрым шагом он подошел к гастарбайтеру, вырвал тачку из рук, и, опрокинув, высыпал содержимое на пол.

— Вот так стой и проверяй весь мусор! — приказал он Константину.

Рабочий уныло стал собирать мусор обратно в тачку. «Ну, конечно, кто же еще может залезть в карман к олигарху, если не бедные гастарбайтеры? — подумал Костя.— Вопрос о том, кому олигарх залез в карман, понятно, не стоит...» Он уже понял, что проверяющий пьян и, видимо, ищет повода для скандала, который нельзя было допустить, ибо он был бы квалифицирован как конфликт между службой безопасности «Галактики» и ЧОП-ом. Хотя конфликты существуют ровно столько, сколько существует человек, так как возникают они только в процессе общения людей, но ЧОП при этом максимально уязвим, так как генеральный подрядчик стройки просто может отказаться от его услуг. Ведь таковых в любом городе с десяток наберется. А так как — он сообразил — проверяющий приехал по его, Костину, душу, причиной чему опубликованный рассказ и его озвученные догадки насчет отмывки, то в случае скандала участь его в ЧОП-е будет плачевной. И скандальная характеристика затруднит его дальнейшее устройство на работу. А Косте нужно писать, и материального обеспечения у него нет. Потому он молчал и делал вид, что готов досконально выполнять все распоряжения...

Всю ночь «начальник» бегал по корпусу и придирался ко всему, что попадалось на глаза. Время от времени он все же отъезжал, судя по запаху спиртного, в ресторан — есть тут недалеко круглосуточный, в самом начале улицы Новомосковской,— но возвращался, и все снова повторялось...

В конце концов, проверяющий подошел к Косте, воззрился на его личную карточку охранника, прикрепленную к нагрудному карману куртки, и, ударив его довольно ощутимо кулаком в грудь, воскликнул, брызнув слюной:

— Так ты же, Вениаминыч, из нашего табора!..

Константин устоял на ногах и промолчал. В открытые ворота корпуса был виден ночной город, а над ним зарево от огней, окрашивающее небо в желто-красные цвета.

— Меня зовут Виктор Анатольевич. Ты же наш, Константин!

Костя стоял как вкопанный, никуда не отходил, лишь немного пошатывался от «тычков» проверяющего и... молчал. Все это повторялось по кругу несколько раз. «Выдержать! Выдержать!» — пульсировало в его голове. И так как охранник не реагировал ни на рукоприкладство, ни на «наш», ни на «табор», а его напарник, наверное, из любопытства, ибо замена явно затянулась, уже вернулся на свое место, москвич, видимо, изрядно уставший за ночь, вдруг повернулся и, не говоря больше ни слова, ушел.

Константин вернулся на свой пост у стройгородка. На столе лежала очень дорогая, как потом выяснилось, авторучка... Больше проверяющий ночью не приходил, видно, уехал в гостиницу...

На северо-востоке забрезжил рассвет.

А тут скоро и смене пришел конец.

Александр Пономарев
(г. Липецк)

ОХОТА НА ПРИЗРАКА

Пономарев Александр Анатольевич. Писатель, драматург. Родился и проживает в г. Липецке (Россия). Автор шести книг прозы и драматургии: «За нас. За вас. За Северный Кавказ» (2008), «Хризантемы для Эммы» (2012), «Эпоха Водолея» (2015), «Бабкины сказки — Дедкины подсказки» (2015), «Охота на призрака» (2015), «Прозрачное небо Сири» (2019). Окончил филологический факультет Липецкого государственного педагогического института, Республиканский институт МВД России. Служил в органах внутренних дел РФ. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Член Союза писателей России и других писательских организаций. Его произведения публиковались во многих журналах.

Колонна вышла из Моздока рано утром, когда заря только окрасила небо багряными красками. Старшим в дороге был назначен командир отряда. Когда остался позади последний осетинский блок-пост и машины въехали на чеченскую землю, в небе зависла вертушка. Она бороздила облака, то улетающая вперед, то появляясь откуда-то сбоку. С ней было спокойнее. Но, несмотря на прикрытие сверху, бойцы, сидящие в кузовах автомобилей и на броне «бэтээров», оцетинились в разные стороны стволами автоматов.

Отары овец паслись на невспаханных полях, иногда лениво поглядывая на растянувшуюся, на несколько километров по дороге и пылящую почем зря гусеницу. Когда подъехали к перевалу, колонна остановилась.

Командир отряда — полковник Макеев, немногословный русоволосый великан, выпрыгнул из кузова. Он внимательно осмотрел окрестности. Впереди притаилось узкое ущелье, справа от которого ниспадал небольшой водопад с пенящимся каскадом. Две горы, поросшие седыми мхами, возвышались по обеим сторонам, как старухи. Макеев кивнул взводному Карташову.

— Валер, назначь в пеший дозор семь человек, пусть прочешут вон ту высоту и ущелье, — он показал Карташову пальцем, — как только взвод перейдет на ту сторону ущелья, доложат по рации, что путь свободен. Вертушка их сверху прикроет, если что, — и он отвернулся с тем, чтобы достать носимую радиостанцию и связаться с летунами.

* * *

Небольшое село Кара-Юрт прилепилось к горному хребту. Несколько десятков домов, две длинные улицы, и бахча. Вот и все село.

— Константин Иваныч, — командир отряда, который меняла команда Макеева, разливал по алюминиевым кружкам горячий крепкий чай, — особенно ничего приме-

чательного в округе нет. Я так понимаю, отряды здесь выставлены лишь для того, чтобы перекрывать горную тропу. По этой артерии караванами доставляют на Кавказ оружие, наркотики и деньги для осуществления терактов. Жить будете в палатках, мы их вам оставляем. Пищу придется готовить самим. Кухня походная тоже есть. Посты выставлены по периметру села, два выносных. Секреты и засады будете выставить по мере надобности. С электричеством у нас перебоев не было.

— А как местное население? — Макеев прихлебывал пахучий чай вприкуску с кусочком твердого прессованного сахара.

— Местное население вроде бы ничего. С понятием, — майор улыбнулся, — взаимоотношения довольно терпимые, только если твои бойцы косячить не будут. Спиртным здесь не торгуют, да и не принято это у них. С главой администрации сами познакомитесь. Неплохой джигит. Хлеб пекут две женщины: мать и дочь. Цены не загибают. Дочь — красавица, но кадрить ее не советую, ваххабитская вдова. Ну, вот вроде бы и все.

— Ну, тогда счастливого пути, майор, — Макеев крепко пожал коллеге руку.

— Да, совсем забыл, Иваныч, — и майор понизил голос, — завелся у нас тут недавно диверсант.

— В смысле?

— Ну, гадит нам кто-то и по мелкому, и по крупному.

— Из местных?

— Я думаю, что да. Больше никому. Места знает хорошо. То растяжку поставит на тропе, то наши переставит. Подстрелил часового неделю назад, ранение пустяковое, но все-таки. И везде оставляет волчьи следы, иногда клочок шерсти. А в прошлом месяце подорвал машину из комендатуры: один двухсотый, так повесил на ветку волчий зуб, заметили, конечно, не сразу — на черной нитке висел.

— Черная кошка?

— Да, я так думаю, что он об этой кошке и слыхом не слыхивал. А, и записку нам подбросили как-то. На — гляди.

Макеев развернул смятый листок, который ему протягивал майор. На тетрадном листке в клеточку было нацарапано: «Руски ухады, а то тебе месть Кара Борз».

— Ого, и как понимать это? — Макеев смотрел на майора сверху вниз.

— Ну, место называется Кара-Юрт. Что означает черная юрта.

— С этим можно поспорить: Юрт переводится с тюркского и как пастбище, и как место, жилище, и даже как Родина.

— Вот видишь, Иваныч, ты сам мне лекцию об этом прочитать можешь. А Кара Борз — это черный волк. Волк вообще у них священное животное.

— Понятно, — Макеев задумчиво поглаживал подбородок.

— Бывай, товарищ полковник. А с волком этим поосторожнее, береги ребят. Думаю — недельку по горам порыскаете и найдете этого Борза, слишком уж он, и вправду, оборзел, — и майор сам рассмеялся своей шутке.

* * *

Первый звончок прозвенел ровно через неделю. Старшина первого оперативно-го взвода рано утром подорвался на противопехотной mine. Парня сильно посекло осколками и его сразу же отправили в госпиталь «Северный» вертушкой.

Макеев срочно собрал офицеров в штабной палатке.

— Кто стоял ночью на первом посту? — Макеев внимательно разглядывал командиров двух взводов.

— Сержант Разов, товарищ полковник, — командир первого взвода лейтенант Дроздов не поднимал глаза на командира, как будто он и был виноват в случившемся.

— Давай его сюда, Дроздов!

Лейтенант молча поднялся и вышел из палатки, махнув брезентовой полкой.

— Какие мысли у других будут,— командир достал из кармана пачку сигарет и, чиркнув зажигалкой, закурил.

— Старшина за водой пошел,— на полковника поднял взгляд капитан Старков,— колодец в пятидесяти метрах от расположения отряда...

— Это нам известно,— Макеев перебил капитана,— короче, Склифосовский...

— А тропа только одна,— невозмутимо продолжал Старков,— примерно в тридцати метрах от ПВД, прямо на тропе, стояла МОНка, сработала на движение. При чем поставили ее сегодня ночью — в этом никакого сомнения нет. Вокруг крупные волчьи следы.

— Волчьи? — вступил в разговор врач отряда Корнев,— а почему ты так думаешь? Может собачьи?

— Волчьи, Владимир Андреевич,— продолжал Старков и поднял глаза на доктора,— я их с другими не перепутаю. Дядька у меня в лесничестве работал. Порою лес обходили с ним по несколько десятков километров. И причем как будто вожак кружил, они так дичь загоняют. Волчьи, это точно.

Разговор прервался, потому что в палатку, подталкиваемый сзади взводным, кряхтя, заходил крепкий черноволосый сержант. Он ошалело огляделся по сторонам, зайдя со света в полумрак. Затем нашел глазами командира и встал по стойке смирно.

— Разов, доложи-ка, мил друг, как службу ночью нес? — Макеев пристально разглядывал сержанта.

— Да вроде бы все как всегда, товарищ полковник,— засопел сержант.

— Ты давай не темни,— подал сзади голос взводный, успевший по дороге спросить часового,— рассказывай, как мне говорил.

— Да под утро заморочило меня слегка,— неуверенно продолжал Разов.

— Заморочило? Это как же? Закемарил? — Макеев стряхнул пепел с сигареты.

— Может и закемарил, командир. Но только показалось мне, что на тропе, что к колодцу ведет, ну на той самой, призрак появился.

— Прии-и-зрак? — протянул Старков.

— Призрак,— в голосе сержанта появилась уверенность, и он перевел взгляд на капитана,— белый силуэт, как человек вроде, призрак — кто же еще? Мелькнул и пропал. Я совсем уж было собрался дежурному по рации доложить, да подумал — померещилось. Луна спряталась как раз — я и думаю, ветки от платанов в тень попали. И захороводили. И главное — ни звука, ни шороха. Только тени от платана на том месте. Знать бы, что так вот случится.

— Эх, Разов — Разов,— Макеев поморщился,— если бы доложил по команде, как положено, не улетел бы твой боевой товарищ в госпиталь.

— Да я и сам понимаю, товарищ полковник,— Разов сморщился и заморгал глазами,— подумал, померещилось, да и стыдно признаться — побоялся: на смех меня ребята поднимут...

— Да какой уж тут смех, тут плакать надо. Иди, сержант, носи службу,— Макеев бросил сигарету на земляной пол, придавив окурком каблуком армейского берца.

Когда Разов вышел из палатки, Макеев быстро и в деталях передал офицерам рассказ командира предыдущего отряда про Черного Волка и даже записку показал. После чего в палатке повисла тяжелая пауза.

— Может и в правду показалось сержанту? — доктор нарушил молчание.

— А мина? — поднял на него взгляд командир второго взвода Карташов.

— Да стояла она тут может не одну неделю, а старшина наш только сегодня на нее наткнулся.

Старков молча рисовал прутиком на земле узоры, потом бросил ветку через левое плечо и повернулся к врачу.

— Исключено, Владимир Андреевич, мы с саперами каждую пядь вокруг просмотрели. МОНку сегодня ночью поставили.

— Разову простительно, док, он в первый раз на Кавказ приехал,— Макеев тоже смотрел на врача, от чего тот поежился,— а тебе, стреляному воробью, стыдно в призраков верить. Завтра у нас по горам да ущельям белые кони в кроссовках поскачут. Это, Владимир Андреич, тот самый Черный Волк, который нам мстит.

— Неуловимый Джо,— ослабилась Карташов, и зло сплюнул под ноги.

— Так тот никому не нужен был, Валера. А этот нам нужен. Ой, как нужен. Это он только начал, вкус крови почувствовал,— продолжал Макеев,— значится так — командиры взводов будут у нас заниматься службой. Ты — док, своими вопросами. А к тебе, Саша,— и тут Макеев просто посмотрел на Старкова,— у меня будет особое задание. Даю тебе две недели, чтобы извести этого призрака. Об этом будем знать только мы пятеро. Попрошу товарищей офицеров об этом никому ни гу-гу. А то вся операция потеряет смысл. Что и как, это мы все вместе прикинем. Докладывать о результатах будешь лично мне, каждый вечер. Понятно?

— Есть,— просто сказал Старков.

— Вот и ладно. На хитрую задницу найдется прибор с винтом. Достанем мы этого Кара-Борза.

* * *

Весь день Саня Старков ходил как потерянный. Он что-то шептал, шевеля губами, размахивал руками, чертил пальцем в воздухе знаки, а иногда, резко развернувшись, шел в другую сторону.

К вечеру он решительно зашел в командирскую палатку.

— Я вот что думаю, Иваныч, если это кто-то из местных — то их от меня отвлечь надо. Чтоб думали, что я «казачок засланный». Может быть, найти ребят, недовольных порядком сегодняшним? То да се — поговорить с ними, что хотел бы в горы уйти, стать настоящим джигитом...

— Не получится,— Макеев снова достал из кармана пачку сигарет и принялся щелчком выбивать одну из них,— времени у нас мало. Горцы народ осторожный. Это тебе тут пару годков пожить надо.

— А что если,— вступил в разговор Корнев,— сделать из нашего Сани пьяницу горького?

И Макеев, и Старков выпучили на доктора глаза и даже не сообразили сперва, о чем это он. Первым в себя, как ему и полагается, пришел командир.

— Вот это ты, Андреич, выдал! Не пойму я — про что ты?

— А вот про что,— и Корнев хитро сощурился,— ты же говорил — местные не пьют, спиртного я имею в виду. Так?

— Ну, так, и чего?

— А если наш офицер постоянно будет пьяным — на улице, в кафе сельском и везде, короче. Они по-любому к нему будут относиться по первости враждебно, а потом рукой махнут. Мол, никчемный человечешко, и бдительность потеряют.

— И чего мне — каждый день горькую пить? — вступил в разговор капитан,— так сопьешься раньше времени.

— Не обязательно,— повернулся к нему доктор,— ты что, пьяного изобразить не сможешь? Не валяться на улице, конечно, а так — вести себя не вполне адекватно.

— Так-так, понимаю,— теперь уже заулыбался Макеев,— но я же говорил, горцы народ внимательный и очень осторожный. Могут не поверить...

— Поверят,— хлопнул себя ладошкой по ляжке Корнев,— я тебе, Саня, такие кап-

ли дам — зрачок будет как у совы — во весь глаз, а под губу нижнюю ватку будешь класть, спиртом смоченную, разить от тебя сивухой будет за три километра. И вот в таком виде садишься ты в чайхану, в руках у тебя фляжка, ну — или бутылек за пазухой, ты знай из нее прихлебывай, да отключайся время от времени. Через эту чайхану, почитай, все местные мужики проходят. Может, что и услышишь, может чего и увидишь...

— Есть одно но, Андреич,— усмехнулся Старков,— языками не владею...

— А вот тут ты не прав,— в свою очередь перебил его командир,— здесь с десяток национальностей живет. Родные языки порою не похожи один на другой в корне. Язык общения для них — русский, а это нас полностью устраивает.

— Ладно,— Старков разминал ноги от неудобной позы, в которой так и застыл с самого начала разговора,— раз совет в Филях постановил, значит превращусь в никчемного и потерянного для общества человека. Только как бы кто из своих не прибил.

— Об этом не беспокойся. По ночам будешь выходить в свободный поиск. Обо всем будешь докладывать по окончании каждой засады, Саша. Примечай все, даже самые, как тебе кажется, мелочи. Одна голова хорошо, а две, или даже больше,— тут он, одобрительно, посмотрел на Корнева,— лучше. Будешь брать с собой только самое необходимое: фонарик, карту, рацию носимую, два боекомплекта,— да чего я тебя учу, не первый год ведь замужем.

— Понял, командир,— Старков, скинув с себя сомнения, мучившие его весь день, потихоньку наполняясь азартом, как собака перед охотой,— все необходимое возьму. Подумаю над этим хорошенько,— только рация не нужна, может заскрипеть в самый неподходящий момент, если услышишь звуки боя — подскочите меня прикрыть. Волк этот поблизости всегда, вот и я буду пасти его. Постараюсь быть либо на шаг впереди, либо за его спиной. И боекомплект один. Хватит. Брать буду только калибр 5,45, несколько эфок и один рожок с трассерами. Если возьмут меня в клещи, вдруг этот перец не один работает, трассерами покажу направление при вашем подходе,— и Старков вопросительно посмотрел на Макеева.

— Согласен. Добро,— на секунду задумавшись, сказал тот.

* * *

Солнце потихоньку пряталось за горы. Их вершины, покрытые снежными шапками, сыпали вниз снежную крупу, превращавшуюся в легкую дымку, достигая предгорий.

Из села потянуло запахом сгоревшего кизяка. Саня тенью промелькнул мимо караулов, выставленных по периметру военного лагеря и, сторонясь дороги, свернул в частые посадки из невысоких деревьев.

«Сначала обойду кишлак, посмотрю — кто чем дышит. А потом прочешу близлежащую местность»,— сказал он сам себе и сразу испугался. Ему показалось, что сказал это вслух. Но вокруг царил тишина и умиротворение, природа засыпала на время прохладной южной ночи, лишь со стороны села слышались звуки, характерные для мест, где живут люди: мычание коров, кудахтанье куриц, плач ребенка.

Эти звуки успокаивали Саню, настраивая на спокойный лад — будто и нет никакой войны. Но он, сбросив оцепенение, настроился на рабочее настроение.

Прокравшись вдоль деревьев, прилегающих к окраине Кара-Юрта, он занял удобную наблюдательную позицию. Прележав минут двадцать, он поднялся повыше и, найдя на горе небольшую площадку, подстелив под себя коврик снайпера, достал ночник и принялся внимательно осматривать село.

Схему села нарисовал ему прапорщик Колесниченко. Серега Колесниченко был давнишним приятелем Сани. На плечах Сереги лежали очень не простые и нужные в

командировке обязанности — кормить личный состав подразделения. И надо заметить, справлялся с этими поручениями прапорщик мастерски.

На какое бы место и в какое бы время года не приехал отряд, Серега на второй день обзаводился нужными знакомствами, так как от природы был веселым и контактным парнем.

Вот и здесь, в Кара-Юрте, через неделю все местные жители уже приветливо здоровались с ним.

Первый час ничего примечательного Саня не заметил, после двух часов ночи, когда село полностью уснуло и луна стала прятаться за перистыми облаками, подмигивая бойцу то левым, то правым глазом, он услышал, как стукнула калитка.

Из дома вышел человек, он огляделся по сторонам и уверенно зашагал по дороге в сторону зеленки.

Саня быстренько скатал коврик, прицепил к ремню, взял автомат на ремень и, крадучись, последовал за неизвестным.

Человек нес в руках вещмешок, шел уверенно и даже непринужденно, по сторонам не смотрел и наверняка знал цель своего похода.

Саня бесшумно крался по обочине дороги, метрах в трех — то пригибаясь к земле, то передвигаясь короткими перебежками.

Дорога поюлила по перелескам и начала карабкаться в гору. Здесь пришлось побавить пыл, так быстро перемещаться уже не получалось: мешали камни, на которые время от времени натывались армейские берцы.

Человек бодрой походкой продолжал свой путь, пока не вышел на горную поляну. Вокруг костра сидели чабаны и кипятили чай. В нос Сани сразу ударили запахи крепкого чая и табака. Кавказская овчарка, лежавшая у костра, подняла голову, принюхалась, лениво встала и поплыла в сторону разведчика.

Саня, чертыхаясь, встал на ноги и быстренько ретировался. Встретаться нос к носу с охранником овечьих отар не входило в его планы.

* * *

— Ну, рассказывай, военный, чего ночью видел или слышал,— Макеев расположился на кресле, сделанном из зеленых армейских ящиков из-под гранатометных выстрелов.

— Ничего особенного, Иваныч, чабан сегодня ночью попутешествовал слегка.

— А чего-нибудь необычного не заметил в его путешествии?

— Проводил его до лугов, посмотрел на жизнь простых чабанов, потом, правда, с собачкой в прятки пришлось поиграть, но сыпнул на тропу табаку, она интерес ко мне потеряла. Потом еще с часок понаблюдал и до дому. Через час рассвело.

— Ну, так. Чего сказать тебе, Саня, быстро только кошки рождаются. Продолжай наблюдение. С твоим разложением денька три подождем. Можешь отдыхать.

Саня вышел из штабной палатки и отправился к своему другу Сереге Колесниченко.

Пункт временной дислокации жил своей жизнью: взвод Карташова отрабатывал вводную — подъем по тревоге и выдвижение на позиции в случае нападения на ПВД или обстрела.

Дымила походная кухня, бойцы, переговариваясь, шли за водой, часовые вглядывались в окрестности, а около палаток нахально паслась местная корова, иногда кося на людей в камуфляже перепончатым глазом.

— Здоров, Серега,— Старков присел рядом со старшиной.

— И тебе не хворать,— тот невозмутимо чистил картошку, пряча в уголке рта «беломорину».

— Ничего не слышать в нашем дворе и его окрестностях?

— Пока, вроде, Бог милует,— Колесниченко понизил голос,— насчет задания твоего, Саня — откровенных боевиков в селе нет. Все в горах. Приходили зимовать, да как солнышко пригрело — опять воевать отправились. Мадина, это которая нам хлеб печет, и вправду вдова ваххабитская, но она, на мой взгляд, на такие штуки не способна, жидковата...

— Думаешь?

— Я их знаешь сколько повидал, думаю не она это. Дальше чабаны, отары у них большие, люди в селе по горским меркам не бедные. За ними уход нужен, тут не до баловства. Овцы — продукт стратегический, можно сказать, единственно жизненно-важный. Земля здесь никудышная, в огородах — сам видел — айва, да дыни иногда. Остается наш глава поселения, чайханщик и малый один — он вроде как пришибленный слегка. Во время первой войны еще контузило его прилично, вот крышу у него и сносит время от времени.

— Это как?

— Да, говорят, находит на него: может в горы убежать — его потом с фонарями ищут, то орать начнет — сутками напролет. Для него родные клетку деревянную соорудили. Вот и сажают его под замок иногда — а он орет, как потерпевший, да прутья от клетки грызет.

— Понял, старшина. Спасибо тебе. Присмотрюсь. Может, упустил кого?

— Может и упустил, Сань. Народу, вроде, в селе не так уж и много. Понаблюдаю еще — приходят людишки: кому инструмент напрокат нужен, кто молоко на сахар меняет. Попытаю...

— А народ то к нам как, ну настроен вообще?

— Да по разному: но откровенно никто власть не хает, осторожничают, да и открыто нас приветствовать побаиваются. Хотя в одном все сходятся — при нас порядка и закона побольше. Горцы — народ справедливый.

* * *

Саня Старков второй день «разлагался» в чайхане. Расположившись на циновке, он заказывал себе чай, время от времени подливая в пиалу пойло, доставая бутылку из-за пазухи. Спирта в ней было немного, в основном вода, но разило сивухой за километр.

Чайханщик Ваит в начале только морщился, в чайхану люди в первый день вообще не заходили. Косились недовольно на русского пьяницу и, перекинувшись парой фраз с хозяином, уходили.

На второй день Ваит нашел компромисс, с русскими ссориться было не в его планах, заходили они часто и заказывали много. Чайханщик перенес Санину циновку в дальний угол, была бы его воля — отгородил бы это место частоколом, но и этого хватило. Местные вернулись. Садились за чаепитие, разговаривали, смеялись, но потом перестали обращать на Саню внимание — только морщились от запаха спиртного.

Саня в разговоры не лез, да и разговаривать с ним никто не стал бы. Пользы от его «сидения на Шипке» пока не было никакой. Разговоры были о погоде, о дождях, о заболевшей корове, об урожае айвы — короче, полный порожняк.

— Ваит-джан, налей еще чайку, пожалуйста,— Саня приоткрыл сначала правый, потом левый глаз.

Чайханщик уже нес ему пузатый чайник, затем, ловко убрав со стола пустой, поставил перед ним новый.

— Зачем пьешь, Саня?

— Так жизнь такая Ваит, не мы такие. Что ж еще тут делать, скука.

— Может тебе манты или шашлык? А то не кушаешь совсем, только пьешь водку

свою,— Ваит поморщился.— Одна женщина спрашивала уже — что этот русский тут водку пьет, у него дома, что, не продается?

— Насмешила... конечно, продается. Нет, доттага, есть не хочу совсем.

— Ты хороший воин, Саня, хороший джигит. Зачем пьешь только — не пойму.

— Да я и сам не знаю.

— Ты перестань, Саня. Надо домой вернуться, а пить будешь — горы этого не любят. Останешься здесь. Навсегда останешься.

— Может ты и прав, Ваит. Буду помаленьку прекращать.

— Вот и молодец,— Ваит, довольно улыбнувшись, уже отходил от него.

* * *

Старков, постучавшись о деревянную стойку, стоял на пороге командирской палатки.

— А, заходи, Саня. Похмелить?

— Хотя ты не подкальвай, командир,— Саня, откинув полог, зашел и сел напротив Макеева.

Тот разглядывал карту, иногда делая на ней пометки красным карандашом.

— Ну, рассказывай,— командир отодвинул карту и ловко закинул карандаш в граненый стакан.

— От чайханы пока результатов никаких, правильно ты говорил: местные — народ осторожный и внимательный. Информации больше от Колесниченко, он слово заветное знает, наверное. Ему горцы душу готовы раскрыть.

— А ночные вылазки, как?

— Прошерстил окрестности вдоль и поперек. Результата пока ноль.

— Ну, этого и следовало ожидать. Волк этот осторожный. Он после каждой вылазки затаиться должен. Это мне и предыдущий командир говорил. Хитрый и очень осторожный противник. Ты продолжай поиск, Саня. Не останавливайся, снайпер как работает — знаешь?

— Знаю, командир. Сутками цель высиживает.

— То-то и оно, капитан. А тут цель сложная, неделями вокруг нее ходить надо, а может и месяцами. Но ты тоже не пальцем деланный. Мне про твою службу в Таджикистане кое-что тоже поведали. Занимайся, Саня.

* * *

Ночью Саня устроил лежку под огромным раскидистым дубом. Тот стоял на сопке и окрестности просматривались очень хорошо с трех сторон, с четвертой мешала зеленка.

Пока село еще не уснуло, Старков решил пораскинуть мозгами. Иногда это очень полезно, всем давно известно.

Он опять взял в руки прутик и уселся спиной к стволу дерева.

— Ага, так и запишем: чайханщик Ваит — фигура в селе известная, днем он все время на виду, человек уважаемый. В чайхане ему помогают два сына-подростка и старуха. Свой дом, довольно неплохой, недалеко от рабочего места, значит. Продукты для чайханы привозит ему старик на мотоцикле с коляской, два раза в неделю привозит. А вот ночью, что делает чайханщик ночью? Хотя если весь день как белка в колесе крутишься — какие ночью приключения? Ночью спать надо!

Саня отломил от прута веточку и положил на землю.

— Номер два — сумасшедший Лом-Али. А может он только прикидывается умышленным? Сделает дело, и орать, как резанный, начинает. Хотя так светиться настоящий волк не стал бы... ну, так или иначе, со счетов его сбрасывать пока не будем...

Он опять обломил веточку и положил рядом с первой.

— Номер три — глава поселения. Скорее нет, чем да — в разъездах все время, опять же на виду. Кто-нибудь, что-нибудь увидел или услышал бы. Да и предыдущая смена хороводила тут по этому призраку, если только сообщник или один из сообщников...

Третья веточка легла на поляну рядом с двумя предыдущими. А прут полетел через левое плечо.

Со стороны села потянуло дымом. Он вначале поднимался вверх, а затем рассеивался от дуновения прохладного ветерка и стелился по траве.

«Кизяком топят», — Саня шмыгнул носом.

Над горами взошла луна — круглая и желтая, как апельсин, какие бывают только в детстве.

Капитан взялся за цевье автомата, чтобы переложить его поудобнее, и вдруг почувствовал, как по телу побежали мурашки. В воздухе повисло напряжение, и даже звуки на секунду затихли. С той самой, не просматриваемой, стороны зеленки что-то уже происходило, но что — этого Саня пока не понял. Он на долю секунды замер и тут же ему в нос ударил резкий и неприятный запах то ли слежавшейся шерсти, то ли псины. Капитан поднял глаза и оцепенел. Слева — метрах в трех, в лунном свете, стояли два волка, стояли и спокойно рассматривали Саню в упор. Появились они бесшумно, как будто выросли из под земли. Один — крупный, лобастый вожак — черного окраса, и поменьше — серый с подпалинами матерый.

Глаза волков светились в полумраке, как горящие угольки.

— Сколько раз по следам вашим ходил, а увидеть вот так — впервые довелось, — промелькнуло в голове, — вот он, Черный Волк. Да только не два их, минимум с десятка — остальные в засаде, команды ждут.

Саня, не торопясь, перевел руку с цевья автомата на курок, а второй рукой медленно достал из разгрузки армейский нож с костяной ручкой.

— Я для вас трудная добыча, братцы, — шепотом произнес он, — не ровен час троих из ваших положу...

Серый волк поскулил, чуть слышно, ему в ответ. Но черный стоял как изваяние, глядя глаза в глаза. От чего Саня поежился, но взгляда не отвел — нельзя. Видно было, что животным неприятны незнакомые запахи: ружейного масла, стали, прокопченного на кострах камуфляжа. Они переминались с лапы на лапу, видимо думая — нападать или нет.

Волки исчезли так же мгновенно, как и появились. Сане даже вначале подумалось — а не показалось ли все это, а может и меня заморочило, как сержанта Разова тогда. Но сколько он ни таращил глаза в разные стороны, сколько ни смотрел в ночник — волков и след простыл. И следов не отыскал — тропа каменистая.

— Вот и славно, все правильно сделали, парни, — сказал Саня в темноту и сам удивился, насколько чужим показался ему свой голос.

Несколько часов просидел Саня, прислонившись спиной к дубу, отходя от произошедшего. И только прохладный ветер с гор, да еще рассвет привели его в чувство. Спать не хотелось совсем — еще вечером он применил старый армейский метод — ложка растворимого кофе с глотком чистого спирта. Сон отбивает напрочь и глаза — как два фонаря, только под утро голова кружится и тошнит слегка.

Но не зря говорят на Руси: пришла беда — отворяй ворота. Хотя беды никакой не приключилось, но могла. Могла.

На рассвете Саня скатал снайперский коврик, проверил разгрузку, пару раз зевнул и осторожно двинулся в лагерь.

На тропинке, которая была уже на подходе к кишлаку в одном месте, его больно укололо в сердце. Стоп, боец. Саня присел на корточки, отсоединил от «калаша»

шомпол — несколько раз ткнул в землю вокруг, чисто. Затем приподнял траву слева, справа. Входящее солнце ослепило глаза, и на долю секунды в полуметре впереди на тропе что-то ярко вспыхнуло и пропало. Саня гусиным шагом прополз это расстояние и ножом поддел зеленую проволоку. Натянута у самой земли, припорошена грунтом. По ниточке, по ниточке. Вот она, растяжечка. На меня? А на кого же еще. На меня. Выследил волчара, а может ему те, ночные, шепнули.

Вжжж, вжжж, чпок, чпок. Саня успел только свалиться куда-то вправо. Над ухом прожужжала пуля. Он перекатился с места, в которое упал, схватил автомат и прицелился. Только вот куда стрелять. Саня зорко, очень внимательно огляделся. Вон там, впереди, метрах в десяти, качнулась ветка. Вот ты где, Кара Борз. Обойду-ка я тебя слева. Саня аккуратно выдвинулся по-пластунски. И, рывком поднявшись, кинулся к месту засады. Такой прыти призрак от него не ожидал, на долю секунды показался. Мелькнул впереди и сразу пропал.

Саня преследовал его, пригибаясь к земле, где-то замирая, где-то прячась за деревья и пригорки.

«Невысокого роста, очень подвижный, юркий, можно сказать. В маскхалате зеленого цвета — наш, армейский. Местность знает феноменально, двигается уверенно, где-то семенит. Где-то перепрыгивает препятствия, как кошка. Пацан? Похоже, что подросток или девушка. Та — Мадина, которая хлеб печет, высокая, стройная. А это — вьюн вьюном. Все, потерял я его. Сейчас отдышусь. Прочешу лес».

Саня дышал и не мог надышаться, как тогда, в Таджикистане. Впереди послышался треск веток. Саня спрятался за кустом и навел автомат на звук. По тропе, еле-еле передвигая ноги, тащилась старуха. На горбе у нее помещалась огромная вязанка хвороста. Бабка шла прямо на Саню. Саня оглядел ее с ног до головы. Черный платок, черное платье с длинным рукавом, юбка в пол, на ногах калоши. Она опиралась на палку, кряхтела и стонала. Тяжеловат груз для тебя, бабушка. Глаза полускрыты, губы плотно сжаты, орлиный нос, бровей почти нет — да и немудрено, лет-то, наверное, под сто. Слева под глазом небольшой, но заметный шрам. Бабка остановилась в нескольких саженях от Сани, горестно вздохнула, вытерла рукавом соленый пот и поплелась дальше. Она прошла в паре метров от капитана, не заметив его в густом кустарнике.

— Все, охота закончена. Всю масть ты мне перебила, мать. Светиться нельзя, хоть и старая бабка, но горянка внимательная. Запомнить может.

Саня сидел еще минут двадцать и выдвинулся к месту засады.

«Вот здесь я сидел на корточках. Стреляли по мне оттуда. Ага. По ниточке. «Эф-ка» у корней дерева, грамотно поставлена. Кабы не солнышко-колоколнышко, вовек не заметить. На колечке гранаты клочок шерсти, даже в косичку заплетен — не поленился диверсант, так хотелось марку поддержать. Саня снял косичку, понюхал, в нос ударил слабый запах слежалой псины. Волчья.

Теперь вернемся назад. Пули, стало быть, полетели в ту сторону. Поищем, вдруг как повезет?».

Саня обходил местность, внимательно разглядывая каждое дерево, каждую ветку. Есть. Вот они девять граммов в сердце.

У одного из платанов пуля зацепила самый краешек, да и застряла в коре, прямо сбоку. Саня выковырнул пулю ножом. Подержал на ладошке, разглядывая, подкинул вверх, поймал, улыбнулся и двинулся в лагерь.

* * *

— Выследил волка, молодец капитан,— командир отряда Макеев рассматривал пулю со всех сторон.

— Нет, Константин Иванович, он меня выследил. Засаду на меня устроил.

— Ты ее на зуб еще попробуй, командир,— врач отряда Корнев тоже внимательно рассматривал пулю.

— Калибр 9 на 39. ВСК — войсковой снайперский комплекс. Наше оружие — спецназовское,— Старков доставал сигарету из пачки.

— Думаешь? — поднял на него глаза Макеев.

— Не думаю, знаю, командир. Стрелял бесшумно, с глушителем.

— Дневальный! — командир откинул полог палатки,— ну-ка бери журнал ориентировок и ко мне.

В палатку вбежал боец с выдавшей вида конторской книгой.

— Здесь я, товарищ полковник.

— Молодец. Ищи сводки за апрель этого года. Давай-давай, шевелись. Десятого или четырнадцатого числа. Нашел? Читай.

Дневальный встал по стойке смирно и нараспев, как стихотворение, прочитал:

— Четырнадцатого апреля в 10.02 у села Кара-Юрт было совершено нападение на машину УАЗ военной комендатуры...

— Дальше, вон там, на третьей строке,— нетерпеливо перебил его Макеев.

— Где? А-а-а, здесь. Похищены два автомата АК-47 и одна винтовка ВСК. Прокуратурой заведено уголовное дело по статье терроризм номер...

— Все. Хорош. Свободен.

— Есть,— козырнул дневальный и вразвалку вышел из штабной палатки.

— Наш Черный Волк. ВСК у комендачей повзаимствовал...

— Я ж и говорю,— затянулся сигаретой Старков.

— Каков из себя?

— Маленький, юркий. Бегает быстро — не угнаться. Не мужчина — либо подросток, либо девчонка. Местный — это точно. В зеленом маскхалате.

— Бегает хорошо, стреляет плохо,— задумчиво протянул врач, вертя в руках пулю.

— Выходит так, Андреич!

— Лица не заметил? — командир поднял глаза на Старкова.

— Нет. Все время со спины его видел. На голове капюшон.

— Да-а-а. Задал ты, капитан, задачку. Девчо-о-о-нка. Ну ладно мы тут по-своему поищем. А ты, Колесниченко, еще задачу поставь — пусть поспрашивает местных и в поиск каждую ночь. Давай, Саня, время выходит.

— Есть, командир,— Саня затушил сигарету о каблук берца и вышел на воздух.

* * *

Сергея Колесниченко как всегда занимался своим любимым делом — чистил картошку и покуривал. Это — по его словам — как-то успокаивало нервную систему.

— Ого, какие люди, салам, Саня,— старшина приветливо улыбался,— сидай рядышком.

— Здорово, братское сердце,— Старков присел,— давай сигаретку.

Колесниченко вытащил из кармана смятую пачку сигарет.

— Это последние, Сань,— не привезли. В горах камнепад сошел, дорогу к нам отрезало. В МЧС сказали — только через пару недель расчистят.

— Эге, и чего же делать нашему курящему брату?

— Табаку тебе отсыплю. Козью ножку умеешь крутить или научить тебя?

— Умею, а бумагой где разжиться?

— Вон, смотри — рядом с полевой кухней стопка газет — местные принесли. Бери, сколько хочешь, закончатся — приходи еще. У меня этого старья навалом.

— Спасибо, Серега,— Саня засовывал в карман разгрузки пакет с махоркой,— я задачку поставить тебе хотел — поспрашай местных насчет пацаненка или девчонки

бойкой. Видел я сегодня утром призрака этого. На черного волка никак не тянет, скорее, волчонок. Но бегают по лесу — лося обгоняет.

— Хорошо. Не вопрос.

Саня поднялся, чтобы уйти, но почувствовал — не договаривает чего-то старшина.

— Что-то случилось, Серый?

— Да я тебя, Саня, уже неделю спросить хочу, да все недосуг как-то,— Колесниченко смотрел в сторону.

Старков снова сел рядом.

— Ну, спрашивай, коли хочешь.

— Говорят, ты за два месяца перед командировкой развелся...

— А, вон ты о чем. И что еще говорят?

— Да видел я твою бывшую пару раз — ничего, вроде, баба...

— В том то и дело, что ничего — пустое место, фальшивка...

— Не жалко тебе? Все ж столько лет вместе...

— Серег, самый короткий путь — это путь правды. Как можно жалеть о человеке, который льет лживые слезы при расставании, пишет лживые письма, составляет лживые дневники, радуется, поет тебе песни под гитару — и все это оказывается блефом? Все нормально, ни о чем не жалею...

— Как-то невесело ты это говоришь...

— Старшина, ты о сроке давности что-нибудь слышал?

— Ну, мы же с тобой в милиции служим, юристы какие-никакие, конечно, слышал. Знаю что это такое...

— У каждого преступления, Серый, есть срок давности. У каждого, даже у убийства. Одного только люди никогда не могут простить. Предательства. Видимо, считается, что предать человека или людей, которые тебе доверяют — самое страшное и подлое. У предательства срока давности нет...

— Все правильно, Саня,— старшина поморщился,— да я что, Полина Ивановна моя письмо мне прислала из дома, две недели назад еще. Пишет: видела Санину бывшую, переживает, мол, баба, ты там поспрошай его, может, поостыл малый. А теперь вижу, все правильно: предателей надо вычеркивать из памяти, из сердца, из жизни — безжалостно. Все закрыли тему. А насчет пацаненка я поспрошаю, эт ты не волнуйся. Сделаю в лучшем виде.

* * *

Этой ночью было совсем темно. Луна спряталась за черные тучи. Саня посмотрел на небо — тучи, походу, беременные, поутру дождичек брызнет. Хотя как в горах может «брызнуть» дождик, он знал не понаслышке.

«Ну и хорошо, что луны нет,— подумал капитан,— в ночник наблюдать удобнее». И он достал из разгрузки старый добрый «Ворон».

Правда, понаблюдать за селом и обходными тропами не пришлось. Совсем рядом, метрах в пятидесяти, он услышал: сначала рык, потом волчий вой, а затем и во все леденящий душу крик.

Саня, быстро собрав боеприпасы, взяв наизготовку оружие, тихо двинулся на звук.

Осторожно приблизившись, он посмотрел в прореху забора из старых деревянных слег. В глубине двора стояла большая деревянная клетка, усиленная стальными прутьями. В клетке метался человек. Он то садился на ноги, то подпрыгивал, ударяя головой в потолок, то вертелся волчком. Саня посмотрел на него через ночник: человек сел на корточки, поднял голову вверх и завыл по-волчьи. И столько боли и муки было в этом вое, что у Сани невольно пробежали мурашки по спине. А через прибор ночного видения глаза человека сверкнули как тогда у волка — раскаленными угольками.

«Да, в таком состоянии не до диверсий. Вдруг в самый ненужный момент клеммы перемкнет. И ведь он меня не видел. Спектакль играть не перед кем — зритель отсутствует. Скорее всего, и как на сообщника призрака на него положиться невозможно. Разве я бы взял такого в напарники? Никогда».

В горах откликнулось несколько голосов. Волки выли, приветствуя друг друга. В селе залаяли собаки, заскрипели, открываясь и закрываясь, двери. Пора было сворачиваться, что Саня и сделал. При таком шухере засаду не сделать.

* * *

Саня сидел у буржуйки, скручивая козью ножку. Да, без курева трудно приходится. Первое время чуть легкие не выплевывал. Крепким оказался табачок. Рядом лежала стопка старых пожелтевших газет. Их безжалостно кромсала и рвала уверенная «омоновская» рука. Дровишки попались сырые да сучковатые. Благо бумаги на растопку хоть отбавляй. Со вчерашнего утра шел мелкий морозящий дождь. Теперь может на неделю зарядить — это как повезет.

«Спортивный вестник Кавказа». Ну что же, почитаем. Таблицы союзного еще чемпионата по футболу. Ого, «Заря» (Ворошиловград) — и такая команда тогда была. И вверху таблицы — хорошо играли, наверное. «Динамо» Тбилиси, ереванский «Арагат». Саня перебирал стопки газет, иногда прочитывая передовицы, иногда просто бросая газеты в топку.

И вдруг тревога пробежала по его телу, пробежала и занозой засела в мозгах. Как будто только что он пропустил что-то очень важное. Саня лихорадочно стал пересматривать прочитанные уже газеты, искал глазами старые таблицы и статьи.

С одной из страниц на него смотрела молодая, красивая горянка. «Гордость республики — Аминат Адиева. Мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, призер молодежного чемпионата Советского Союза». Ну и что? Саня перевернул газету — 21 мая 1971 года. Так это же было при царе Горохе, когда людей было крохи.

Нет, где-то он уже видел это лицо. Миндалевидные глаза, черные брови дугой, орлиный нос, плотно сжатые губы. Слева под глазом небольшой, но заметный шрам.

— Серега, — Саня быстро зашел в палатку взвода обеспечения.

Колесниченко резко вскочил на деревянных нарах, больно ударившись головой о деревянную слегу.

— Блин, ты, Саня, чего стряслось то? Пожар что ли?

— Вспоминай: бабка старая — глаза серые, нос орлиный, рост примерно метр шестьдесят. Зовут Аминат. Знаешь такую?

— Ну, знаю. Приходила пару раз, козу искала. Живет в крайнем доме на окраине аула, одинокая, неразговорчивая. Да ты куда?

Но Саня быстро выбежал из палатки.

— Малахольный, далась ему эта старуха, — старшина потирал рукой ушибленную голову.

* * *

Капитан Старков положил газету на стол перед командиром.

— Это она.

Полковник Макеев отложил в сторону карту и недоуменно смотрел на Старкова.

— Она, призрак.

— Понял. Быстро и по делу.

— Тогда утром в лесу я за призраком гонялся. А встретил ее. Она и есть — Кара Борз. Притворилась, правда, старой и дряхлой, но с ней наперегонки побегать — ушатает вусмерть.

Макеев глазами пробежал статью.

— Дневальный! — в палатку ввалился старшина Разов, — а, это ты, боец. Командуй — в ружье. Сейчас поквитаемся мы с твоим призраком. Только это, Разов, без шума, толкотни и суеты. Понял?

— Есть, товарищ полковник, — и сержант исчез, взмахнув палаточной полой.

* * *

Отделение омовцев взяло дом на окраине села в плотное кольцо.

— Товарищ полковник, можно я ее сам возьму? Две с половиной недели по ее следам ходил, — Старков с надеждой смотрел на командира.

— Ладно, давай, Саня, как учили. На рожон не лезь, если бабка отстреливаться начнет — сразу назад. Мы ее дом гранатами закидаем. А то мороки потом — вези ее в комендатуру, в прокуратуру. Да еще в доме ничего как не найдем — доказывай потом. Вдруг она всю приبلуду в лесу прячет! Понятно, капитан?

— Понятно, Константин Иванович. Она хоть и осторожная, да только я ей как снег на голову свалюсь. Неожиданно.

— Ну, давай-давай, действуй, много текста, — и полковник нервно улыбнулся.

К дому Саня подполз по-пластунски. Краешком глаза глянул в окно. Занавески плотно зашторены, но в глубине виден свет. Старков аккуратно продвинулся к двери, ни замка, ни засовов на ней не было.

Дверь открылась без скрипа. Саня перенес через порог сначала одну, потом другую ногу. Посидел в сених, отдышался, постарался успокоить колотящееся, как овечий хвост, сердце. И аккуратно открыв вторую дверь, сделал кувырок внутрь. В доме было тихо, только тикали на стене старые ходики. На столе стояла керосиновая лампа, лежала газета, на ней очки и связка волчьих зубов на нитке. Саня перевел взгляд направо. Рядом с тахтой лежали на полу две противотанковые мины, на них стояла монка-сотка и подмигивала ему красным глазком.

«На движуху работает. Не успею», — пронеслось в голове у Сани.

Последнее, что он увидел, — это то, что мины были старыми и ржавыми, и еще мамины глаза. А потом сверкнула молния, и тишина.

* * *

Взрыв внизу в селе ухнул неожиданно. Гордость республики Аминат Адиева — мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, повернув голову, посмотрела с горы вниз. Над селом клубились черные разводы дыма. Лицо ее, прочерченное сединами, не выражало ничего: ни радости, ни сожаления, ни печали.

Она поправила лямки армейского рюкзака и уверенной походкой зашагала вверх по горной узкой тропе.

Надежда Вафф
(г. Кимовск)

ЧУЖОЙ ЧЕЛОВЕК

Окончила Тульское училище искусства по специальности режиссура театра. Призер конкурсов на портале «Самарские судьбы», вошла в десятку призеров (3 место) шестого литературного конкурса «Плавская осень». В 2015 году стала финалистом литературного конкурса «Автор года — 2015», организованного компанией «Ваше издательство».

«Ну, вот и все, Фроловна, пойду я!» — с этими словами Сергей поднялся со скамейки, дотронулся кончиками пальцев до плоского черного памятника, и, не оборачиваясь, пошел по прямой кладбищенской «улице». На выходе с нее завернул к маленькому домику, из которого навстречу ему вышел сгорбленный старик и поздоровался:

— Здравия желаю!

— И вам не хворать,— с улыбкой, еле тронувшей губы, ответил Сергей.

— Навестили покойницу свою? — спросил сторож и сам же ответил.— И хорошо, что навестили. К ней окромя вас никто не заходит. Вот, поди ж ты, как бывает: живет человек среди людей, а как помирает, так остается наедине с собой и такими же упокоенными, как и он. А ведь это неправильно. Память же должна оставаться, чтобы людей на кладбища приводить.

— Я вам деньги оставлю. Вы их Валентине Ивановне передайте, пожалуйста,— Сергей перебил размышления сторожа.— Тут как всегда. И поблагодарите ее от моего имени.

— Передам, поблагодарю,— кивнул старик.— А вам покойница кем приходилась-то?

— Так...— Сергей пожал плечами,— по определению — чужой человек. Это длинная история.

— А я и не спешу. Да и тебе торопиться некуда. Смекаю, что ты не на колесах нынче, а автобус прибудет только через пару часов. Так что есть время языком почесать. Пойдем в сторожку, я чайку согрею. Погода нынче сопливая, дождь с утра брызгает.

Сторож направился к домику. Сергей, не задумываясь, пошел за ним: «Его правда, зябко сегодня на улице, да и автобус будет не скоро!». Сторожка была маленькая, но по-домашнему уютная. Дед проворно поставил на электрическую плитку чайник и проговорил:

— Меня Николай Анисимыч зовут, но ежели тебе удобнее будет, так ты меня можешь просто дядей Колей называть. Я в обидках не буду. Тебя-то как величать?

— Сергей.

— Ты уж прости мне, Сереженька, любопытство мое. Вышло так, что я тут сторожем давно работаю. Кладбище мне подведомственное — небольшое, сам видишь. Вот и получается, что с каждым «местным жителем» я как бы знаком лично, — Анисимыч улыбнулся в усы, — а вот про твою Анну Фроловну ничегошеньки не слыхал. Только тебя лицезрю каждый год в одно и то же время, да еще Валюша моя на могилке ее прибирается. И непонятно мне — кто она, откуда, каким ветром занесло ее в наши края? Она же ведь не из местных?

— Нет, не из местных, — покачал головой Сергей, — она из той деревни, что за озером. Зачем сюда попала? Я расскажу сейчас тебе, Анисимыч, по порядку. Ты сам все поймешь и рассудишь.

* * *

От нас с матерью отец ушел, когда мне пятнадцать было. Проснулись мы утром после встречи Нового года, а его нет. И вещей его нет. Отец у меня детдомовский был, так что мы его даже искать не знали где. Да мать особо и не рвалась на поиски. Видимо было ей известно что-то, чего от меня в секрете держали. Вот только переживала она очень, плакала ночами.

Летом того же года мы с ней в деревню, в ту, что за озерком, поехали. Там у нас дом от бабки остался. Как только у меня каникулы начались, мать отпустила на работу. Мне в деревню ехать совсем не хотелось, у меня все друзья в городе были, но матери тогда я перечить не стал.

Не успели вещи разобрать, как за мной местные мальчишки пришли, купаться позвали. Я согласился. Там, на озере, стал меня Мякиш — Колька Мякишев — «на слабо» брать. Это у них так новеньких в компанию «прописывали». Только и слышали от него — «а слабо?». Мне, понятно, слабаком показаться в их глазах вовсе не хотелось, да еще и понимал я, что мне со здешней публикой целое лето коротать. Повелся на их «конкурсы». Вот тогда и предложил заводила местный Молоток пойти бабке Нюте напакостить:

— Измажем ей забор дегтем, — изрек он со знанием дела. — Заодно ты, Серый (это они меня так сходу окрестили), себя покажешь.

— Нет, — я хотел отказаться, — день белый на дворе. Нас сразу засекут.

— Трусишь? — сплюнул Мякиш. — Да ты не дрейфь! Бабка Нюта на самом отшибе живет. Возле нее только дача столичных, вроде вас. Так что никто нас не увидит. А подстилке немецкой кровушку попортим.

— Почему ты ее так называешь? — поинтересовался я.

— Она в войну фашистам продалась. Ее даже с концлагеря выпустили за сотрудничество. Не веришь? Попробуй с ней поговори. Знаешь, как она по-ихнему шпарит! Противно! — Мякиш снова сплюнул в траву.

Что мне оставалось делать? Пошли всей честной компанией к околице. По дороге завернули в заброшенные мастерские, взяли там банку с дегтем. Остановились в кустах, напротив дома бабки Нюты. Юрец взял на себя роль разведчика, он по-деловому поглядел в бинокль, болтавшийся на голой шее, и произнес:

— Никого.

— Ступай, — Мякиш сунул мне в руки деготь и самодельный валик, — мажь возле калитки, и посмачнее.

Пригнувшись, на полусогнутых ногах я пересек тропинку и оказался рядом с калиткой. Трепеща от страха, стал густо мазать зеленый облупленный забор тягучим дегтем. И не заметил, как рядом со мной выросла дородная бабка и схватила меня за руку.

— Зря стараешься, — громко проговорила она. Я глядел на нее не моргая, не в силах даже пошевелиться. Она же, воспользовавшись моим молчанием, продолжи-

ла: — Я тут намедни голубую краску с райцентра привезла. В сенцах она у меня стоит. Давно забор покрасить хотела. У самой-то руки не доходят, а раз ты помочь хочешь...

Она ослабила свою мертвую хватку, и я уже хотел было дать стрекача. Но вдруг мой взгляд переместился на террасу соседнего дома. Там в яблоневого тени с книгой сидела девчонка. Она делала вид, что читала, а сама искоса поглядывала в нашу сторону.

— Голубой, так голубой...— пробормотал я.

Бабка перехватила мой взгляд, усмехнулась так, что еле заметная улыбка чуть тронула ее морщины под глазами и кивнула в знак согласия:

— Ну-ну... Пойдем в сенцы за краской и кистями.

Ух, и старался я в тот день. Красил забор медленно, равномерно нанося краску на высокий штакетник. Время от времени поглядывал на соседскую девчонку. Она хотела казаться совершенно равнодушной, но тоже с долей периодичности поглядывала в мою сторону. Потом, когда ей видимо надоело это унылое сидение на террасе, она поднялась, громко захлопнула книгу и скрылась за легкой тюлевой занавеской.

В это время до меня долетел голос бабки Нюты:

— Ох, ладно как у тебя получается! Уважил старушку. Но сегодня пора заканчивать. Краску я заберу, а ты кисточку в сенцы носи. Там бутылка с керосином стоит, рядом с ней банка пустая. Надо керосин в эту банку плеснуть и кисть в нем замочить, чтобы не засохла.

Я, отдуваясь, молча направился к ее дому. Сделал все, как она сказала. Остановился, ища глазами, где можно помыть руки. Так и не увидев нигде воды, хотел уже уйти, но передо мной снова внезапно выросла баба Нюта. Я даже вздрогнул от неожиданности ее появления. Она все поняла и рассмеялась:

— Прости, что пугаю. Полы в том году колхозный плотник добрые сделал, не скрипучие. И тапчонки,— она выпятила чуть вперед ногу в пушистом меховом тапке,— мягонькие в райцентре на распродаже прикупила. Вот и двигаюсь теперь бесшумно, как кошка. Тише разве только привидения перемещаются. Я вот маслица принесла и тряпицу чистую. Прежде чем руки помыть, их надо от краски очистить. Ты на пятна масло мажь пожирнее, а потом тряпичкой снимай. Вмиг чистый будешь.

Не обманула. Через пару минут ни пятна краски на мне не было.

— Ну, я пойду, пожалуй,— как-то неуверенно проговорил я.

— Э, нет! — не согласилась она.— Я уже все к чаю собрала. Долг платежом красен. Так что не отказывайся.

В доме посредине стола стоял медный самовар. Рядом с ним две чашки на резных ножках. Меня очень поразила вся эта кухонная утварь. Живя в городе, я ни разу не видел воочию самовара, разве что на картинках.

— А самовар что, самый настоящий? — я не сдержал любопытства.

— А как же? Конечно, настоящий,— заулыбалась она.— Мне его прямо из Тулы привезли.

— И как он работает?

— Он? А он сам не работает. На него природа и люди работают. Я как задумала тебя чайком угостить, так самовар на пенек отнесла. Водичку в него залила колодезной чистенькой. Потом в топку углей забросила, разожгла. А поверх углей все в ход пошло: щепки, шишки. Как почувствовала, что вот-вот водичка закипит, веточки вишни с листочками и травы пахучей добавила. Чай славный получился. Что я тебе рассказываю-то, пробовать пора, пока он горячий. Чай ведь горячим пить надо и неспешно. Слышал, поди, пословицу: «Тот, кто знает жизнь, тот медленно пьет чай».

Она стала разливать по чашкам невероятно пахучий чай «с дымком». Суетилась,

хлопотала так, как будто я был очень желанным и долгожданным гостем для нее. Все это вызывало у меня удивление.

— Ты сдобу бери, не стесняйся. И варенье погуще мажь, а хочешь вприкуску. Варенье малиновое, оно усталость снимает,— она взяла в руку булочку и уже хотела намазать ее для меня вареньем, но я нашел в себе силы отказаться.

— Нет, я сдобу не буду.

— Почему? — удивилась она.— Ты только попробуй. Она нынешняя. Это меня Танечка почтальонша угостила.

— Нельзя мне,— меня вдруг начала раздражать ее суета. Я произнес слово «нельзя» наверно слишком резко и громко, потому что заметил, что она как-то сжалась вся.

— Ну, раз нельзя, значит нельзя.

Мне в тот момент стало ее необъяснимо жалко. И эта жалость побудила меня признаться ей в том, в чем я не признавался никому и никогда.

— Больной я, ущербный,— она промолчала оттого, что не знала, что ответить на мое признание. Меня же словно прорвало.— Непереносимость у меня на яйцепродукты. Мне половину из того, что нормальные люди едят, есть нельзя. Чуть что — удушье наступает. Только мамка знает, что делать в таких случаях. И пухну я, если при мне, например, яйцо разбить. Глаза гноем заплывают. Больно... Такая вот у меня беда.

— Ну что ты милый,— бабка Ньюта вздохнула,— это разве беда? Это так, неприятность. И молодец, что ты мне рассказал. Когда заглянешь ко мне в следующий раз, то я уже ученая буду. Но и сегодня я тебя с одним чаем не отпущу. Заначка у меня есть для такого случая.

Фроловна подошла к комоду, вытащила из верхнего ящика шоколадку «Аленка» и протянула ее мне.

— К чаю самое то.

Домой я вернулся в тот день, когда уже вечерело. Шкварчали на плите котлеты, а мать напевала что-то себе под нос. Услышав скрип половиц, обернулась, и я увидел ее раскрасневшееся лицо.

— Голодный, небось? Сейчас я тебя покормлю.

— Не суетись так мам, есть пока не хочется,— я помолчал немного, не зная, как ей рассказать о том, где я пропадал весь день, потом решился.— Ты прости меня, мам, что я на целый день тебя одну оставил. Знаю, что нехорошо получилось. Сказал тебе, что на озеро с пацанами пойду, а сам явился только к вечеру.

— Я знаю, где ты был и чем занимался, поэтому вовсе не сержусь на тебя. Запомни сынок: хорошими делами гордиться надо, а не оправдываться за них.

— А откуда ты знаешь? — удивился я.

— Ты когда из дома ушел, я в церковь пошла. А на обратном пути мимо дома Анны Фроловны проходила. Смотрю, ты забор красишь. Полюбовалась тобой, как у тебя хорошо получается, окликать не стала. Когда мужик делом занимается, ему мешать нельзя,— улыбнулась мать.

— А зачем ты в церковь ходила?

— Как зачем? Зачем люди вообще в церковь ходят? — она задумалась, потом продолжила.— Свечку поставить, за родных помолиться, колокольным звоном исцелиться... Ты когда-нибудь слышал, как звонят колокола? Это же чудо! Динь — первый подает голос робко так, несмело. Второй подхватывает — динь-дилинь. Третий вливается в их пение — динь-дон! А душа твоя, истерзанная злобой иль заботой, в это время замолкает, говор их впитывает. Обида, которая птицей пугливой мечется,

бьется, ни тебе, ни себе покоя не дает, покидает тебя. А колокола звонят и звонят. Они как наркоз для души, понимаешь? Я вот сегодня все плохое от себя отпустила, свечку за здоровье отца твоего поставила. Пусть и у него все будет хорошо!

— А в городе ты никогда в церковь не ходила, мам?

— Ну, в городе я много чего не делала, — вздохнула мать. — А то, что ты Фроловне помогаешь — это ты молодец. Фроловна баба хорошая, рукастая, крепкая одним словом. Только жизнь ее лупит наотмашь, не дает продохнуть. Она хорохорится, болезни от себя гонит.

— А правда, что она в войну с немцами сотрудничала? Мне мальчишки рассказали.

— Да что ты, — рассмеялась мать, — кому такая ересь в голову пришла. Эх, злые стали люди, про других сочиняют небылицы и еще детей своих в них верить заставляют. Ты не верь, чушь все это. Фроловна от немцев пострадала больше, чем кто-либо другой. В концлагере она была, чудом, говорят, из него вырвалась, а вот сыночка своего сберечь не смогла. Так и живет с чувством огромной потери. Детей же терять большее всего.

— Я завтра снова к бабе Нюте пойду, — сказал я, — надо забор докрасить.

— Конечно, — улыбнулась мать и потрепала меня по голове.

На следующий день я с утра отправился к Фроловне. Она меня естественно не ждала, поэтому с трудом скрыла свое удивление.

— А друзья-то твои над тобой не шибко смеяться будут? — поинтересовалась она.

— Может и позубоскалят, — пожал я плечами, — только какая разница? Забор-то надо докрасить.

— Так ведь я и сама в могах, — улыбнулась она.

— Я и не сомневаюсь в вашей работоспособности, баба Нюта, только мама говорит, что вам перетруждаться нельзя.

— Ой, — она всплеснула руками, — велика напруга — забор красить. Я вот три года назад антенну на крышу сама устанавливала. Вот когда намучилась. Я же высоты с детства боюсь, а тут крыша. Дом у меня, сам видишь, какой высоченный. Только делать мне ничего не оставалось. Глаза сощурила и пошла... пошла... Закрепить-то закрепила, так ведь эту рогатулину еще настроить надобно было, усики на ней покрутить. Вот наסקалась: на землю — в небеса.

— А почему сами-то?

— Дык, кому же я нужна-то? Председателя просила: «Дай человечка на пару часов, уважь старуху!». Пообещал. День ждала, второй, третий... Сколько же еще-то? А соседа просить, так он не просыхает. Еще чего доброго свалится с крыши, убьется. Зачем грех такой на себя брать? Так что, как ни крути, а самой проще было...

К полудню забор был покрашен. Фроловна снова заварила терпкого пахучего чая «с дымком». За столом уже не молчали, как накануне. Даже перешли на «ты». Я, наконец-то, осмелился спросить ее о самом сокровенном:

— Баба Нюта, а мальчишки говорят, что ты немецкий язык хорошо знаешь. Правда?

— Правда, — кивнула она, — а как же мне его не знать, я же до войны в институте на переводчицу училась. Знание немецкого — это моя основная специальность была. Раньше-то все больше к немецкому языку склонялись, это сейчас английский в моду вошел.

— А вот и неправда. Я тоже в пятом классе перед выбором стоял, выбрал немецкий язык. Уж больно мне нравилась фраза, которую отец любил вставлять к месту и не к месту — «майне кляйне поросенок ин дер штрассе побежал». Мне очень хотелось все это по-настоящему произнести, со знанием и пониманием, — я замолчал, и поинтересовался снова: — А потом что?

— У меня-то? — задумалась она.— Потом война началась. Муж на фронт ушел в самые первые дни. Никитка тогда еще махонький был. Потом мы с ним в концлагерь попали. Там меня этот самый «немецкий» и выручил. Я потихоньку разговоры охранников подслушивала, план побега вынашивала. Все у нас получилось тогда, вот только... Никитку своего я потеряла.

Мне было очень интересно слушать ее, но, видя, что она меняется в лице, я решил перевести разговор в другое русло:

— Ой, баба Нюта, я чего вспомнил-то, видел вчера у тебя в сенцах странные запчасты, и будто парус. Это что такое?

— Какой ты глазастый, Сережка,— рассмеялась она.— Это буер сынок мой хотел мастерить. Все мечтал его на озере опробовать. Да только потом забросил это занятие, невестке не нравилось.

— Так у тебя сын есть?

— Приемьш мой, Славик. После войны прибился ко мне сиротинушка, и я к нему прикипела. Хороший он, мамой меня всегда звал и зовет. А вот к слову, я тебе и приглашение сделаю.

— Какое приглашение? — поинтересовался я.

— Приходи в гости послезавтра. Ко мне Сонечка приедет, внучка моя. Я тебя с ней познакомлю. Сонечка у меня красавица, умница, глядишь, подружитесь. Я к ее приезду пшеничков напеку. Тебе понравится, поди такой вкуснотищи никогда в городе не пробовал. Я их по бабушкиному рецепту, в печи делаю.— Перемены в моем лице от упоминания про пшенички не ускользнули от Фроловны, и она подмигнула мне заговорщицки.— Я все помню про твою болячку, поэтому ничего не бойся. Придешь?

— Приду,— пообещал я.

Накануне знакомства с Сонечкой весь вечер пребывал в возбужденном состоянии. Ночью долго не мог заснуть. Воспоминания из далекого детства проплывали перед глазами.

...Бабушка ждет в гости мою двоюродную сестру, хлопочет на кухне и приговаривает:

— Вот скоро Любушка к нам доберется. Соскучилась, поди, по настоящей деревенской еде. Сейчас мы с тобой, Сереженька, картошечку потомим со шкварками, да пшеничков налепим. Пусть порадуетя, душенька моя. Ты-то ждешь сестренку, Сережечка?

Киваю, соглашаюсь. А как не ждать? Любка, когда приезжает, то привозит с собой много подарков и, как говорит бабушка, «кузовок веселья». Я люблю Любку, а Любка любит меня, поэтому играет со мной часами.

— Ты иди в комнату пока, пострел. Не крутись под ногами.

Я иду в комнату, что находится за занавеской, наглухо прибитой гвоздями к прилолке. Достая из картонной коробки свои игрушки, раскладываю их на полу. И тут все помещение начинает наполняться сладковатым запахом. Мое лицо начинает чесаться. Я неистово тру глаза, от этого становится еще хуже. Плачу. Размазываю слезы по щекам. Мне кажется, что еще мгновение, и я раздуюсь, превращусь в шарик. Я почти ничего не вижу, потому что глаза мои заплыли. И вдруг, сквозь собственный плач, я слышу голос мамы:

— Мама (это она бабушке), ну зачем ты так? Ты же знаешь, что в присутствии Сережки нельзя яичный дух пускать. Неужели тебе его не жалко? — она сует мне в рот горькую таблетку.

— Жалко, конечно,— оправдывается бабушка.— Я Сережку очень люблю. Но ведь и Любушку надо покормить. А малыцу рано или поздно все одно придется привыкать к непростой жизни. Его ведь специально никто жалеть не будет.

Таблетка начинает действовать, и я проваливаюсь в темноту...

Заснул только ближе к утру, когда удалось, наконец-таки, перебороть все страхи, связанные со словом «пшенички».

Дообеденная половина дня пролетела незаметно: помогал матери в огороде. Носил воду и все время удивлялся: как ей удалось за такой короткий срок так все преобразить? После обеда, ополоснувшись под самодельным душем, отправился в гости к Фроловне. Еще на улице услышал громкий девчачий щебет, доносившийся из открытого окна. «Сонечка уже приехала»,— отметил я про себя и почувствовал, что волнуюсь очень. Только успел переступить порог дома, как услышал возбужденный голос бабы Нюты:

— А вот Сережка пришел. Проходи скорее, а то мы тебя с Сонечкой заждались уже.

— Здрасти,— пробормотал я еле слышно, краснея под Сонечиным пристальным взглядом.

Соня была очень симпатичная девочка: модная, ухоженная, городская — одним словом. Я хоть тоже был далеко не деревенским парнем, но выглядел иначе. Да и все девчонки из нашей компании в городе были Соньке не чета. Видимо, не обнаружив во мне ничего интересного, она вздохнула и принялась вилкой отколупывать золотистую корочку с шарика, лежащего на ее тарелке.

— А вот эти «желторотики» для тебя,— Фроловна поставила передо мной тарелку с пшеничками.— Я очень старалась!

— Спасибо, баба Нюта,— поблагодарил я.

Пили чай, ели пшенички. Скажу честно, что тогда вкуснее этих пшеничков я вряд ли что-то пробовал еще. А может, мне просто так казалось. Ведь всегда пшенички были для меня чем-то очень страшным, большим и запретным. И вдруг... В общем, я был наверху блаженства. Разговор за столом, тем не менее, совсем не клеился. Тогда Фроловна предложила:

— Дорогие мои ребятушки, что-то устала ваша бабка. Может, я малеху полежу, а вы пока во дворе поболтаете. Да и без меня старой, вам молодым легче будет договориться. А я чуток покомарю. Послеобеденный сон старикам необходим.

И тут только я понял, почему Фроловна захотела прилечь. Всю ночь работала она, ожидая приезда внучки. В доме чистота идеальная: самовар начищен до блеска, на полах ни пылинки, занавески постираны. А главное — воздух. Он был настолько чист и пропитан ароматом сирени, что мне вдруг стало невероятно стыдно за себя. Это ведь из-за меня, из-за моей треклятой болезни, Фроловна так тщательно выветривала и маскировала яичный дух. А потом еще для меня лепила эти вкуснющие пшенички по «специальному» рецепту.

— Конечно, отдыхай, баба Нюта! Ты за нас не беспокойся, мы сами себя развлечем! Правда, Сонь? — я первый раз обратился к ней напрямую.

— Да, бабулечка, ложись,— закивала она.

Вышли во двор, спрятались от солнца в беседке, увитой диким плющом. Пока я напряженно думал с чего начать разговор, Сонька заговорила первая.

— Чего к бабке моей прицепился, как клещ?

— Да не цеплялся я к ней.

— Ой ли? То-то я гляжу, она мне все уши прожужжала: Сереженька ей и заборчик покрасил, и чего-то там еще. И весь Сереженька такой разъедакий... Сколько она тебе за эти твои «добрые дела» платит? Что молчишь, тимуровец?

— Не платит она мне вовсе. Да я и не думал о деньгах.

— А ты и не думай,— я видел, что она злится,— нет у нее денег. Она мне с каждой пенсии отстегивает, а остальные на рубашки своему покойничку спускает.

— Какому покойнику? — не понял я.

— Сыночку своему, Никитушке. Вину она свою перед ним чувствует, вот и ждет его до сих пор. А ты хочешь сказать, что не знал ничего? Или придуриваешься? В шкаф к ней загляни, там этих рубашек — пруд пруди. Только Никитушка ее уже сгнил давно. Лучше бы она эти деньги отцу с матерью отдала. А то они скоро горло другу перегрызут: одна хочет мебель новую, а другого на машине переключило.

— Злая ты, Сонька. Зачем к бабке Нюте приехала?

— А ты не понял до сих пор? За деньгами своими приехала. Старуха же вчера пенсион получила.

— Уезжай,— тихо, но твердо сказал я.

— Ха, нашел дуру! — рассмеялась она, обнажив свои ровные белые зубы в некоем оскале.— Я только за порог, а ты побежишь бабке глаза раскрывать на то, какая у нее внученька плохая?

— Нет. Ничего не скажу. Совру что-нибудь.

— Клянешься?

— Клянусь,— пообещал я.

— Черт с тобой! Тем более что меня сегодня тут больше ничего не держит. Да и не поверит тебе моя сердобольная бабка. Я ей родная, а ты кто? Так, приبلудный.

Она ушла, даже не сказав мне «пока» на прощанье. Я долго сидел в беседке, пока проснувшаяся Фроловна ни вышла на крыльцо.

— Сереженька, а где Сонечка?

— На остановку пошла, баба Нюта. Боялась, что на автобус опоздает.

— Аль обиделась на что?

— Нет, не придумывай. Просто сегодня у ее подружки день рождения. А Соня ей еще подарок не купила. Вот и поспешила в город. Я тоже, пожалуй, пойду. Матери помочь надо на огороде.

— Ступай, конечно, Сереженька. Ты ко мне заходи в любое время, я тебе всегда рада.

Я повернулся и пошел по тропинке, ведущей к калитке. Она стояла на пороге, глядела мне вслед. Не смог далеко уйти, вернулся с половины пути, подошел к ней, обнял за плечи и прошептал в ухо:

— Я про пшенички тебе ничего не сказал. Ты даже не представляешь, баба Нюта, какие они у тебя замечательные.

Оторвался от нее и убежал, не останавливаясь.

Так и прожили это лето. Трудились, отдыхали. Ходили кто в церковь, кто на речку. Я рассказал пацанам про настоящую бабу Нюту. Они сначала не верили мне, но потом отошли, отмякли. Они хоть и «суровые деревенские парни», но все же есть в них чувство справедливости. Мякиш даже новый фундамент помог бабе Нюте залить, когда обнаружили, что ее старый дал трещину.

По осени уехали в город, чтобы перезимовать в городской квартире и снова вернуться в деревню.

Следующим летом, как только слез с автобуса, занес в дом наши с матерью нехитрые пожитки, сразу же побежал поздороваться с Фроловной. Только вместо приветливой ее улыбки обнаружил дом с забытыми крест-накрест окнами. Потом мне рассказали местные, как сразу после нашего отъезда слегла баба Нюта, а по зиме померла. Я искал ее могилу долго. Почему Славик похоронил ее здесь, до сих пор для всех остается загадкой.

* * *

— Да,— вздохнул сторож,— вот тебе и «чужой человек». А относилась она к тебе, как к своему. А может, она в тебе сына своего покойного увидела.

— Так сын ее, Никитушка, живым оказался. Жил все это время в соседнем городе, пил да гулял. Про мать знал, но возвращаться к ней не собирался. Думал, что будет она его жизни учить, работать заставит. А ему нравилось шабашить время от времени, да разгульный образ жизни вести. Он объявился через полгода после смерти Фроловны. Дом они, говорят, делили с Сонькиной матерью так, что вся деревня слышала.

— Поделили?

— Нет. За Фроловной, когда она не вставала с постели, Татьяна почтальонка ходила. Прибирала у нее, кормила. Фроловна ей дом и подписала. Наследники на Татьяну в суд подали, мол, обжулила бабку. Только судья их иск отклонил. А сама Татьяна вскоре из деревни в город перебралась, замуж вышла. Так теперь оба дома с забытыми окнами и стоят: Танин и бабы Нюты.

— Вот она — жизнь,— снова вздохнул сторож.

— Пойду я, Николай Анисимыч, а то на автобус опоздаю. Вы с Валентиной Ивановной Фроловну мою помяните,— Сергей достал из пакета сверток и положил его на стол.

— Помянем, сынок. Обязательно помянем.

Дождь набирал обороты. Сергей развернул над головой пустой пакет и припустил к остановке. Анисимыч вернулся в сторожку. Раскрыл сверток, извлек из него пахучий золотистый пшеник и зашептал: «Помяни, Господи, Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставившуюся рабу Твою Анну...».

Василий Федосеев
(г. Саранск, Мордовия)

ПОЭМА ПРЕДГРОЗЬЯ*

Автор нескольких поэтических сборников: «Я еще буду в жизни», «Нас называли «камикадзе», «Русь зоревая», «Хлебозары», книга поэм «Земля за шеломенем». Произведения также публиковались в периодике, коллективных сборниках. Редактор-составитель антологии «Русская поэзия Мордовии» (2012 г.). Редактор-составитель альманахов писателей Мордовии «Ради жизни» (2005 г.), «Отчий дом» (2006 г.), «Корни» (2007, 2008 г.), «Память сильнее времени» (2015 г.).

7

Володимир вышел в блестящей кольчуге, опоясанный мечом. Он был сверстником Морго Тумо. С ними увязался и толмач, Лабордыця, полностью оправдывавший свое имя.

— Ты откуда наш язык знаешь, ялгай? — спросил Морго Тумо.

— Мил человек, жизнь всему научит. Бежал я из плена хазарского. Пристал к вашему племени на Рав. Долго жил, речи вашей выучился. После пристал к Киевскому князю. Который ходил на хазар да раскинул стан в междуречье Оки-реки да Волги. На стрелке. А после уж мимо шли Рязани. Устал, да к рязанцам пристал. Вот служу рязанскому князю Глебу. Это ты с ним разговаривал на крыльце у сына его Игоря. У того вотчина здесь. Большой здесь город?

— Большой, — подтвердил Морго Тумо.

— А в Рязани стены втрое, вчетверо больше. Стены неприступны.

— Ты не умолкнешь ли? — не вытерпел Володимир. — Дай-ка мне словцо вставить. Он оказался любопытным и смешливым. Его прямо потешали и речь, и одежда гостей. — Э, на твоей невесте кика какова! — Он показал на головной убор Звездочки. — Прямо великая княгиня владимирская!

— Она дочь инязора и невеста сына инязора! — гордо ответил Дубовый Сук.

— Как, ты говоришь, прозывают народ твой? Мордэ и ава? Мордава, значит? Мордава? — все потешался и потешался он. — Не сердись. Я не со зла.

Он их провел мимо храма.

— Здесь мы, русские, своему богу молимся... Зайдем?

Вошли внутрь. Темные стены, лики на стенах. Свечи перед ликами. Да... Богу русскому живется лучше, чем Нишке-пазу на дубе. Но зато на дубе вольготно. Там не эти темные стены.

Колокол ударил в вышине. Раз, другой, третий. Мелодичные звоны и внутреннее

---

* Окончание; начало в № 2, 2019 «Приокских зорь».

убранство храма все более и более очаровывали. А стены и особенно купол над головой уже не давили, а, казалось, тянули ввысь, приподнимали. Окрыляли будто. Не подаваясь, Морго Тумо поспешил вон из храма.

— Что, у вас нет таких храмов? — спросил на выходе Володимир, осеняя себя каким-то своим знаком. Крестом, похоже.

— Нет пока. Нишке-паз на огромном дереве Мастор-авы живет посреди земли. Мой покровитель, дуб, возрос от того дерева.

— Вот как! — опять засмеялся Володимир.— Интересно! А мой покровитель и пращур — Владимирский князь Всеволод, а его предок — варяг Рюрик. А наш общий покровитель — Иисус Христос. Самый сильный бог. Бог над всеми. И над вашим Нишке-пазом тоже.

«Может ли такое быть? — недоверчиво прислушивался к нему Морго Тумо.— Надо к дубу священному идти, там спросить и ждать ответа...».

Они прошли все вместе затухающим майданом. Задержались у лоточника с бусами.

Морго Тумо осенило.

— Как добыть такое ожерелье?

— Купи, мил человек, — поспешил с советами Лабордыца.— Белка или монетка.

У тебя есть монетка, которую тебе князь дал.

Морго Тумо показал монетку.

— Он за эту монетку тебе весь лоток отдаст, — засмеялся Володимир.— Выбирай своей княгине.

Звездочка сама выбрала себе монисто. Среди ее украшений стекляшки бусинок засветились, словно звездочки на темном небе. И сама Звездочка светилась.

Много ли надо женщине, чтобы она засветилась? Этих стекляшек?! Володимир и Морго Тумо переглянулись, поняли друг друга, засмеялись.

Морго Тумо купил еще бусы — матери, Ветке, и тоже был доволен. Глядя на него, и Володимир добро улыбался.

— Ну вот, и человек стал счастливее, — прочитал его мысли Лабордыца.

— Счастливее? Счастье — это что?

Счастье. Действительно. Что есть счастье? Доброе расположение духа? Может быть. А мужское счастье — в чем оно?

На оставшееся Морго Тумо две горсти соли купил. Пополнил мешочек свой.

— Хочешь мы с тобой будем друзьями? — предложил Володимир.

— Да. Хочу.

— А хочешь побратимами? Чтоб все общее. И беда, и горе. И радость. Чтоб твои враги стали моими врагами, а мои твоими? Чтобы всегда спешили на помощь друг другу, как отцы наши?..

— Да, хочу.

Вытянули навстречу друг другу руки, проткнули княжеским ножом большие пальцы себе, прижались кровью друг ко другу. Побратимы отныне и до века.

Что-то вам судьба приготовила, побратимы?

8

Перестал Нишке-паз покровительствовать народу Морго Тумо. Перестал помогать, советы давать. Или просто люди перестали его понимать после гибели Дубового Кряжа? Дубовый Кряж понимал. Забирался на священный дуб, молящиеся у подножья передавали просьбы к великому божеству, просили совета и пророчеств. Дубо-

вый Кряж передавал это Нишке-пазу. Нишке-паз отвечал. Это взаимопроникновение, общение с Богом требовало особого состояния человека-проводника, требовало огромных сил. Дубовый Кряж спускался с дерева похудевшим и обессиленным, не стоял на ногах, падал. Дерево как будто вбирало в себя его силы, высасывало соки из человека. Люди понимали это и беспрекословно шли за Дубовым Кряжем, избранником Нишке-паза.

Но когда никого не было рядом, священное дерево ли, или дух Нишке-паза отдавали свои силы и соки человеку, находящемуся в кроне. Люди это тоже знали, и, когда Дубовый Кряж шел к дереву один и просил, чтобы его не сопровождали и не беспокоили, его не беспокоили. Знали, полученное от дерева Дубовый Кряж вернет народу своему.

Но после гибели инязора некому стало общаться со священным деревом. Никто не мог разобрать советов Нишке-паза. Дождя не было давно. Дождь нужен. Как упросить Нишке-паза, чтобы дождя дал? Молились, просили, но кто мог сказать: понял Нишке-паз, не понял? Поможет, нет ли?

Свирепый Бык недавно влез с помощью своих прихлебателей на дуб священный. Пытался пророчествовать с дерева. Ссылался на благосклонность Нишке-паза. Но обещанный им дождь так и не выпал.

Среди жителей Ошпанды все упорнее ходили слухи, что Свирепый Бык не в чести у Нишке-паза, зато сын Дубового Кряжа, юный Морго Тумо, беседует со священным дубом, с теми, кто прячется в его кроне.

Пришли люди к Морго Тумо.

— Вай, Морго Тумо, не передашь ли Нишке-пазу, что он забыл дочку свою Веду-аву послать с водой на землю, чтобы помогла Мода-аве* полить землю. Засуха сушит посевы, мы останемся без хлеба.

— Вай, Морго Тумо, иди. Если тебя послушает Нишке-паз и будет говорить с тобой, быть тебе инязором заместо Быка Свирепого.

Просили и пришедшие когда-то с Быком, и свои, старожители Ошпанды. Все равно теперь и без хлеба смерть, и от Быка смерть. К тому же болгары ушли, а недавно исчез из городища и Свирепый Бык. Может, ушел дань собирать со своими дружинниками, может, за болгарам в Болгарию, может, отсиживается в дальнем веле** у одной из своих алуж***. Может, и у алуж. Ибо семью свою оставил Свирепый Бык в Ошпанде.

Появились в городище, пользуясь случаем, Кривой Глаз с Сипатым Прончатом.

— Айда к Священному дереву, Морго Тумо. Ты с ним часто разговариваешь, мы знаем. Поговори с ним о нас. Передай поклоны наши, наши просьбы. Забыл Нишке-паз про нас, напомни.

И пошел Морго Тумо к дубу священному. И пошли за ним, неся с собой подарки для Нишке-паза, жители Ошпанды, и свои, и пришлые. И мужчины, и женщины. Чачома Тешкс и Баяга выделялись. Какие стали! Словно две яблони весной зацвели.

И при всех взлетел Морго Тумо по стволу до первой ветви, даже слези не понадобилось. Люди ахнули. И сказал сверху им:

— Замолчите внизу. Чтобы не слышал вас прежде времени Нишке-паз.

Прижался наверху к самому толстому суку. Шумели сурово листья, как звенья кольчуги, терлись друг о друга ветви, как плечи воинов, идущих на битву.

— Война будет скоро.

— Как скоро? — простонали внизу.

---

* *Мода-ава* — богиня поля.

** *Веле* — село.

*** *Алуж* — возлюбленная, любовница.

— Осенью, как урожай уберем.

Вздых-стон послышался снизу.

— Хороший ли урожай будет? — снизу...

— Хороший урожай будет, — сверху, словно эхо...

— Дождь будет завтра? Послезавтра? — снизу...

— Завтра-послезавтра... — сверху.

Морго Тумо не помнил, как спустился с дуба. Внизу его поймали, поддержали, не дали упасть на корневища.

— С кем война, какая война?

Морго Тумо лишь головой потряхивал и тревожно улыбался.

— Э, парень, что-то ты пугаешь нас.

— Война как дождь, — качали головой другие. — Нет утром, нет днем, а тут в ночь и пролился...

— Значит, будет дождь, если он сказал, что сначала мы уберем урожай. Значит, будет урожай, а там уж война...

— Ничего больше не скажу, — Морго Тумо сам не свой был. — Устал...

На коня сел, впереди Родинка перед ним села. От Солнечной Звездочки или от дубовых веток, что касались и охаживали Морго Тумо по дороге, усталость прошла. Усталость прошла, тревога осталась. Весь другой день сам не свой был.

— Где дождь? Морго Тумо! — казалось, кричали ему все: и люди, и поля.

На третий день не выдержал, взял дубинку от волка Верьгиза, кинжал княжеский от медведя Овто и рано-рано перелез через дубовый часток Ошпанды. Даже Родинке ничего не сказал. Родинке, которая, пока не было отца, не отходила от Морго Тумо ни днем, ни ночью... Нынче шептала жарко:

— Неужто Рузонь-паз не велит иметь двух жен? Тогда хочу русскую веру, — как вроде в шутку.

9

Нынешним утром не пала роса на травы, как в прежние засушливые дни. Лесное разнотравье оставалось колючим, как иголки, и вместе с сосновыми иголками хрустело, шелестело под босыми ногами. Даже в бору всегда вкусный и свежий хвойный запах глушился удушливо сухим воздухом зноя и недалекого пала. Значит, быть дождю. Это одновременно и радовало, и тревожило душу Дубового Сука. Так и бывает перед грозой. Тревожно и радостно.

Не зря два дни назад всем родом-племенем упрашивали могучего и строгого Чам-паза, чтобы его дочь Анге-патяй, вечно юная покровительница плодородия, помогла взрастить богатую пшеницу.

Упрашивали доброго и справедливого Нишке-паза, чтобы его брат Пурьгине-инязор, князь грома, разразился грозой. Чтобы Ведь-ава не пожалела воды для дождя... Не зря вечером хлебозары-зарницы вспыхивали в той стороне, откуда дождь приходит. И начинался порывистый ветер... Нагонит-нагонит дождь.

У молодого ноги подкованы ветром. Не успел оглянуться, ноги принесли Морго Тумо к огромному, в пять человеческих жизней по возрасту, а может, больше — кто считал? — развесистому дубу. В кроне этого великана вершину не увидишь. Там Нишке-паз. Или, может, дух его. Ведь не может Нишке-паз быть только в одном месте. У соседей тоже есть огромный дуб. И тоже уверяют, что там Нишке-паз. Старики даже спорили: как так? Нишке-паз один во многих местах? Не иначе, как работники его замещают. Чам-паз, например. Или он вместо себя дух свой посылает. Сколько дубов, столько духов. Разделился. Разве так можно? Но на то он и Нишке-паз. Он и землю сотворил, значит, он все может.

Но что такое? Вокруг священного дуба стена из воинов. Стена из русских дружинников. А возле самого дуба кто-то собирает дары, рвет с веток рушники холстинные и бросает в костер.

В черном. В таком одеянии Дубовый Сук видел человека в храме рузонь. Это служитель Рузонь-паз — русского бога. Тот самый поп-батюшка, как его называют русские. В черной, длинной до пят рубахе, на груди крест... Крест — это что-то незнакомо-страшное. Это как тоже частичка их бога. С этим крестом, говорят, они не боятся Нишке-паза и его свиты. Но что же он делает? Зачем срывает с дуба и топчет, и бросает в костер дары и холстинные рушники, пожертвованные народом Дубового Сука Нишке-пазу. Зачем?! Так вот он, враг! Вот кого надо убить! За осквернение священного дуба. Дубовый Сук чуть не задохнулся от ярости. Не его ли Нишке-паз избрал орудием мести? Не он ли должен защитить от поругания свой священный дуб?! Ведь и он — ветвь дуба.

Вот она — пора возмужания. Морго Тумо и не раздумывал больше. Он растолкал стену из крепких плеч воинов и бросился на осквернителя со своей дубинкой проучить нечестивца, защитить святое. Вот он взмахнул дубинкой своей, которую приготовил для волка, ударил. Вот ножом еще ткнул, но тут же от мощнейшего удара в голову и сам скувырнулся рядом с попом-батюшкой. Ни боли, ни света...

Очнулся. Кто-то плеснул ему в лицо водой из ковша.

— Чего с ним возжаться? Приколоть да закинуть в овраг.

Дубовый Сук узнал русский говор, хотя мало чего понимал.

— Ты кто такой? — подошел к Суку плечистый, с курчавой бородкой воин в светлой кольчуге. — Ну, встань, встань. Сможешь стоять-то? Парень уж.

Дубовый Сук встал, пожегся, качнулся.

— Будет ответ держать. Ты по-русски разумеешь ли?

— Здорово были, — вспомнилось Морго Тумо.

— Здоровее видали, да оплеух надавали, — усмехнулся в светлой кольчуге. — Эй, кто знает по-ихнему? Где давешний бортник?

Из-за спин воинов протиснулся Кривой Глаз.

— Этот из каких? Из ваших? — грозно продолжал вопрошать в светлой кольчуге. Инязор, видно, русский.

— Морденс мон* и сонь**, — с достоинством поклонился Кривой Глаз.

— Ты не мон-сонь, а говори по-русски. Из чьих вы с ним? Люди кто?

— Люди? Ломанть.

— Ну вот, ломани. Пошто хотели отца Нестора убить? Отвечайте по чести, ибо суд мой, а на кону ваши жизни. Особливо этого молодца.

— За что ты хотел убить ихнего молебщика? — тихо спросил Кривой Глаз Морго Тумо.

— Громче! — возвысил голос русский инязор.

— Он разорял наш дуб священный, — хмуро промычал Морго Тумо. — Он враг, а ты врагу служишь?

Кривой Глаз переводил все.

— Он не враг. Он идет походом на болгар, что убили отца твоего. — И князю: — У него болгары отца убили. Отомстить хочет.

— Не с того начал. Пошто же на батюшку нашего напал?

— Так святыню же хотел тот порушить!

— Все ваши идолы — нехристи, нечистая сила. У нас тоже полно таких. Лешие да водяные, ведьмы да домовые. Небось, креста они христианского побоятся. Им

---

* Мон — я.

** Сонь — он.

всем дано несколько дней побеситься: на святки да на Ивана-купалу. А так все в преисподней.

Кривой Глаз переводил по своему разумению.

— Говорит, наши боги — слуги шайтана и все под землей. А на небе их бог Христос, а на земле, выходит, никого нет, — и руками развел.

— А Ведь-паз, что Родинку хотел утащить, и я еле-еле отбил? А Нишке-паз, который обещал дождь? — По листьям дуба зашумели первые капли дождя.— Видишь этот дождь? Нишке-паз обещал, слово держит.

10

Дождь уже хлестал по листьям и по лицам, костер погас. Из глазных впадин служителя русского бога вылетали светлые брызги.

В князе боролись два чувства: наказать, не раздумывая, убийцу и, не уронив достоинства княжеского, соблюсти закон. Что там по закону? Убить или взыскать виру. Кабы виру взыскать... А найдут ли они виру? Выкуп за убитого? Все же обратился к дружинникам:

— Убить или взыскать?

— Убить! — взревели окружающие воины.

Дождь вдруг смолк. Лишь звонко капли падали.

— Князь, князюшко! — послышалось вдруг с земли, где лежал поверженный священник.

Как бы ни было шумно и громогласно вокруг Морго Тумо, однако голос пастыря божьего был слышен, как и падение капель. Думали: все уже, мертв. Ан жив пока.

— Ну-ка, тихо все! — В светлой кольчуге опустился на колени перед лежащим, наклонился ниже.

— Отпусти его... — послышалось опять слабое.— Дитя неразумное, языческое. Не понимает, что творит. Да я и сам виновен... — прерывисто, из последних сил говорил лежащий.— Надо с божьим словом, а я с гневом... Прости его... — и глаза смежил. Дух испустил.

Князь смутился. Окружавшие его воины так же смутились.

— По закону — убить! — Он обвел глазами своих воинов.— Или заставить выплатить выкуп. Виру. Кто поручится за человека, убившего нашего священнослужителя? Нет такого?

Дождь снова начался. Не такой сильный, а словно из сита: мелкий и затяжной, в самый раз для хлебов.

— Я, рузонь инязор! Я поручусь за своего инязора! — вышел вперед и поклонился Кривой Глаз.

— Поручишься, что он выплатит виру?

— Выплатит, рузонь инязор. Видишь, дождь какой? Мы соберем и выплатим виру. Коли дождь пошел, значит, люди поверят Морго Тумо и виру за него любую внесут.

— Не знаю, поверю ли я ему и тебе... Откуда у тебя этот нож? — обратился к Морго Тумо русский инязор. Он вертел в руках отнятый у Морго Тумо нож.

— Это нож моего отца.

— Нет, это нож моего отца. Видишь клеймо?

— Моему отцу давно дал русский инязор.

— Какой русский князь? Как его звали?

— Инязор Глеб.

— Мой отец,— раздельно произнес человек в светлой кольчуге,— дал твоему нож? За что?

— Они были друзья.

— Верно. У него был друг из ваших... Большой Дуб, что ли?.. Стой-стой... Пока-тум, что ли...

— Покш Тумо*,— помог Кривой Глаз.

— Мой отец — Дубовый Кряж! — гордо произнес Морго Тумо.

— Ну да, да! А зачем же ты набросился на русского попа? За это дерево? Это что, ваш оберег? Дуб? Родовое дерево?

— Да, заступник народа моего.

Рядом с допросчиком появился, словно из воздуха родился, еще один воин, похожий на первого, лишь борода только пробиваться стала. Он был в такой же светлой кольчуге, в шлем-шишаке, закрывающем забралом переносицу.

— Князь Роман! — возбужденно-радостно обратился он к допросчику.— На семь верст — никого. А за этой рощей — проселок. Там крепостные стены виднеются. Это то самое городище, о котором отец говорил.

Морго Тумо узнал побратима своего:

— Володимир! — И потянулся к нему.

— Ну-ну! Не дергайся! — стороживший Морго Тумо русский воин наставил на него копые, кровяня подбородок.

— Городище? Это твое селение, молодчик? Он отца Нестора на тот свет отправил.— Князь протянул нож.— Узнаешь нож? Наше княжеское клеймо на нем. Говорит, батюшка наш ему подарил.

Володимир глянул на нож и глянул на пленника.

— Да это ж сын убитого побратима отцовского и мой побратим, Сук Дуба,— на русский лад назвал он Морго Тумо.— Ну-ка, отпусти его,— приказал он воину.

Тот вопросительно посмотрел на старшего.

— Ты не должен приказывать моим воинам,— осерчал вдруг князь Роман и начал при всех выговаривать младшему: — У моих воинов должен быть один воевода. Это я. Наш батюшка да набольший воевода владимирский, лишь те могут приказать моему воину. А тебе и твоим воинам я могу приказать, потому как я набольший над тобой. А ты моим воинам не указчик.

Володимир стушевался.

— Прости, брат.— Он смиренно склонил обнаженную голову.

— Так вот.— Старший брат был отходчив. Полуобнял младшего.— Начался поход. Чти чин.— Он глянул на пленника.— А этому или смерть, или пусть платит виру. Ты поручишься за него? Пока он виру раздобудет.

— Мы побратимы,— оживился вновь Володимир.— Он тоже сын княжеский, и я за него ручаюсь.

— Ну, добро. Оставляю тебе его, пленником. Заверни с воинами в мордаванское городище, взыщи виру. Заодно узнаешь, что и как там. Пригодится,— глаза его на миг подобрели, голос помягчел.— Стригунок!..

Он посмотрел на лежащего под дубом.

— А батюшку мы здесь и похороним, под сим дубом. Пусть две веры рядом будут. Помирятся. Как мы сами часто с иноверцами миримся против иных ворогов.

Володимир дал Морго Тумо своего запасного коня. Нашелся конь и для Кривого Глаза. Никаких седел. И без седел крепко могли мужи Ошпанды обратить коня.

— Кстати подоспели вы, русские. Пришло время коней наших забрать из конюшен Свирепого Быка,— поделился с Володимиром Дубовый Сук мыслями своими.— От коней Дубового Кряжа у Свирепого Быка целый табун только одного приплода. Чей приплод?

---

* *Покш* — большой, *тумо* — дуб.

— Разберешься,— смеялся Володимир.— Ты князь. По закону своего народа.
— Князь,— стиснул зубы Морго Тумо.— Ни земли, ни коней. Все у Свирепого Быка.
— У меня тоже нет ни надела, ни вотчины. Победим болгар — будут и вотчины, и наделы.
Подъехали к стенам городища. Сторожа, узнав Морго Тумо, отомкнули ворота.
— Сзовите всех к дому инязора Морго Тумо!

11

Три раза прозвучал давно забытый сигнал торама*. Первый раз, услышав торама, жители не поняли, что это за звуки такие. Второй раз прозвучала торама. Вспомнили: сбор у крыльца инязора Дубового Кряжа. Третий раз пропела торама. Оставили домашние дела люди. Бросились к крыльцу нового инязора Морго Тумо. Знать, крепкая нужда пришла инязору, коль разбудил торама и заставил ее звучать.

— Сородичи,— начал Морго Тумо,— я ваш инязор! Мне помогают русские люди, которые идут походом в Булгарию. Они отомстят и за нас болгарам. За наших павших. Я иду с ними. Молодые воины, товарищи мои! Я вас зову с собой. Отомстим за павших отцов! Кто хочет поквитаться с булгарами, я вас зову с собой. Отомстим за павших братьев наших! Айда на болгар!

— Айда! — откликнулись парни, товарищи инязора.— Мы с тобой, инязор!

— Айда! — откликнулись другие мужчины.— Мы с тобой, инязор!

— Мы с тобой, инязор! — откликнулись парни из другой ватаги, из ватаги Айгара.

— Мы с тобой! — Айгар и сам сказал.

— Сородичи! — продолжил Морго Тумо.— Возле нашего священного дуба я, обезумев от ярости, убил служителя русской веры. Я защищал нашу веру. Убийство человека, по законам предков, карается смертью убийцы. Если он не защищал свою жизнь. По законам рузонь, за убитого тобой человека можно заплатить выкуп. Виру.

Морго Тумо быстро освоился в новой своей ипостаси. Видно, сильно ему помогают живущие на священном дубе, здорово помогают ему его покровители.

— Сородичи! Я еще не ведаю своего табуна и своих полей, отнятых Свирепым Быком. Поэтому я прошу вас помочь мне, своему инязору. Вы вручаете мне свои жизни, идя со мной на бранное поле. Так не пожалейте мне частицы вашего добра, чтобы выплатить виру.— Он прерывисто вздохнул.— Если вы стоите за мной, если вы идете за мной, если вы думаете связать со мной жизнь нашего народа...

— Бери, инязор! Бери у нас, сколько надо! — загудела толпа.

— Бери бель** и ярмакт***!

— У кого нет ничего, бери самого!

— Бери наши жизни!

Люди побежали по домам, тут же начали возвращаться.

— На, считай, Кривой Глаз!

Кривой Глаз монеты собирал в шапку, беличьи шкурки в торок у седла рузонь князя.

— Хватит, хватит! — дивился происходящему русский княжеский сын Володимир.

— Бери на оружие Морго Тумо! Бери на седла! — неслось отовсюду.— У меня возьми!

---

* *Торама* — сигнальная труба древней мордвы.

** *Бель* (древн.-рус.) — белки, пушнина.

*** *Ярмакт* — деньги.

— Почему у меня не берешь? — обижались.

Родинка подошла. Сняла с груди недавно купленные ей на русском майдане бусы.

— Возьми, возлюбленный, возьми для своего похода.

Баяга подошла к собираемой вире. Протянула монетку.

— Отец перед походом, где он погиб, оставил на нужду нам. Настала нужда. Возьми, инязор.

К вечеру дождь прекратился. К вечеру накрыли жители Ошпанды и ближайшей округи столы в честь богини дождя и воды Ведь-авы.

— Она тебя любит. И ты ее любишь? — недоверчиво и ревниво спрашивала у Морго Тумо Родинка. — Не променяешь меня на нее?

Морго Тумо лишь отрешенно улыбался.

Сидели за столами. Русский князь около Морго Тумо во главе столов. Рядом Айгар, предводитель второй ватаги. Рядом Кривой Глаз и Сиплый Прончат. Ветка рядом и Лисичуха. Родинка рядом и Баяга неподалеку. Понравилась очень Баяга русскому князю.

— Иди ко мне, красавица! Я буду любить тебя.

Обожгла Морго Тумо искрами глаз своих Баяга. Больше ни на кого не взглянула. Убегала. Попытался русский князь за ней погнаться, да после пуре* ноги не держат! Голова светлая, любить хочется всех, а ноги не держат.

Объявил Морго Тумо тут о том, что он берет в жены Родинку.

— Будешь ли ты, Родинка, верна своему мужу? Будешь ли любить его, рожать ему детей? — спрашивали старейшины.

— Буду,— светло отвечала Солнечная Звездочка. Любить буду, верной буду.— И шепнула своему возлюбленному: — Ребенок у меня бьется под сердцем. Твой ребенок.

— Возьми нож. Не вернись, отдашь сыну,— протянул Родинке Морго Тумо нож русского инязора.

Поздно ночью уже, когда русского князя уложили в горнице, а Морго Тумо остался с Родинкой, та ему опять заявила:

— Хочу русскую веру. По русской вере, мужчина берет жену только один раз. Хочу, чтобы я у тебя была одна.

Утром в поход. Собрали коней бывших Дубового Кряжа, а после — Свирепого Быка, а теперь — коней нового инязора.

Все раздал Морго Тумо своим воинам. Кому-то не понравилось. Айгар нахмурился, промолчал...

С утра новая многотрудная жизнь.

Вместо послесловия

По дороге на Булгарию отстал Айгар со своей ватагой и братьями своими. Многих коней увели. Встретились сыновья с отцом. Пронеслись по земле Морго Тумо. Забирали ценное, топтали хлеба, колосившиеся стеной после дождей. Постояли возле закрытых Веткой и старейшинами ворот Ошпанды. Погрозились. Из-за Оки спешили на помощь мордавам предупрежденные накануне русские. Ушли люди Свирепого Быка туда, откуда пришли.

После того как объединенные русские князья и с ними Морго Тумо разбили болгар и взяли с них дань великую, пошли каждый по своим землям. Морго Тумо уговорил рязанцев помочь ему против Свирепого Быка. Отмечает после русский летописец: «...И поворотища коней на мордву...».

---

* Пуре — хмельной медовый напиток.

Рязанские князья за помощь требовали с Морго Тумо часть его земель вместе с городищем, прилегающих к Оке. Морго Тумо и его соплеменникам пришлось отступить в междуречье Суры и Мокши. Земля досталась побратиму Володимиру Глебовичу Рязанскому.

Всякое приходилось Морго Тумо: заключать союз с одним русским князем против другого. Ибо не прекращались на Руси междоусобицы. Заключал инязор союзы с хазарами против русских, с половцами против хазар.

И привез Морго Тумо из половецкой земли себе жену, княгиню кипчакскую. Для скрепления союза взял за себя дочь половецкого хана. Черноглазку. И привез Черноглазку в Ошпанду.

И нашли утром Черноглазку с ножом в груди, с ножом, подаренным когда-то русским князем отцу Морго Тумо, Дубовому Кряжу.

— За что ты убила Черноглазку? — горестно спросил Морго Тумо свою Родинку, свою Солнечную Звездочку, свою Чачома Тешкс.

— Я одна хочу тебя любить, я ни с кем не хочу делить тебя, — отвечала Родинка. — Мы с тобой повенчаемся в русском храме, и ты будешь любить лишь одну меня!

— Нет, горе мое ты, а не радость! Не звездочка уж, а ночная темнота. По закону русскому, за беспричинное убийство — или смерть, или большой выкуп, вира. По закону наших предков, убийство беспричинное карается смертью.

— Так ты не думаешь выкупить меня?! — изумилась Родинка.

Ушел Морго Тумо в лес. К дубу — покровителю народа своего. Прижался в кроне к стволу. Стал думать Морго Тумо: можно ли закон подмять под себя? Скажут друзья-соседи: у них закона нет. Как с ними договариваться? Как с ними заключать союз, если у них порыв страсти сильнее закона?

Стал думать Морго Тумо: если не накажу свою жену, что скажут чужие? Кому-то можно преступить закон, а кому-то нет? Значит, и всем можно будет жить беззаконно.

— Я не нарушу закон моего народа, — силло произнес Морго Тумо. — И не позволю, — возвысил он голос, — чтоб кто-то перечил моей воле. — И снова тихо: — Смерть за смерть. — И отдал свою Звездочку палачу. Осиротинил детей своих. Чиркнул палач ножом по горлу Родинки. Там, где у нее была солнечная звездочка. Опрокинулась Родинка. Упал на кровавую грудь Родинки Морго Тумо.

— Что я натворил?! — воскликнул в горе непомерном.

...Похоронил он ее в священной роще под священным дубом, рядом с могилой русского божьего служителя. Она мечтала о русской вере.

— Пургазь верь алуж, — стал называть своего инязора народ его. — Обрызганный кровью возлюбленной...

А скромная Баяга дождалась своего праздника. Она была хорошей матерью для всех детей Пургаса.

«Пургаз», «Пургасова волость», «Пургасова Русь» — осталось об этом времени в русских летописях. Во время татаро-монгольского нашествия, во время грозы великой Пургаз выступил на стороне рязанских князей.

